

ХАННУ МЯКЕЛЯ

Бесстрашный Пекка

Перевод Элеоноры Иоффе
Предисловие Эдуарда Успенского

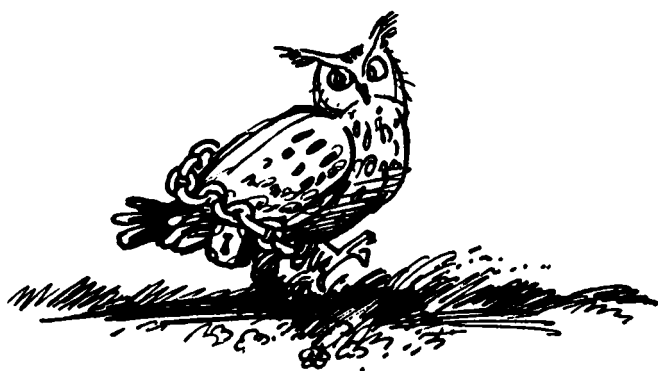

ХАННУ МЯКЕЛЯ

Бесстрашный Пекка

Перевод
Элеоноры Иоффе

Санкт-Петербург
ЗЕБРА
2001

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
М 99

Copyright © 1982 by Hannu Mäkelä

*Книга публикуется
с любезного разрешения автора*

Перевод с финского Элеоноры Иоффе

Оформление серии Вадима Пожидаева

Художник Владимир Осипов

Мякеля Х.

М 99 Бесстрашный Пекка: Сказочная повесть /
Пер. с фин. Э. Иоффе. — СПб.: Азбука-класси-
ка, 2001. — 256 с.

ISBN 5-352-00078-8

Ханну Мякеля — детский писатель, которого в Финляндии знает едва ли не каждый. И детям, и взрослым наверняка придется по душе его сказочная повесть «Бесстрашный Пекка». Она впервые публикуется на русском языке в переводе Элеоноры Иоффе. А предисловие к этой книге написал друг Ханну Мякеля и замечательный детский писатель Эдуард Успенский.

ISBN 5-352-00078-8

- © Элеонора Иоффе, перевод, 2001
- © В. Осипов, иллюстрации, 2001
- © «Азбука-классика», 2001

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Все вы, наверное, читали книгу «Дядюшка Ау» или видели такой мультфильм. Может быть, вам попадалась книжка «Пяйве Пяйвевич Пяйвев» или вы видели кукольную пьесу с таким названием. А может быть, вы не читали и не видели ни того ни другого — тогда у вас всё лучшее впереди.

Но так или иначе, обе эти повести написал известный финский писатель Ханну Мякеля. Он вообще-то написал очень много книг, просто именно эти были переведены на русский язык и понравились русским ребятам.

Новая сказка Ханну Мякеля называется «Бесстрашный Пекка». Это удивительное произведение... На моей памяти это первая попытка рассказать юным читателям историю о борьбе с диктаторской командой, о противостоянии Зла и Добра.

Во главе этой команды стоит Великий Волк. Он труслив, жаден и абсолютно бессовестен. Но благодаря своей «волкохране» он запугал лесных зверей и буквально выёз из них верёвки. Все жители Зелёновой Рощи скованы страхом.

Но вот волею судьбы и автора в центре событий оказывается мальчик Пекка. Ему тоже страшно. Ведь он ещё маленький. Но он не хочет смириться с тем, что лесные жители превращены в рабов, а Волк с волкохранами распродаёт лес, ручьи и озёра.

В этой книжке много непривычных событий. Непривычных сказочных поворотов и неожидан-

ностей. Она написана в лёгкой, условной манере. Читатель неотрывно будет следить за судьбой мальчика Пекки, Лесовика, красавицы Лисоньки, Филина и Медведя — до самого победного конца.

А в конце выясняется, что дело не в абстрактной волшебной храбрости, а в той маленькой смелости, которая живёт внутри, в душе у каждого из нас, и надо только её разбудить.

Итак, в путь-дорогу. Открывайте книгу и начинайте читать. Только не читайте на уроке. Учитель отберёт книгу и будет читать сам.

17 августа 2001

Эдуард Успенский

Р. С. Ребята!

Я совсем забыл, что эта книжка — переводная, настолько чист и ясен язык перевода. Правда, переводчику Элеоноре Иоффе иногда приходится что-то изобретать — ведь до сих пор в русском языке не было таких слов, как «волкохраны» или «медведеньги». Или «Зелёновая Роща». Эти новые слова придуманы для того, чтобы лучше и точнее пересказать по-русски то, что Ханну Мякеля написал по-фински.

Бесстрашный Пекка

Глава первая

На лесной опушке жил дом, а в доме жили люди: обыкновенная мама, необыкновенный папа и маленький мальчик, Пекка.

Мама была обыкновенная — она всегда из-за всего тревожилась; а папа необыкновенный — потому что тоже тревожился. И эта тревога передавалась дому. Ветренными тёмными ночами ему было тяжело: он скрипел и потрескивал, всё никак не мог заснуть; окна его поблёскивали тускло и недоверчиво. Дымовая труба вздыхала низко, печально, а ветер свистел и плакал в дымоходах, жалуясь на свою бродяжью судьбу. И тогда дом казался таким страшным, что даже летучие мыши не решались к нему приближаться.

Но Пекка ничего об этом не знал. Он привык к своим родителям и к дому и даже не слышал никаких вздохов. У него полно было других дел.

Вот и сейчас Пекка, усевшись поудобнее в кресле, читал, совсем не слушая, о чём разговаривают родители в другом конце комнаты. Над его головой сияла лампа — круглая, как луна. Осенний ветер стучал в окно. Время от времени по крыше внезапно начинал колотить ливень и так же внезапно умолкал.

Но Пекка и его не слушал — он переворачивал прочитанную страницу и грыз яблоко, которое ветер стряхнул с яблони во дворе. И поэтому знал, что наступила осень.

Вдруг на него напала зевота, а глаза поневоле начали закрываться. Мама тут же оторвалась от вязания и положила на стол уютно звякающие спицы: пора Пекке идти спать.

— Ну-ка, Пекка, ступай в кровать, — ласково сказала мама, поднимая Пекку под мышки с кресла. — Пришло время пожелать всем спокойной ночи. Спокойной ночи, милый Пекка.

Пекка зевнул и замотал головой, как вислоухая собака.

— Неспокойной ночи, беспокойной ночи! — буркнул он, набычившись.

Мама изумилась, отчего это Пекка так отвечает: ведь ему следовало, как обычно, веж-

ливо сказать: «Спасибо, и тебе того же, мама!» Что это значит?

Она погладила сына по льняной голове и спросила самым-самым ласковым голосом:

— Почему ты желаешь беспокойной ночи?

Но Пекка был совсем не в том настроении, чтобы терпеть поглаживания.

— Откуда же знать, какая будет ночь, — проворчал он и оттолкнул мамину руку. — Я, по крайней мере, не знаю...

Тут мама изумилась ещё больше: что это, в самом деле, случилось с её маленьким Пеккой, — может, он простудился? Может, у него корь?

И мама озабоченно схватила Пеккину руку, проверяя, не жар ли у него.

Пекка взглянул на неё с укоризной, но его вдруг одолела ужасная усталость, и он ничего не сказал. Он скинул одежду, натянул свою полосатую пижамку так быстро, что мама даже удивилась, и нырнул в постель. Прохладные простыни согрелись, когда Пекка попи-
нал их немножко ногами, и вскоре он повернулся на бок и сказал:

— Я засну сразу, как ты уйдёшь, честное слово.

— Хорошо, — по-прежнему недоумевая, согласилась мама и уселась на край кровати.

— Сразу же, как ты уйдёшь! — упрямо повторил Пекка.

— Хорошо, — покорно ответила мама: ей ничего не оставалось, как выйти и закрыть за собой дверь. — Приятных снов! — крикнула она уже из коридора.

Пекка прислушался к маминым удаляющимся шагам; для верности он ещё сосчитал до десяти. И когда удостоверился, что мама действительно ушла и из коридора не доносится больше ни шороха, почувствовал себя гораздо бодрее. Но Пекка дал слово, и его надо было держать. Сказав себе: «Сейчас я буду спать!» — он закрыл глаза и захрапел, как папа. Потом открыл глаза и сладко зевнул:

— Охо-хо! Ну вот я и поспал — а теперь могу снова читать! — И сел в кровати, но вдруг вспомнил, что его книга осталась в гостиной.

Он встал и принялся обдумывать разные способы достать книгу, но ни один из них не мог перенести книгу к нему в комнату: она была слишком увесистая, чтобы можно было передвинуть её усилием воли. Ничего не поделаешь — надо идти самому; папа с мамой не

заметят, если он тихонько прокрадётся вниз. Пекка осторожно взялся за дверную ручку, приоткрыл дверь и на цыпочках двинулся по коридору. Но через несколько шагов ему пришлось остановиться: коридор был совсем не такой, как прежде! Вернее, это уже был никакой не коридор: Пекка стоял посреди тёмного двора и не мог сообразить, как он тут очутился. Что-то стукнуло, и, оглянувшись, он увидел, что дверь дома захлопнуло ветром. Пекка здорово испугался. Он изо всех сил припустил к двери, но никак не мог добежать, потому что дверь тоже не стояла на месте: она отдалялась — сначала медленно, а потом всё быстрее. И это ещё не всё. Сам дом тоже куда-то поехал — заскользил по лужайке, пока не оказался на опушке леса. Тут он вытянулся, на мгновение приоста-

новился и начал подниматься в воздух. Ещё разок хитро взглянув на Пекку кошачьими глазами, дом исчез где-то в темноте над лесом. Остался только пустынный двор!

— Помогите! — крикнул Пекка изо всех сил. — Спасите!

Но никто не ответил.

— Ничего страшного, — стал уговаривать себя Пекка, для убедительности кивая головой. — Терпение! Это просто сон. Скоро я проснусь в своей кровати и посмеюсь над всей этой ерундой.

Но ветер застонал, завыл, и Пекка в страхе кинулся бежать к беседке, которая обычно горбилась за маленьким яблоневым садом. Там можно было по крайней мере укрыться от ветра и обдумать, как быть. Однако на том месте, где раньше стояла беседка, теперь валялись только несколько сгнивших досок и трёхногий детский стульчик. Яблоня стряхнула дождевые капли Пекке за шиворот.

«Теперь-то уж я точно должен проснуться», — подумал он, но ничего не изменилось: он оставался всё там же и вдобавок дрожал от холода.

«Надо ущипнуть себя», — подумал Пекка и так сильно ущипнул себя за руку, даже слёзы

выступили. Но, кроме слёз, иного результата не было — он по-прежнему стоял во дворе, стоял и мёрз; капли падали ему на макушку и за воротник.

«Здесь нельзя оставаться, но и бояться тоже нельзя — ни в коем случае! — внушал себе Пекка. — Побегу-ка я лучше к Мысиковым, — вдруг сообразил он, — там по крайней мере тепло. От них можно позвонить... попросить помощи...»

Кругом шумел мрачный лес, было темно; лунный свет, иногда мелькавший в просветах растрёпанных облаков, лишь на мгновение освещал тропинку. Пекке стало очень страшно. Но он решительно двинулся по направлению к соседскому дому, который находился поблизости — сразу за перелеском. Пеккины зубы выбивали дробь; он помчался что было сил и на бегу запел, вернее, заголосил первое, что пришло в голову, чтобы все хищные звери и разные лесные существа наверняка услышали, что он приближается, и в страхе разбежались:

*В горку наверх и с горки вниз, снова и опять!
В горку наверх и с горки вниз буду я бежать!
А тёмный лес так жаа-ло-бно вздыхает,*

*что страх на меня-яя он нагоня-яет,
но я боя-яяться вовсе не хочу —
за хра-аабрость пиро-оожное получу!!!*

Но только песня нисколечко не помогала: дому Мысиковых давно уже пора было показаться на краю поля, а никакого поля не было и в помине — тропинка уходила дальше в глубь леса. И хотя Пекка бежал всё быстрее, знакомому крохотному перелеску не видно было конца! Вокруг становилось всё темнее, так что даже тропинку было не разглядеть. Внезапно что-то холодное и колючее дотронулось до Пекки, и он содрогнулся от ужаса: кто-то огромный, страшный, чёрный встал у него на пути, размахивая руками. У Пекки чуть сердце не выскочило из груди, пока он не сообразил, что страшилище, которому он угодил прямо в лапы, — это ель, раскачивающаяся на ветру! Но за этим страшилищем виднелось другое, и третье, и четвертое... и руки у них были ещё длиннее, ещё чернее, и все эти руки так и тянулись к нему. Приходилось нестись во весь дух, чтобы не дать им схватить себя. Пекка бежал, бежал, бежал... Ух как отчаянно он бежал!

Глава вторая

Старик Лесовик встал с постели в довольно-таки мрачном настроении. Всю ночь напролёт у него ныла спина, так что о сне нечего было и мечтать. До утра он провертелся с боку на бок, чтобы унять боль. А сон если и приходил на минуточку, то полон был каких-то странных и неприятных событий, и это окончательно привело Лесовика в дурное расположение духа. Неудивительно, что теперь он, нахохлившись, сутулился за столом и, прихлёбывая кофе из кружки, обиженно ворчал.

— Старость не уважают! — жаловался он окну, а оно глядело в ответ по-осеннему уныло. — Возраст в этом мире больше ничего не значит! А в приятелях у меня теперь одни болезни! — И Лесовик погрузился в раздумье. Он припомнил прежние времена — лет эдак двести тому назад. Тогда он сам, по

крайней мере, был по-моложе... Вот бывало... Тут глаза Лесовика сомкнулись, и незаметно для себя он соскользнул в кисейно-лёгкий сон.

Барышня Лисонька робко постучала в дверь избушки Лесовика. И хотя ответа не последовало, прокралась внутрь — уж она-то знала его привычки. Точно! Так и есть: Лесовик спал, уронив голову на стол, и хра-

пел так, что борода ходуном ходила: «Хррррр, хррррр, хрррр-ррр», а в конце рулады ещё и причмокивал.

Лисоньке стало смешно. До чего уморительный вид у спящего Лесовика! Она подкралась совсем близко и тихонько пощекотала его под носом кончиком хвоста. Лесовик вздрогнул, подскочил на лавке и захлопал глазами.

— Я вовсе не спал, — произнёс он виновато, — я просто размышлял. В моём возрасте Лесовики почти никогда не спят.

Лисонька развеселилась.

— Ой, знаю, — хихикала она, — ты уже не раз говорил мне про это. Но что-то больно много ты размышляешь — целыми днями! Интересно узнать, о чём же?

Лесовик отвернулся: ему стало как-то неловко. Окончательно сконфузившись, он схватил со скамейки тряпку и принялся усердно вытирать кофейную лужицу на столе.

— Вот так! — наконец проговорил он, бросая тряпку обратно на край скамейки, очень довольный, что хоть на минутку отвлек внимание Лисоньки от своей персоны.

Напрасная надежда — она захохотала и того пуще. Показывала

то на стол, то на тряпку и хваталась за живот от смеха. Да и как же не смеяться, если кто-то вытирает стол собственной шапкой!

«Бедненький Лесовик, — пыталась урезонить себя Лисонька, — он же не виноват! Когда проживёшь на свете столько сотен лет, поневоле станешь немножко рассеянным и неуклюжим». И она опять прыснула, потому что Лесовик наконец заметил свою оплошность.

— Ой, как это невежливо — смеяться! — ойкала Лисонька и заливалась вновь. До чего же смешон был раздосадованный Лесовик с его жёсткими патлами, торчащими во все стороны света!

Но когда она наконец отсмеялась, то кинулась на помощь: шапка мигом была выстирана, расправлена и вывешена сушиться над печкой. Заодно Лисонька убрала в комнате. Лесовику оставалось лишь сидеть и смотреть. Порядок в доме его не слишком-то волновал, но у него не было сил противиться, потому что Лисонька была совершенно очаровательная барышня — хотя и слишком юная для бесед на серьёзные темы. Но во

всяком случае — радость для стариковских глаз.

И потому Лесовик не стал возражать, когда Лисонька принялась напаяливать на него пальто и искать на полке фонарик. Ясное дело — она хотела выйти из дому. И вид у неё был такой решительный, что Лесовик не посмел даже спросить зачем. Дверь отворилась — и вот они уже стоят на пронизывающем ночном ветру. Напрасно Лесовик хлопал глазами: темень была непроглядная — хоть открывай глаза, хоть закрывай. Но Лисонькины фокусы на этом не кончились. Она взяла из руки Лесовика фонарик, будто собственный, и щёлкнула выключателем. Фонарик засветился бледным клином — как раз достаточно, чтобы видеть, куда ставишь ноги.

Хотя Лесовик и был в весьма преклонном возрасте, он с интересом следил за развитием техники и в своё время сменил керосиновую лампу на электрический фонарик, как только скопил денег на покупку. И вот уже много-много лет фонарик безотказно освещал все тропки Лесовика: недаром сделан он был фирмой «ЛЮКС».

Лисонька уже ушла вперёд за светящимся клином; Лесовик на негнущихся ногах поплёлся следом.

— Обожди! — кричал Лесовик, тяжело дыша. — Постой!

Неожиданно Лисонька остановилась, обернулась — и луч угодил прямо в глаза Лесовику. Мгновение он не видел ничего, кроме жёлтого сияния, а потом наступила сплошная темнота. Лесовик охал и пытался найти Лисоньку, но тщетно, — конечно, она нарочно, чтобы подразнить его, выключила фонарик.

— Эй, ты где? — закричал Лесовик; шаря вокруг, он поскользнулся на мокрой глине и чуть не упал. — Прекрати сейчас же! И отдай фонарь! Сию же минуту!

Послышался щелчок, фонарик зажёгся, и Лесовик увидел, что Лисонька лучезарно улыбается.

— Совершенно нечаянно выключился! — объяснила она и прыснула со смеху. — И стало так темно, что я не смогла сразу разглядеть, где он включается... — Она с самым виновным видом смотрела в глаза Лесовику.

— Куда мы идём? — строгим тоном спросил Лесовик, чуть отдышавшись.

Лисонька улыбнулась и облизнулась кончиком языка.

— Ты уже давно обещал, что сегодня ночью мы отправимся... Ведь на самом деле это ты придумал этот поход за земляникой... — И Лисонька опять мечтательно облизнулась. Даже от упоминания о землянике у неё разыгрался аппетит.

— За земляникой... — в замешательстве пробормотал Лесовик.

Поразмыслив, он вспомнил, что действительно что-то такое Лисоньке обещал. Той давно уже хотелось попробовать земляники, о которой она слышала от старой тетушки-лисы. А Лесовик как-то проговорился, что знает маленькую полянку, где раньше было полно земляники. Но говорили они об этом давно, с тех пор прошёл месяц или два, и уже наступила осень...

«Может ли в такое время ещё быть земляника?» — раздумывал Лесовик, пытаясь припомнить, какой же месяц на самом деле земляничный?

Лисонька размахивала маленькой корзинкой, которую захватила на всякий случай, и Лесовику стало даже неловко.

«Что же я ещё такого обещал?» — думал он и молился про себя, чтобы в лесу отыскалась хоть одна земляничина, пускай перезрелая и водянистая, только бы настоящая.

— Далеко ещё? — заканючила Лисонька, разгоняя холод хвостом. Её рыжая шубка казалась тёплой, но Лисонька была щеголиха и одевалась всегда по последней моде. Вот и сейчас у неё под шубкой было только тоненькое летнее платье, и она здорово мёрзла, но ни за что не хотела в этом признаться.

— Я не могу долго идти, — прошептала она и умоляюще поглядела на Лесовика. — Я не привыкла... вот так, посреди ночи...

Лесовик огляделся. Ведь на самом-то деле он шёл следом за Лисонькой, так что теперь понятия не имел, где они находятся.

— Далеко... близко... — гадал он и ози-
рался, следуя взглядом за лучом фонарика. Местность казалась вроде бы знакомой. Когда-то здесь пасли овец, а за ельником начинался поросший можжевельником широкий луг, где трава была горячая от солнца и сонная. Нет, это всё-таки, наверное, не то место... О бывшем луге напоминала только

маленькая полянка, окружённая чёрными елями.

Лесовик осветил фонариком кочки и наклонился, чтобы рассмотреть их поближе. В мокрой траве не видно было ни ягодки. Только несколько черничных кустиков, уже растерявших свои листья. Большущий подберёзовик, весь разбухший от воды, притулился возле камня; похоже было, что жизнь окончательно ему опротивела.

— Я что-то не разберу, — наконец пробормотал Лесовик. — Раньше я здесь находил землянику...

Теперь Лисонька смотрела на него совсем сердито. Она мёрзла всё сильнее — ведь её тонкие замшевые башмачки куда лучше подходили для дома или танцевального зала, чем для лесной слякоти.

«И зачем только я отправилась с этим старым болваном? — ругала она себя. — Можно было предвидеть, что он ничего не сумеет отыскать!»

Лисонька взглянула на свои башмачки. Они были вконец испорчены!

Она язвительно поинтересовалась:

— И когда же это было? Я лично не вижу здесь ни одной земляничины!

— Где? — встрепенулся Лесовик и уставился на кочки. — Стариковское чутьё меня не подвело, — забурчал он. — Покажи и мне, какую земляничину ты нашла!

Но, увидев выражение её мордочки, сообразил, что ослышался; ведь Лисичка понятия не имела, как выглядит земляника.

— Ветер! Это ветер виноват! — посетовал Лесовик: ветер гудел, свистел и уносил с собой слова. Но когда Лисонька повторила свой вопрос, он по-настоящему призадумался:

— Гмм... не так уж давно. Сто лет с хвостиком... Или сто пятьдесят. Но я уверен те-

перь, что это то самое место, помню этот большой камень. Вокруг него ягод было особенно много — спелых, ароматных... — И Лесовик шумно потянул носом. — Правда, тогда здесь не было этих елей. Только можжевельник и овцы. — И Лесовик задумчиво воззрился на ёлки. — Откуда же они сюда забрели?

Но Лисоньку не интересовали путешествия деревьев: она опять погрузилась в свои земляничные мечты. Она вздыхала:

— Земляника... о, земляника... И взбитые сливки с ванильным сахаром! Тетушка Вострушка рассказывала мне о них целый час!

Лесовика аж передёрнуло: госпожа Вострушка была достойная своего имени тётушка-лиса, всегда готовая лезть в чужие дела со своими добрыми советами. Луч фонарика, описав широкую дугу, упёрся в какой-то странный тючок.

Лесовик испугался.

«Шш-шш!» — зашипел он Лисоньке. Бедняжка прижалась к стволу старой ели, пытается спрятаться, и получила в награду душ из дождевых капель. Лесовик осторожно перевёл

луч обратно — туда, где лежал странный тучок. Тот был по-прежнему на месте.

— Волче благослови! — всполошилась Лисонька. — Что это, уж не земляника ли?

— Нет, не земляника, — сказал Лесовик. — Великовата чуток... По-моему, это похоже на узелок с одеждой.

Лисонька в темноте покраснела до кончика хвоста. Ах, какая оплошность!

— А может быть, и земляника, — начала она, — я читала... в школе... они бывают большие, новых сортов, гигантские... — И Лисонька смутилась ещё больше.

Лесовик покачал головой и раскашлялся.

— Ай-ай-ай! Деточка, деточка, золотко моё! — прокашлявшись, забормотал он. — От разных слухов и от книжных знаний в конце концов толку мало! Надо жить, жить и жить — самому. Всякого повидать и попробовать... И только со временем поумнееешь и поймёшь то, что видел.

Но Лесовик тут же решил, что лучше помалкивать: ведь Лисонька была ещё несмышлёнши и могла обидеться из-за любой ерунды. Поэтому он довольствовался тем, что опять направил луч фонарика на тучок.

И Лисонька наконец осмелилась присмотреться внимательней.

— Это что-то такое, но что? — расхрабрилась она. — Спросим у него — он, по-моему, не страшный. — И прежде чем Лесовик успел возразить, зазвенел её голосок: — Алло, эй, вы там! Здравствуйте, госпожа Земляника! Здравствуйте, сударыня Малина! Добрый день, господин Персик! Кто там?

— Ш-ш-ш! Тише! — зашипел перепуганный Лесовик и выключил фонарик. — Ведь могут услышать! Почём ты знаешь, вдруг тут волки бродят?

— Ой, прости! — страшно испугалась Лисонька. И затряслась уже не только от холода, но и от ужаса.

Но поскольку из лесу не доносилось ничего, кроме тяжёлого шелеста ветра и плюхання одиноких капель, она понемножку успокоилась. Лесовик опять включил фонарик, стало как-то уютнее. В такую погоду волкам вряд ли придёт охота болтаться по лесу, они спят в Волчьем Замке — храпят, наверное, как оглашенные. И Лисонька храбро крикнула:

— Здрасьте! Вы кто, в самом-то деле?

Никакого ответа. Тючок лежал неподвижно, как в прачечной.

— Он не отвечает, — сказал Лесовик с сомнением, — может, это что-то неживое? Просто узел с бельём.

— Я знаю, в чём дело, — загорелась Лисонька. — Я кричала «Добрый день!». А сейчас ведь вечер!

Лесовик смутился: тут Лисонька была права. Она тоже так считала и поэтому, повысив голос, обратилась к тючку:

— Добрый вечер, господин Вечер!

Они замерли в ожидании. Прошло мгновение, затем узел чуточку пошевелился и слышался слабый голосок:

— Добрый вечер!

Восторгу Лисоньки не было предела.

— Ну вот видишь? — гордо заявила она. — Хорошо, что я оказалась на месте. Теперь мы знаем даже, как его зовут!

Но Лесовик уже не слушал её болтовню. Он подошёл к узлу и остановился перед ним. Живой ведь, что там ни на есть! Лесовик наклонился и потряс узел. Тряпки задвигались, и оттуда донёсся тот же тихий голос:

— Который час? Ведь ещё не утро!

И узел явно решил заснуть снова, по крайней мере послышалось ровное посапывание.

— Часы, — вспомнил Лесовик, — у меня ведь есть часы!

Он долго рылся в карманах и в конце концов нашёл кусок картона с нарисованным на нём циферблатом и стрелками: ему крестница как-то подарила. Сморщившись, он вглядывался в часы, но они, как всегда, показывали без пяти двенадцать.

Лесовик снова потряс узел и объявил время; это подействовало: тряпки зашуршали, задвигались, и из них высунулась заспанная светлая мальчишеская голова.

— Ночь, ночь ведь ещё, — забормотала голова, жмурясь, — почему это я должен просыпаться?

Свет фонарика угодил Пекке в глаза, и он вскочил. Куда он попал? Перед ним стояли старое бородатое пугало и настоящая живая лиса! Что это за существа? И вдобавок одно из них разговаривало!

Лисонька и Лесовик тоже были поражены. Так они втроём и стояли, таращась друг на друга.

— Где я? — спросил наконец Пекка. — То есть вы-то кто? — И опять умолк, пытаясь сообразить, как это получилось, что он вместо своей комнаты очутился среди ночи в холодном лесу под дождём!

— Оно разговаривает совсем как и все! — фыркнула Лисонька. — Никакая это не ягодка!

— Я мальчик! — возразил Пекка. — Сама ты Ягодка. Меня зовут Пекка!

— Не путай, — мягко осадил Лесовик Лисоньку. — Это господин Вечер... Или всё-таки мальчик? — опять засомневался он.

Пекка во все глаза глядел на древнего скрюченного старикашку и расфуфыренную барышню Лисоньку.

— Нет, правда! — сказал он наконец, потому что они смотрели выжидающе. — Меня и в самом деле зовут Пекка. Хотя мама ещё называет меня Бесстрашным. И папа тоже! Так что я Пекка Бесстрашный!

«Ой, да это ведь знакомство!» — сообразила Лисонька.

— Очень приятно познакомиться, — промолвила она, скромно потупившись. — Меня зовут Лисонька. А прозвище — Красуленька. Правда, только для друзей...

Лисонька изо всех сил старалась держать себя соответственно прозвищу — Лесовик только головой качал. Вот вертушка! Вечно она представление устраивает!

— Я... это... — откашлявшись, погромче сказал он, — меня зовут Лесовиком. Но я во все не родня домовым, хотя, может, и похоже на то... мои предки были из гномов, из лесных духов — древнего благородного роду-племени... На севере, где живут мои двоюродные, нас называют альвами, а далеко-далеко, в Азии, — ясами. От них наш род и произошёл. — И Лесовик даже приосанился.

Пекка, как ни силился понять, о чём ему толкует дед, уразумел только одно, самое главное: эти двое были не страшные. Только вышла какая-то несуразица — он стоит посреди тёмного, мрачного леса рядом с какими-то чудиками. Зябко, и есть ужасно хочется, и дождь капает за шиворот. И вообще эта

лесная поляна, похоже, не самый уютный в мире уголок для ночлега... Так они и стояли рядышком: поскольку Лесовик и Лисонька не двигались с места, то и Пекке ничего другого не оставалось.

— Но где же я в самом деле? — снова спросил он.

На этот раз Лесовик услышал его и, почесав за ухом, заговорил приглушённым и печальным голосом:

— Это... это место — Гибельная Чаща. — Но, взглянув на Пеккино лицо, Лесовик поторопился объяснить: — Название-то устаревшее: так называли эти места в незапамятные времена. Вначале это была Сабельная Чаща — названная в честь великого и победительного сражения — бились-то раньше саблями. Ну а потом, когда некоторые убитые в том сражении остались тут жить и стали пугать народ, в названии быстренько поменяли две буквы — и стала, значит, Гибельная. Но мертвецов здесь давно уж нет! — поторопился сообщить Лесовик, потому что вид у Пекки стал совсем испуганный. — С тех пор минуло годков триста... если не... Время-то идёт, а названия остаются. Ещё совсем недавно вот на этой самой

поляне был овечий выгон и росла земляника. — Лесовик кашлянул и покосился на Лисоньку: та, насупившись, гоняла ногой взад-вперёд еловую шишку. — А вся эта округа зовется Зелёновая Роща — весь этот лес, стало быть. А Гибельная Чаща — только часть...

— Очень маленькая! — вмешалась Лисонька, желая показать, что есть тут и другие, и не глупее притом.

— Да, правда... маленькая... но в наши дни это название очень бы подошло всему лесу... — продолжал Лесовик. — Хотя Зелёновая Роща раньше было имя хоть куда. Здесь все жили в мире: домовые, кикиморы, лешие и другие лесные обитатели.

— Лисы, медведи, барсуки, зайцы и прочие разные вроде лесовиков! — добавила Лисонька.

— Вот-вот, именно, — нетерпеливо продолжал Лесовик. — Главное, все жили в добром согласии и мы всеми делами ведали. Мы — это весь большой род лесовиков.

— В нашем лесу всегда слушались лисьих советов! Всем ведь известно, что лиса умнее всех лесных жителей! — рассмеялась Лисонька.

Лесовик покачал головой. Казалось, он ещё больше съёжился в тусклом свете электрического фонарика. Тот горел ровно, и даже осенний ветер не мог загасить его луча.

«И какой толк во всей этой современности и техническом прогрессе, когда дела обстоят таким вот образом?» — думал Лесовик. Он молчал; Лисонька тоже примолкла.

— Послушайте, ну и что же? — начал Пекка. — Вы ведь по-прежнему живёте в своей Зелёновой Роще!

— Живём-то живём, — подтвердил Лесовик. — Да только как живём? Все нынче по-другому. Эдакая жизнь — одно горюшко, если подумать хорошенько.

Тут Пекке показалось, что и Лисонька вроде бы стала меньше ростом, так тихо она добавила:

— Да, жизнь здесь стала совсем дрянная. Ничего нигде не происходит.

— А почему? — спросил Пекка. Он никак не мог понять, что они ему, собственно, пытаются сказать.

— Всё остановилось. Музыку послушать нельзя, ничего нельзя делать — даже на улицу выходить нельзя, и дискотеки закрыты, и...

— Деточка, дай мне рассказать, — вмешался Лесовик. — Много лет назад в этом лесу объявился волк. Самый обыкновенный волк. Тоже ведь зверь. Они здесь и раньше водились, но как-то не приживались, уходили. Но этот волк был не таков. Он здесь остался.

— К несчастью! — добавила Лисонька хрипло и поплотнее запахнула воротник. Ночной холод, похоже, собрался украсть у неё голос.

— А он что, плохой? Он вам мешает?

Лесовик усмехнулся:

— Если бы все было так просто! — Он поднял на Пекку грустные глаза, морщинистое лицо было серьёзным и печальным. — Если бы да кабы... Этот самый волк совсем преобразился... он уже не простой, а Великий Волк, как он торжественно объявил. Весь лес полон этих объявлений. На стволах деревьев вырезано его имя: Великий Волк! На камнях выбито, на заборах нарисовано, на столбах развешано... И самое худое, что волк имени своего достоин: начал за нас всё решать. Мы в лесу больше не смеем ни шагу ступить без его позволения. И ничегошеньки не можем с этим поделать. Он призвал на помощь своих

сородичей, и теперь волков тут хватает — за нами следить.

— Иначе мы бы не ходили ночью, — пояснила Лисонька. — Ведь Волк запретил нам собирать в лесу ягоды... всё себе забрать хочет. Всю землянику! И если бы нас здесь увидели, то... — Тут Лисонька судорожно вздохнула. — А мне так хочется увидеть хоть одну земляничину! И попробовать! Я столько о ней слышала и читала тоже!

— Ах ты, золотко моё, — сказал ласково Лесовик, — и всего-то возрасту несколько годков, а уж надо всё получить — всё разом... Но и в самом деле: если Великий Волк узнает, что мы здесь, нам не поздоровится. Не говоря уж о тебе. Человечьих детей Волк особенно боится.

Пекка даже засмеялся — это ж надо такое придумать! Неужели волк может бояться маленького мальчика?

— Ты не смейся, я правду говорю, — сказал Лесовик. — Волк-то знает, что только человек может его победить, потому и боится людей, как чумы. Хотя он с людьми торговлю ведёт, лес им продаёт... Да-аа... исчезает наш заповедный лес участок за участком — с грохотом валят вековые сосны, вывозят их

на фабрики, запрудили речные пороги, рыбные заводы все перегородили сетями и какими-то гремучими штуковинами... Волк скоро всё продаст! Но людей-то самих он ужас как боится... Вот если бы ты здесь вырос, может, его бы и победил... Ведь недаром говорится, что человек пострашнее волка!

Лисонька так и прыснула со смеху.

— Не больно-то Пекка страшен! — заметила она.

— Что правда, то правда, — усмехнулся Лесовик, — только Волку на это наплевать: стоит ему учуять мальчишку, как тот быстро окажется в плену.

Пекка слушал-слушал, смотрел-смотрел — и ничего не понимал. Казалось, только что он лежал в уютной постели... и вот теперь слушает рассказы этого диковинного старикашки посреди леса, в котором болтаются привидения и хозяйничает Великий Волк, торгуя этим самым лесом направо и налево. Пекка не знал, что бы сказать или сделать, а потому стоял, дрожа от холода, и ждал.

— Я знаю один приём карате, — наконец робко начал он, — только я про него читал уже давно, и...

— Тсс! — зашипел вдруг Лесовик и выключил фонарик. — Кто-то тут ходит!

Пекка испугался и спрятался за ствол ёлки. Затаив дыхание, он прислушивался к ночным звукам. Всё так же шумел в деревьях ветер, какая-то птица в ельнике вскрикивала низким голосом: «Гу-гуу! Гу-гуу!» — и опять умолкала. А больше ничего не было слышно. Но Лесовик и Лисонька испугались. Они присели на корточки и перешёптывались, но прежде, чем Пекка успел спросить, в чём дело, кто-то схватил его за плечо.

— Ложись вон за тот можжевельник! — прошипел Лесовик.

И вот уже Пекка лежит на мокрой земле, а Лисонька и Лесовик, скорчившись, притулились к его бокам. И чего это они? Вдруг до него донеслись звуки. Тяжёлые медленные шаги приближались к поляне; потом стали слышны тихие всхлипывания. Тут луна пробралась в какую-то щель между облаками и озарила бледным светом лес и поляну. Сердце у Пекки колотилось как бешеное.

Глава третья

Облако опять закрыло луну; странные звуки в темноте всё приближались.

«Я не боюсь, — говорил себе Пекка, — не боюсь, не... — Но слышал, как громко стучит его сердце. — Что это я болтаю — конечно боюсь, ужасно боюсь!»

Да и было от чего испугаться: когда луна показалась снова, он увидел, что на поляну вышли два странных существа. Пекка даже зажмурился, чтобы не смотреть на них.

Но нельзя же вечно сидеть с закрытыми глазами! Он осторожненько покосился в ту сторону, откуда доносились звуки. И сразу разглядел, что это были за существа. Посредине поляны стоял большой-пребольшой медведь, громадина — таких Пекка в зоопарке и не видывал. Медведь! Они ещё пострашней волков! Почему же Лесовик ни словом о нём не обмолвился?

Медведь был не один. За ним по пятам ковыляла невиданная птица. Она была вроде совы или филина, но какая-то другая. Потому что совы по воздуху летают, а эта не летала: она только неуклюже прыгала, едва не падая наземь. Хорошенько приглядевшись, Пекка понял: птица не летает по той простой причине, что её крылья связаны цепью. А цепь вдобавок скреплена большим висячим замком!

Медведь тоже был не совсем обычный. Он остановился, понуро свесив голову, как какой-то несчастный осёл, и больше не двигался.

Птица, подпрыгнув ещё пару раз, покорно встала рядом. Может, медведь приручил птицу, чтобы с ней играть?

Медведь поднял наконец голову, зевнул и сказал жалобно:

— Филин, миленький, загляни ещё раз во все ямки и норки! А то мне в этой темноте даже лап своих не разглядеть!

Филин резво запрыгал между кочками: он тыкал клювом в мох, присматривался, копал и скакал дальше — к новой кочке. Пекка недоумевал: что это он делает? Время от времени Филин вскрикивал:

— Ой, что тут? — и тут же отвечал сам себе: — Тьфу ты, это просто шишка... Ой, а вон там? Ветка... Хо! А это что? Камень! Вот прбпасть — я и не думал, что это будет так трудно...

Каждый раз, когда Филин испускал вопль: «А что это вон там?» — Медведь оживал, но потом снова сникал. Он свешивал голову всё ниже и пыхтел всё тяжелее.

— Так я и знал... так и знал! — бормотал он. — Ключ потерян безвозвратно! А без него нет от меня никакого толку в Зелёной Роще...

Луна светила с ясного уже неба, и было видно, что Филин взволнован.

— Не сдавайся, дружище! — торопливо начал он. — Я ведь здесь! У меня отличное зрение, особенно в темноте. Так что я смогу отыскать ключ от твоей шкатулки, хоть Волк и сковал мне крылья. Я всё-таки ещё могу прыгать — и неплохо! — Он ткнул Медведя в бок. — Погляди-ка! Вот, вот и вот как! — И Филин с размаху шлёпнулся на спину.

Поднялся он не сразу, а лежал с минутку совсем неподвижно — так ему было неловко. Медведь хмыкнул и сказал почти весело:

— Попрыгай ещё — у тебя здорово выходит!

— Попробовал бы сам такое трудное движение сделать. — Обиженный Филин поджал крылья. — Кувыркнись, как я! Или сделай, например, морской кульбит! — Филин окинул неуклюжую тушу Медведя оценивающим взглядом. — Нет, ты не сумеешь... А я раньше, бывало, делал двойное сальто, как настоящий чемпион! Правда, с тех пор уже прошло некоторое время...

Медведь опять хмыкнул и покачал головой:

— Морской кульбит крутануть — это белый медведь мастер, где уж мне... В воде такое совсем нетрудно... Да что об этом толковать! Ключа нигде нет, значит, он пропал навсегда. Пора бы уж сообразить.

Но Филин не хотел отступить. Он заскакал вокруг поляны, высматривая что-то, ковыряя когтями землю и подбадривая себя разными выкриками. Но вскоре устал и остановился рядом с Медведем — отдышаться.

Лесовик медленно поднялся на ноги. И щёлкнул выключателем, направив луч фонарика прямо на Филина с Медведем. Ну и перепугались же те! Медведь прикрыл глаза лапами и задрожал с головы до ног. Филин окаменел и зажмурился. Пекка ничего не понимал. Как же это? Медведь, царь леса, и боится крохотного фонарика!

А Лесовик, похоже, совсем не удивился: размахивая фонариком, он прямоком подошёл к Медведю и заговорил с ним как старый приятель:

— Да это же Медведь, собственной персоной! Бурый, старик! Вот так радостный де-

нёк! То есть ночка... Да кончай ты притворяться! Это же я! Наконец-то ты вернулся!

Но на Медведя эти возгласы никак не действовали: он упорно прижимал лапы к глазам и горбился перед Лесовиком, как великанский мешок. Филин тоже не шевелился — ни единым пёрышком.

— Филин, — заговорил Лесовик вкрадчиво, — скажи хоть ты что-нибудь... Это ведь всего-навсего я... старый знакомый... Лесовик...

Филин внезапно распахнул глаза.

— Лесовик... — начал он робко, но тут же голос его окреп. — Экий дуралей, честное слово! Так это ты нас напугал до полусмерти? Я уж подумал, что Волк идёт!

Лесовик расхохотался — да так, что Лисонька даже поразились: такое веселье было совсем не в его обычае.

— Эх, друг дорогой! Ну что за невидаль какой-то один волк — тут или там? Ты сообрази, кто с тобой рядом-то сидит? Добрый старина Бурый! Ведь ему стоит только лапу поднять — волки так и разлетятся в разные стороны. Я уж так рад...

Но Филин как будто и не слышал этой болтовни — он лишь мельком покосился на Лесовика и завертел головой, будто никак не мог придумать, куда её девать. Потом ухватил Лесовика за рукав и тихонько потянул к Медведю.

— Ты так думаешь? — спросил Филин. — Вот этот Медведь прогонит волков из нашего леса? Приглядишься-ка повнимательней: разве похоже, что волки его испугаются и разбегутся?

Было ясно, что Медведь слышит слова Филина, тот говорил очень громко, — но лапы Бурого были плотно прижаты к глазам, и он не шевелился. Лисоньку разбирало любопытство: что за странный Медведь? И она, позабыв свою обычную осторожность, подошла вслед за Пеккой поближе. В самом деле, такой Медведь был не опасен даже муравьям.

Лесовик с добрую минуту молча скрёб затылок и, когда снова обрёл дар речи, глубоко вздохнул:

— Да... Пригляделся я... Ну и должен ответить, раз ты спрашиваешь. И ответ будет отрицательный... По правде сказать, не по-

хоже, чтобы такого вот Медведя волки испугались. Но он, может, только выглядит безобидным, — назидательно закончил Лесовик. — Внешности доверять нельзя. Я это знаю по своему очень-очень долгому опыту!

— Но я не понимаю! — воскликнул Пекка, удивляясь собственной смелости. — Ведь это настоящий бурый медведь! И огромный! Почему же он трусит? Медведи никогда не боятся! Я читал!

Пеккин крик немножко расшевелил Медведя: медленно, недоверчиво он приподнял голову и принялся робко озиаться, пока не удостоверился, что вокруг только друзья. Потом с трудом поднялся на ноги. Пекка невольно отпрянул — ну и громадина!

— Мальчишка сказал чистую правду, — тихо заговорил Медведь, — медведи не трусят... Они ведь цари леса... Да только со мной приключилась дурацкая штука...

— Какая? — тут же любопытствовала Лисонька, очень гордясь собой: ведь за свою коротенькую жизнь она ещё ни разу не осмелилась так близко подойти к медведю.

— А ты не вмешивайся, — приказал Лесовик, — это взрослые дела!

Но и Пекке было любопытно.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил он Медведя как можно вежливее, — мне тоже интересно узнать...

— Ах, тебе интересно! — сердито фыркнул Медведь. Но тут же сменил гнев на милость. — Могу, конечно, и рассказать — что уж теперь скрывать... Медведи испокон веков славились на весь свет своей храбростью. Медведь был царём леса. Все остальные уступали ему дорогу: уважали, значит, но он никогда свою силу зря и по-глупому не применял! И никогда не бывал трусом! Потому что у каждого медведя есть шкатулка со смелостью. И если вдруг медведь начинал бояться, ему стоило только открыть ключиком шкатулку, и — ррраз! И мы сразу смелые! И великие! И красивые!

Увлечённый своей речью, Медведь поднялся во весь рост; Лисонька взвизгнула и метнулась в сторону, а он ещё некоторое время помахал лапами в воздухе, но вскоре опять обмяк и стал похож на мешок.

— Мне ни разу не понадобилось открывать шкатулку! Я даже не знаю, что там внутри. Но когда потерялся ключ, вместе с

ним пропала и моя смелость. Её попросту не стало — ни капельки! А шкатулку теперь не откроешь.

Пекка подумал минутку и спросил:

— А почему бы тебе не открыть шкатулку без ключа? Я знаю много разных способов!

Но Медведь замотал головой:

— Нет, нет... шкатулку нельзя открывать силой, тогда, говорят, смелость исчезнет навсегда, — и запричитал жалобно: — Ох, бедный я, разнесчастный маленький медведushка, ох... мой ключик... здесь, в этом самом лесу, я его посеял!

Лисонька и Пекка переглянулись; Лесовик, казалось, впал в глубокую задумчивость. Пекка мог бы даже поклясться, что старичок задремал. Лисонька страшно мёрзла, зубы её выстукивали дробь, но всё равно она пыталась улыбаться. Правда, у неё получалось не слишком удачно. Филин тоже молчал и ждал, что будет. Пекка обвёл взглядом всю компанию и опять повернулся к Медведю:

— Слушай, а ты не мог бы где-нибудь достать новый ключ? Хотя бы взять на время у другого медведя...

— Вот здорово! — восхитилась Лисонька.

Но Медведя это предложение совсем не обрадовало. Он искоса глянул на Пекку и произнёс:

— Ты не совсем тупица, хоть и человеческий детёныш... А взять у кого-нибудь всё же не выйдет: к каждой шкатулке свой ключ, особый. Филин писал от моего имени во Всемирный Совет Медведей. Они могли бы мне помочь, у них есть общий ключ... но ответа я всё ещё не получил. Расстояние большое... К тому же волки вполне могли изловить почтового голубя, который полетел с письмом в город.

Тут Филин заметно приободрился, прокашлялся и попытался даже расправить крылья, но мешали цепь и замок, поэтому ему пришлось довольствоваться несколькими прыжками.

— Я написал обалденно красивое письмо! — гордо заявил он. — Внедрил в почерк самые известные приёмы спортивной гимнастики! А моим пером так удобно писать! — Филин тут же выдрал из крыла перо и зачертил им в воздухе. — Сначала небольшой жим, потом несколько сальто, а в конце — точный и плавный соскок. Ключ наверняка придёт,

я уверен! Ни один совет в мире не сможет устоять против такого шикарного письма.

Лесовик от выкриков Филина проснулся, с натугой поднялся и походил немножко: от холода у него все косточки заломило.

— Верю, верю, что письмо написано прекрасно. Но нового ключа можно прождать и несколько недель... — Затем Лесовик строго обратился к Медведю: — А тебе на это время надо бы спрятаться куда-нибудь. Ведь если Великий Волк тебя найдёт — что будет-то? Ой-ой-ой! Вот какие дела... А я-то подумал, как тебя увидел, что теперь вернутся в нашу Зелёновую Рощу старые добрые времена... что ты прогонишь Волка! Отчего ж раньше не пришёл?

Медведь совсем повесил голову — до самой земли:

— Не знал я... у меня... дела были разные... далеко... а когда вернулся, Филин рассказал про Волка... а я стал искать в кармане ключ от шкатулки со смелостью... вот на этом самом месте... для верности только... и он тогда здесь, наверное, выпал.

— Уже пару ночей мы прочёсываем эту поляну, — добавил Филин. — Ключа нет как нет... Может, кто-нибудь его отыскал?

— Волк! — пискнула Лисонька.

— Нет! — вскричал Лесовик. — Не поминай волчьего имени всуе! Не предсказывай, а то сбудется! Ключ должен быть где-то здесь, только нам надо всем вместе его искать!

— Но послушайте, — сказал Пекка, — я никак не пойму, почему вы так ужасно боитесь какого-то волка! Ведь вас так много — наверняка в сто раз больше, чем волков! По-моему, волки — дураки!

Пеккины слова всех ошеломили: воцарилась тишина — будто лес вдруг накрыли толстым одеялом. Лисонька напугалась до того, что кинулась прятаться за дерево. А Лесовик в ужасе выпучил на Пекку глаза:

— Шш-ш-ш! Что ты болтаешь, несчастный мальчишка! Никогда не произноси вслух ничего худого про Волка! Потому что тогда он тут же появляется. Как и любое зло, если его назвать по имени...

— Он уже идёт... — из-под большой ели послышался слабый голосок Лисоньки; — я чую... уже близко... у меня такое странное чувство!

Пекка озирался, высматривая, куда бы удрать, но поскольку все остальные не дви-

гались, то и он не мог решить, что делать. Лесовик взглянул на него и обречённо вздохнул:

— Вот и всё... Великий Волк приближается, уже и мне слышно. И не скроешься — он нас всё равно догонит. Бегун-то из меня никудышный...

Лесовик умолк. Они стояли и ждали. Фонарик Лесовика всё горел, и луч высвечивал тот самый уголок, где затаилась Лисонька, накрыв хвостом голову. Пекка вскочил было, чтобы побежать к ней, но понял, что ничем не поможет: луч обнаружит их обоих. Уже явно слышался топот бесчисленных ног. Шаги гудели, как большущий барабан. Слышался ещё какой-то всё нарастающий звук. Внезапно совсем рядом раздался *ушераздирающий* вой, а следом — грубый, хриплый смех. Вот уж совсем не улыбалось Пекке встретиться с обладателем этого смеха!

Глава четвёртая

И он скрючился за большим валуном, безуспешно пытаясь сойти за такой же камень. Но фонарик хорошо освещал его и вдобавок двух волков, которые выскочили из леса на поляну. Они держали в лапах копыя и пристально, злобно оглядывали всё кругом. Один из них коротко тявкнул; в тот же миг на поляне появился громадный волк, страшнее которого Пекка даже на картинках не видывал. Глаза горели, как головешки, длинный язык свисал между острых зубов. А одежда! Вместо обычной волчьей шкуры на нём был военный мундир!

Он остановился и тихо зарычал, остальные волки остановились как вкопанные. Оба волка-копыеносца тоже замерли. Скрестив лапы на груди, он кивнул. И тут все волки вытя-

нулись на цыпочках и взвыли сильными головами:

*Вот Волк идёт! Внимайте и дрожите
и по земле стелитесь от почтения!
Он вашей жизни добрый повелитель —
он смерть вам дарит и по воскресеньям!*

Лесовик и Лисонька замерли в ужасе, не говоря уж о Медведе, но Пекка, к собственному удивлению, заметил, что ему просто смешно. Потому что Волк в обтёрханном мундире, украшенном чем-то вроде ёлочных гирлянд, выглядел не слишком торжественно.

Волк разинул пасть и заговорил так, будто речь его собралось послушать по крайней мере двадцать тысяч верных подданных:

— Дорогие граждане! — Он откашлялся. — Разномастные, разношёрстные, хохлатые и пернатые! — Тут он снова откашлялся и взял тоном пониже. — И так далее и тому подобное! Я действительно здесь, среди вас, — собственной персоной... Я, которого вы так горячо любите и уважаете. — Он лучезарно улыбнулся. — Ваш добрый, милостивый Волк. Которого вдобавок называют Великим. И я это приветствую, да! Звучит красиво... —

Внезапно его морду искривила зловещая гримаса. — Вы что это тут делаете среди ночи? Ась? — зарычал он. — В моём лесу!

Рука Лесовика задрожала; луч фонарика запрыгал между небом и землёй.

— Мы... — начал он, заикаясь, — здесь... заблудились... — И умолк.

Волк сладко улыбнулся.

— Гляди-ка... и правда... Интриги плетёте, — ласково замурлыкал он. — Хотя всякие собрания запрещены... И объявлен комендантский час... И... и... Даже закон такой издан! — взревел он и обернулся к охранникам. — Какая статья, параграф?

— Пятая статья, четвёртый параграф, о Великий Волк! — дружно гаркнули волки.

— Ишь запомнили... — Волк был доволен: всё-таки не совсем напрасно их обучали. Надо бы выпустить директора школы из тюрьмы... И он зарычал ещё громче: — А какое наказание полагается за нарушение этого закона?

Охранники косились друг на друга и молчали, потому что их знания на этом кончались. Но им невольно помогла Лисонька: она не могла даже слышать о наказании — так было боязно. Она подкралась поближе, отки-

нула со лба чёлку и, умоляюще глядя на Волка, тихо произнесла своим тонким, детским голоском:

— Я сознаюсь во всём... Я одна виновата... Всю жизнь я мечтала о землянике. И Лесовик такой добрый, что... поэтому... мы...

Лисонька умолкла и потупилась. Но Волка её признание ничуть не тронуло.

— Ага, грабили мои уголья? Ась? — рявкнул он. — И на это есть закон!

Охранники опомнились и торопились теперь наперебой выложить свои знания:

— Зелёновая Роща является собственностью Великого Волка! Тот, кого застанут за сбором, или подборанием, или иным присвоением даров леса, будет приговорён в соответствии с восьмым параграфом первой статьи к наказанию!

— Заткните пасти, идиоты! — прорычал Волк и одним взмахом лапы заставил охранников умолкнуть и попятиться. — Говорить будете, когда вам прикажут! Ах, земляника... — протянул он и стал надвигаться на Филина, рыча при этом столь угрожающе, что тот, потеряв всякое самообладание, закружился на месте. При этом Филин запел песню, слов

которой поначалу никто не мог разобрать. Он, видимо, вообразил, что находится на празднике у Волка и исполняет пируэты, за которые уже однажды удостоился его милостивой похвалы. Он пел всё громче и громче.

— *Как помою всю посуду, тили-ду, били-ду, тилибили-дуду*, — пел Филин, всё больше путаясь. — *Буду, груду, чуду-юду...* Извините, — пролепетал он, обращаясь к Волку, — слова забыл... — И с ходу запел другое: — *Не братишки мы с тобою, хотя нас и двое! Тра-ля-ля-ля, ля-ля, бум-бум-бум, хотя нас и двое...* — Филин кружился и кружился, будто хотел пробуравить землю. И от такой бешеной скорости в конце концов свалился на бок, как усталый волчок.

— Тоже мне шут гороховый! — пробурчал Волк, поворачиваясь к нему спиной. Ведь пока на крылья Филина навешен амбарный замок, за помощью тот не полетит. Волка сейчас занимало нечто другое.

Он подошёл вплотную к Медведю, который валялся на земле, пытаясь изобразить забытую кем-то в лесу шкуру.

— Смотри-ка ты, — сказал он и потрогал Медведя носком сапога. — А кто же это тут лежит?

— Я... я... я... — заикаясь, ответил Медведь и от досады на свою глупость чуть не проглотил язык: он попался в первую же ловушку, расставленную Волком!

— Ах, какие мы разговорчивые... — протянул Волк, причмокивая, будто слова во рту были из шоколада. — А я только пару дней назад слышал, что ты грозился покончить с властью волков в Зелёновой Роще... Сороки об этом на весь свет растрезвонили... И мне сообщили... Та-а-а-к. Вот я и здесь...

Медведь лежал не двигаясь и даже почти не дышал. Волк снова тронул его ногой и продолжал:

— Мне бы следовало ужасно испугаться... но я не испугался. Наоборот! — Волк раздвинулся прямо на глазах. — Чего мне бояться эдакого стога сена, мешка с картошкой, кучи мусора... которая не может сказать ничего, кроме «я»! — Волк подбоченился и пнул Медведя сапогом в бок. — Мне больше никогда не придётся тебя бояться!

Тут Пекка внезапно догадался: наверное, у Волка каким-то образом оказался ключ от шкатулки смелости! Может быть, сороки

шпионили... или украли ключ и отнесли Волку!

Волк между тем с достоинством обратился к охране.

— Спойте, о мои brave волкохраны! — приказал он. — Пропойте гимн моему могуществу и силе!

Волкохраны вытянулись во фрунт и загорланили что было сил:

*Наш Волк могуч! Желанием железным
он зло в добро, ночь в утро превратит!
Он может сделать вредное полезным,
и гром побед, как хвост, за ним летит!*

Волк, довольный, усмехался и кивал охранникам так приветливо, будто кость им бросал: он знал правила хорошего тона.

— Ишь, плутишки, кажись, про меня поют! — сказал он с лучезарной улыбкой, весь сияя. — Как там говорил один из героев человеческого мира, непобедимый боксёр и драчун? Я самый великий и самый красивый... — пробормотал Волк, — вот как он говорил. Я самый красивый! — И Волк принялся молотить кулаками воздух, как будто находился перед телевизионной камерой. — Я танцую, как пчела, я кусаю, как оса! О-го-го!

Пекке стало до того смешно, что он расхохотался во всё горло и всё никак не мог остановиться.

— Волк совсем рехнулся! Глупее я в жизни ничего не видел, — пытался Пекка сквозь смех объяснить Лесовику и Лисоньке, а те в ужасе уставились на него. — Таким ударом Волк даже муху не убьёт!

Лесовик устремил умоляющий взгляд к небу, где плавала одинокая луна; но она даже не подозревала о его существовании и поэтому ничего не ответила Лесовику. На Волка же слова Пекки произвели сильное впечатление.

— Ой, человек! — взвыл Волк и заметался, не зная, куда бежать. — На помощь, братцы! Сделайте что-нибудь! В нашем лесу — человек!

Волкохраны тоже забегали, а потом сбились в кучу, сжимая в лапах копыта, и стали спрашивать Волка, как пригостишки учительницу:

— А что нам теперь делать, Великий Волк? Мы прошлое задание уже выполнили, а нового нам не дали...

— Схватить... поймать... схватить... — бубнил Волк, потихоньку пробираясь за их спи-

ны. — Да вы что, оглохли? Сию минуту поймать человека!

— О Великий, а как же мы его поймаем... у нас даже клетки нет... одни маленькие копыюшки...

— Как да как?! — зашипел Волк. Он до того разозлился на волкохранов, что на минутку забыл о своём страхе. И решил было тотчас отправить под арест весь отряд, но вдруг сообразил, что тогда ему в одиночку придётся арестовывать и их, и человека... И он решил повременить: ничего не поделаешь, придётся пользоваться услугами этих болванов.

— Лапами, ослы, лапами! Хвостами, дуралеи! Всеми вещами, которые на свете есть! Верёвками, стремянками, железными ломачами, противогазами... — тут Волк вновь содрогнулся от ужаса, — главное дело, действуйте! И немедленно!

Волкохраны, почуяв, что проволоочки ни к чему хорошему не приведут, все как один выхватили свои мобильники.

— Слушаемся, о Великий! — рывкнули они и забубнили в трубки: — Внимание-внимание! Это волкохраны! Слушаем-слушаем!

Срочно пришлите лапы, ослов, хвосты, дура-
леев, верёвки, стремянки, ломы железные,
противогазы... И главные дела! Да, срочно!
Слушаем... Что-что? Адрес? Гибельная Чаща,
Зелёновая Роща. Приказ Великого Волка! Че-
ловек здесь... Конец связи!

Великий Волк считал себя очень терпели-
вым и не забывал напоминать об этом при
каждом удобном случае, но сейчас ему каза-
лось, что терпение его вот-вот лопнет, как
воздушный шар.

— Бестолочи! — завопил он. — Обалдуи,
чайники, слизняки, поганки! Я же вам при-
казал немедленно взять человека! Сию мину-
ту, хоть голыми лапами!

Волкохраны поняли, что деваться не-
куда.

— Слушаемся, Великий Волк, — нестрой-
ным хором ответили они. Побросав копья,
волкохраны стащили с лап перчатки. А за-
тем, подвывая для храбрости, медленно дви-
нулись на Пекку. Сейчас человек будет у них
в лапах!

Но вышло не совсем так, как рассчиты-
вали волкохраны, потому что они подходи-
ли так медленно и осторожно, что ускольз-

нуть от их когтей оказалось совсем просто: Пекка пригнулся и пробежал под их протянутыми лапами так ловко, будто целый год тренировался. Волкохраны ещё некоторое время продолжали загребать воздух перед собой, пока не убедились окончательно, что Пекки там нет. Делать было нечего — пришлось вернуться к Великому Волку. И чем ближе они подходили, тем неувереннее ковыляли: они-то уж знали повадки своего хозяина.

— Ждём нового приказа, о Великий Волк! — заскулили волкохраны и опустили головы, чтобы не встречаться с ним взглядом: очень уж страшен был огонь, пылавший в его глазах... — Разрешите доложить... Предыдущее задание выполнено, человека брали голыми лапами... Попытка удалась на оценку «хорошо» — четыре балла, с результатом — «плохо» — ноль баллов... (самокритика сейчас не повредит, это волкохраны понимали). Всё! — И они остановились, молча ожидая решения Волка. Они боялись даже представить себе, каким будет новое задание.

При виде бравых охранников в голове у Волка что-то, видимо, повредилось.

— Я свихнусь тут с вами, свихнусь! — завизжал он, как надтреснутый свисток. — Сойду с ума, как кукушка в часах! — И Волк закуковал — да так, будто всю жизнь только этим и занимался.

Филин моментально насторожился. Потому что кукование пробудило в его душе далёкие, чудесные воспоминания.

— Ах, — пробормотал Филин, — какой мелодичный зов... — И он оправил со всех сторон свой пуховый фрак. — Видимо, это мне... я ведь единственная птица здесь, на поляне.

Лесовик, слишком хорошо знавший Филина, всполошился не на шутку.

— Ш-ш-ш! — зашипел он. — Угомонись! Ты что, не видишь, это Волк кукует?!

Филин до того удивился, что даже поперхнулся. Зато остался на месте. И правильно сделал: Волк, похоже, опомнился и опять разъярился. Он непрерывно отдавал какие-то приказания; волкохраны забегали по поляне туда-сюда, собирая перчатки и копья, причём каждый пытался разыскать свои. Суматоха поднялась страшная, но Пекку это совсем не испугало. И неудивительно: новые попытки волкохранов схватить его оказались

такими же неуклюжими, как и прежде, только теперь вдобавок им мешали копыта: волки спотыкались о них и друг о друга и хватали то свой хвост, то лапу соседа. Вскоре они уселись, чтобы перевести дух и посоветоваться, как действовать, но, пока они раздумывали, Пекка спокойно подошёл к лесной опушке. Там он остановился, чтобы ещё раз оглянуться. Лесовик направил свой фонарик прямо на него. Пекка помахал ему на прощание и крикнул:

— Пока! Скоро увидимся!

И лесная тьма тут же проглотила его.

Великий Волк так рассвирепел, что поначалу не мог вымолвить ни слова.

— Поймать! Да ловите же, вы, олухи царя небесного!

Волкохранам ничего не оставалось, как пуститься по следу. С несчастным видом они поплелись к опушке; через минуту всё стихло. Из лесу доносился только тяжкий шум ветра.

Фонарик дрожал в руке Лесовика: пришлось опустить его на землю, чтобы вытереть выступившие на лбу от волнения капли пота — крупные, как клюква.

— Ох, хоть бы ты не попался им, Пекка Бесстрашный! — прошептал он. — Наверное, только ты и можешь нам помочь...

Хотя Великий Волк беспокойно метался по поляне, слух у него был до того чуткий, что слова Лесовика не остались незамеченными.

— Молчать! — заревел Волк и замахнулся на Лесовика. Теперь, когда человек исчез, храбрость вновь забурлила в его жилах. Эти жалкие простофили против него бессильны! — Уж с вами-то я справлюсь одной левой лапой! — прорычал он, злобно оглядывая съёжившуюся перед ним компанию. Затем набрал в лёгкие побольше воздуха и зычно скомандовал: — Стройся! Смирно! — И поскольку все в недоумении уставились на него, для верности заорал: — Марш, марш!

Это короткое слово подействовало: Лесовик, Лисонька и Филин кинулись друг к другу, отчего образовалось что-то вроде шеренги. Но бедный Медведь никак не мог заставить себя двинуться с места. Он, правда, сумел поднять голову и открыть рот.

— Я... я... я... — произнёс он еле слышно и опять умолк.

Волк пришёл в восторг: ох, до чего же славно управлять событиями, быть сильным, храбрым — быть выше всех! Да уж, просто никудышные слабаки собрались на этой поляне!

— Заткни пасть, болван! — прорычал он Медведю, наслаждаясь звуком своего голоса. — Что ты там заикаешься!

Неожиданно волчий голос пробудил в Медведе что-то прежнее: он поднялся во весь свой исполинский рост и в один момент стал таким огромным, что Волк живёхонько отскочил в сторону. Медведь хлопнул себя в грудь могучей лапой, и застрявшие там слова вылетели наружу.

— Я не боюсь! — взревел он. — И скоро ты в этом убедишься! Вот только найду ключ смелости... Тогда... — И Медведь широко разинул пасть.

Волк до того перепугался, что вся шерсть у него встала дыбом, но скоро взял себя в лапы. Ключ смелости... его-то у Медведя по известной причине и нет! И Волк тоже поднялся на задние лапы.

— Ага... — сказал он, лениво почёсывая за ухом, чтобы показать, что он нисколько не

боится. — Ишь какие мы могучие! — И неожиданно прорычал: — Чего орёшь, дуралей, заткнись!

Волк грозно уставился на Медведя, отчего тот начал заметно терять свою отвагу. Он опять ослаб и неуклюже осел на землю.

— И между прочим, ты этот ключ зря ищешь, — бросил Волк, прищуриваясь. — Становись в шеренгу, да поживей! А не то на мясокомбинат отправлю!

Медведь поднялся и подковылял на негнущихся лапах к остальным. И вот все они стояли и ждали, что Волк ещё выдумает. Он оскалился, изображая ласковую улыбку.

— Какая милая компания! — протянул он. — Просто очаровательная... — И тут же рявкнул: — Рассчитайся! Я говорю, рассчитайся, противные!

— Первый, — тихо сказал Медведь. Он в молодости командовал медвежьим отрядом, но для остальных это было непривычно. Филин подумал, что от него требуют коронного пируэта, и закружился так стремительно, что уронил Лисоньку и сам шлёпнулся рядом. А Лесовик так и застыл с фонариком в

руке; ему было до того страшно, что луч дрожал, как лист на ветру.

Но и в дрожащем свете было видно, что из леса на поляну выскакивают многочисленные волки. И каждый тащил какую-нибудь странную штуку. Все они, не успевая сбавить скорость, неслись прямёхонько к Великому Волку. И тут произошло нечто невообразимое: высокое положение Волка рухнуло. Потому что через секунду он валялся на земле, а на нём громоздилась куча мала — целая волчья стая! Это были волкоснабы, выполнявшие приказ, полученный по мобильному телефону. Преисполненные служебного рвения, они даже не заметили, что произошло с Великим Волком.

Они вертелись, толкались и радостно вопили:

— Мы тут! Лап и хвостов в комплекте — четырежды четыре! Как заказывали! Верёвок, стремянок, ломов и противогазов — по одной штуке... образцы... мы не знали, сколько надо... Ослов и дуралеев пришлось поискать, но один по крайней мере нашелся! А вот главные дела кончились — нету! — И волкоснабы, переводя дух, радостно и гордо

переглядывались. Их отряд прибыл по вызову со скоростью пожарной команды!

Но понемногу до них стало доходить, что не всё получилось как надо, — Великий Волк лежал и молча сопел: он был в такой ярости, что не мог даже «здравствуйте» сказать. Его великолепный мундир был весь выпачкан землёй!

Поднявшись, он ещё долго отдувался. По всем правилам ему надо бы засадить всех этих недоумков в тюрьму, на хлеб и воду, и забыть их там навсегда, но... сколько тогда у него останется подчинённых? Волку даже голову сдавило: пришлось встряхнуться и пошевелить ушами, чтобы как-то собрать мысли.

Но затем его прорвало.

— Лапти, веники недомоченные, лопухи! Убирайтесь вон! И вот что: если ещё раз попадёте мне на глаза, я из вас сделаю фитили для смоляных светильников к моему празднику! — После этого Волк вперил свирепый взгляд в Медведя и остальных, съжившихся с ним рядом:

— Эй, вы там, встать! Молчать! Смирно! Вас уже ждёт уютная тюремная камера. Со

всеми неудобствами. Там вы будете гнить, пока я не поймаю человеческого детёныша! — И взвыл, как пароходная сирена: — Вперёд марш! Раз-два, левой! Раз-два, левой! Вперёд, к тюрьме! Песню! Я желаю музыки в этой бесцветной жизни!

Глава пятая

Путь через лес был долгим. Лисонька совсем выбилась из сил. Мокрые ветви царапали и рвали её тонкую шубку, а на туфельки она даже и взглянуть боялась. На будущей неделе предстояло несколько праздников, которых она так ждала... но... теперь наряд испорчен, а на новый нужны деньги... Лисонька расстроилась ещё больше, когда вспомнила, что Волк вдобавок собирался навсегда закрыть магазины: он, говорят, объявил, что все вещи в лесу принадлежат ему одному! «Ой-ой-ой, — горевала Лисонька, тайком утирая слёзы. — Как трудно быть девочкой!»

Ища сочувствия, она оглянулась на остальных и вдруг вспомнила, куда они, собственно, идут; грустное лицо Лесовика говорило об этом без слов. Лисонька всхлипнула. Никаких праздников всё равно не будет. И впереди — полная неизвестность.

Но вот среди леса вырос Волчий Замок, такой удивительный, что Лисонька сразу позабыла о своих печалях. Конечно, она много слышала о замке, особенно от Филина, которого иногда приглашали туда выступать. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Замок окружала громадная стена: как будто какой-то сказочный великан как попало навалил каменные глыбы. И во дворе было не лучше: весь замок оказался похожим на свалку камней, досок и брёвен, а не на жильё разумных существ. Но обитатели его вели себя как ни в чём не бывало, словно беспорядок и развал — самое замечательное состояние.

Посреди двора возвышался помост, а на нём огромное кожаное кресло.

Видимо, это был трон Волка, потому что Волк сразу же ловко вспрыгнул на помост и

развалился в кресле со вздохом облегчения. От ходьбы у него устала спина, и вообще самочувствие было не блестящее. Он всерьёз надумал в следующий раз отправиться на носилках. Куда это годится, если правитель ходит пешком, как и прочее зверьё?

— Больше света! — заорал Волк и хлопнул в ладоши.

Тут же примчались волкохраны: они принесли пахнущие смолой трескучие факелы и воткнули их в щели между камнями, а в костёр, горевший посреди двора, подбросили несколько брёвен. Волк снова хлопнул в ладоши, и волкохраны бросились к стенам и замерли. Огонь гудел и трещал; кругом разливалось усыпляющее тепло. Волк зевал. Как всё-таки устаёшь от свежего ночного воздуха!

Спокойно посидеть ему не удалось: со стороны ворот донеслись какие-то возгласы и возня! Шум становился всё громче, и вскоре четыре волкохрана с пристыженным видом подбежали к костру.

Волк выжидательно смотрел на них и молчал: тишина становилась просто угнетающей. Волкохраны в панике переглядывались.

Наконец один из них выступил вперёд и начал шёпотом докладывать, что с ними произошло...

— Этого мальчишку нигде было не найти, о Великий Волк, — начал он робко, поглядывая на товарищей. — А потом когда мы его увидели, то... он обернулся птицей! Он, видно, колдун! Поднялся в воздух, полетал над нами немножко, а потом пропал из виду... А мы не могли лететь за ним следом — у нас ведь крыльев нету... — И волкохран помахал лапами, показывая, как оно было на самом деле. — И мы смотрели ему вслед раскрыв рот, а потом побежали сюда... рассказать... Он теперь не опасный... испугался и улетел, наверное, далеко...

Волк ухмыльнулся, потом расхохотался. Волкохраны, подталкивая друг дружку, тоже попытались засмеяться, но у них не получилось. И хорошо, что не получилось, потому что смех Волка вдруг как ножом отрезало.

— Вот так штука! Здёрово! — зарычал он. — Конечно! Человек, стоит ему только захотеть, может превратиться и в птичку... Известное дело! — Тут Волк испустил такой душераздирающий вой, что у Филина со страху

все перья встопорщились. — Вы такие бес-
толковые болваны, что просто ума не прило-
жу, что с вами делать! И себя-то отыскать не
в состоянии, не то что человеческого детёныша!
Прошляпили!

Волк протянул лапу к волкохранам и, к их
ужасу, выпустил длинные, острые когти. Вот
сейчас он им задаст урок номер один, и к
тому же в своей собственной школе...

— И какая же награда полагается за плохо
выполненное задание?.. — начал было он, но
тут же вспомнил, что человеческий детёныш всё
ещё на свободе. И почувствовал, как страх
шевелинулся где-то в глубине его волчьей ду-
ши. Лучше, если все волки будут на месте...
Для защиты замка... Да! Каждый сейчас на
счету... — Смелее! — пробормотал Волк себе
под нос, решив заодно подбодрить и волко-
хранов. Он рассмеялся, стараясь, чтобы смех
прозвучал добродушно. — Ну... ладно уж —
на этот раз. Наверное, не врете.

Волкохраны недоверчиво переглянулись.

— Пусть летает, пока успевает... — продол-
жал Волк. — Полетает, устанет и свалится...
Хе-хе. Там и останется... Голод... вороны... Ну
ладно, с этим делом, считайте, покончено. —

И он снова по-доброму хохотнул. — Так-то. Теперь займёмся другими, а именно вот этими нашими добрыми друзьями...

И Волк, не обращая больше внимания на волкохранов, подошёл к краю помоста и грозно уставился на пленников.

— Ну что, мои герои... — протянул он, — замечательные обитатели нашего леса... пришло время расквартировать вас... — И обернулся к охранникам. — В тюрьму это выдрино отродье! Мигом! Объявляю их арестованными в соответствии со всеми возможными статьями и параграфами! Суд будет позже! Справедливость прежде всего!

— Так точно, Великий Волк! — заворчали волкохраны и принялись было с опаской подбираться к Медведю, но, к их величайшему удивлению, все пленники послушно зашагали в каморки, пристроенные по приказу Волка к крепостной стене со стороны двора. Волк, глядя на заключённых, пришёл в чудесное настроение: из этих ни один не убежал по вине лопоухих волкохранов. Когда двери камер захлопнули и заботливо заперли, морда Волка расплылась наконец в довольной улыбке: какой славный, согреваю-

щий сердце вид! Просто прекрасный — вроде картины на стене!

Он прохаживался с довольной ухмылкой, любуясь на пленных сквозь решётки. В крайней камере скорчился Медведь: казалось, он совсем утратил интерес к окружающему миру. Волк кашлянул, прочищая горло, и Медведь исподлобья взглянул на него. Сладко улыбаясь, Волк напаривал что-то в кармане.

— Милый друг! — сказал он затем, ласково глядя на Медведя. — Совсем забыл показать тебе, что я нашёл... Гляди-ка... — И Волк вытащил из кармана грязный носовой платок и, размотав его, показал маленький золотой ключ. — Узнаёшь? Одна сорока нашла его в лесу — случайно, разумеется, — и рассказала мне, что это такое... Я и взял его на хранение, ведь понятно, что для тебя это весьма огорчительная потеря...

Медведь вскочил. Он с таким отчаянием смотрел на ключ, что у Лесовика даже сердце защемило. Волк водил ключом из стороны в сторону, и взгляд Медведя, как намагниченный, следовал за его движениями. Наконец Медведь тихо, жалобно застонал и прикрыл лапами глаза.

— Мой ключ, — простонал он, — ключ моей храбрости... Теперь всё пропало...

Волк, посмеиваясь, аккуратно замотал ключ в свой грязный платок и сунул узелок обратно в карман. Лесовик, в тревоге следивший за происходящим, вконец расстроился. Ведь, несмотря ни на что, он надеялся, что ключ Медведя как-нибудь отыщется... и тот получит назад свою храбрость... и все избавятся от власти Волка... Ну что ж, эти надежды придётся забыть. Ключ у Волка, у него и останется, тем более что теперь от всего остального мира их отделяли решётки. Лесовик тяжело вздохнул: он вспомнил свою прошлую жизнь — насколько памяти хватало. Пожалуй, лет четыреста тому назад ему довелось испытать такое же горькое разочарование... Но теперь, когда миновало некоторое время, оно уже не казалось таким тяжёлым.

— Понял, остолоп? Я нашёл ключ от твоей храбрости! — холодно повторил Волк (он внезапно ужасно устал). — Вот так! Ваша песенка спета!

— Песенка Зелёновой Рощи спета, — тихонько проворчал Лесовик.

Но чуткие уши Волка уловили его слова.

— Наоборот! — рявкнул он. — Это начало могучего и великого Волкодарства! Да здравствует Волкозелёновая Роща!

— Да здравствует! Ура, ура, ура! — подхватили волкохраны, потрясая копьями. — *Волчья власть и волчья доля — то всего народа воля!*

— Благодарим, — бросил Волк. — Хорошо сказано! — И он хлопнул в ладоши. — А теперь — за работу! Покажем нашим гостям, как в нашем новом Волкодарстве делаются дела и как вершится наше правосудие. Берите пример, слабаки! — Волк повернулся к охранникам. — Введите первого просителя! Они ведь там ожидают день и ночь! Сейчас опробуем на практике новый закон — *Lex Lurus*. Наконец-то все его статьи и параграфы подготовлены.

Один из волкохранов на минутку вышел и вскоре возвратился со старенькой Зайчихой, которую все лесные жители хорошо знали. Она никогда не сделала ничего плохого, никому худого слова не сказала, а жила тихонько в своей избушке, зарабатывая на жизнь сбором грибов и ягод да продажей картошки со своего огорода. И вот теперь крохотная

Бабушка Зайчиха стояла перед Волком, сжимая в руках корзинку; губы её дрожали.

— Бабушка Зайчиха, милочка, не надо меня бояться, — запел Волк медовым голосом. — Никто здесь не желает причинить тебе зла — нам только надо, чтобы всё было по закону...

Зайчиха кивнула и хотела что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова.

— Расскажи, расскажи о своей беде... Если закон на твоей стороне, тебе нечего бояться! — Тут Волк подмигнул охранникам, и они захохотали. — Волчий Закон — железная штука!

— Да я... это... — заговорила Бабушка Зайчиха, — не знаю, право, с чего и начать... Давеча я грибы собирала, как завсегда, в Гнутом Логу, да там объявился один из этих... ваших... охранов. У меня в корзинке были грибы, как и нынче... — И Зайчиха протянула корзинку Волку. — Да охран забрал все грибы и корзинку тож забрал — говорит, всё теперь волчье... мол, грибов нельзя больше собирать и ничего другого тож нельзя... Да как же мне теперича жить-то, Великий Волк? Чем кормиться? — Голос Бабушки Зайчихи

опять задрожал и прервался, так ей было бо-
язно.

— Гляди-ка, грибы! — оживился Волк. — Ну-ка покажи! — И сгрёб в охапку протянутую бабушкой корзинку. — Гм! Боровики... Фу-ты ну-ты... — Волк принял соответствующую званию позу и объявил официальным тоном: — В корзинке действительно боровики! И решение суда таково: как предписывает Lex Lupus, или на простонародном языке Волчий Закон, все дары леса принадлежат мне и только мне — соответственно первому параграфу первой статьи! Боровики просто отличные... Волкохраны! — крикнул он. — Снесите грибы на кухню и прикажите поджарить с луком! К завтраку! Со сметаной! И всё! Обжалованию не подлежит! — Волк посмотрел на Бабушку Зайчиху почти дружелюбно. — Поскольку грибы такие замечательные, я не буду сегодня тебя наказывать, хотя восьмой параграф это предусматривает... Стало быть, можешь идти... Но корзинка останется мне... Чтобы впредь не нарушала...

Бабушка вся затряслась, хотя и пыталась совладать с собой. Большие слёзы

закапали из её глаз. Волка это только разозлило.

— Катись отсюда подобиру-поздорову, пока я не передумал и не бросил тебя в тюрьму! — прошипел он. — Справедливее наших законов ещё не придумано!

Лесовик больше был не в силах сдерживаться.

— Вот тут ты ошибаешься! — закричал он, тряся бородой. — Это разбойничьи законы!

Волк зарычал и прыгнул с помоста к камере Лесовика.

— Смотри-ка, наш старый друг ещё смеет меня поучать... — И Волк уставился на Лесовика самым грозным из своих взглядов. — Старый мудрый Лесовик... а известно ли ему, что я составлял их по образцу законов самого Хаммурапи?! Только немножко подправил...

— Это что же, сейчас правосудие свершилось? — спросил Лесовик и, не моргнув, уставился на Волка так же грозно. — Как теперь Бабушка Зайчиха будет жить? Ты же осудил её на верную смерть!

Волк рассвирепел:

— Как ты смеешь со мной так разговаривать, жалкий гном? Пусть бабка идёт работать! Куда пожелает! — И скомандовал волкохранам: — Бросить Лесовика в тюрьму! Чтоб мигом там был!

Ретивые волкохраны бросились действовать, хотя и не очень понимали зачем: ведь Лесовик и так уже находился, ясное дело, в тюрьме. Но Волк был так взбешён, что они не смели его ни о чём спрашивать. Поэтому дверь тюрьмы отворили; Лесовика приволокли и поставили перед Волком. Только это взбесило Волка ещё больше.

— Болваны! Дураки! Вороны! — завопил он, чувствуя, что голова у него кругом идёт. — Какого лешего вы его сюда притащили? Отведите в тюрьму!!! Я ведь приказал! Назад, назад его, в тюрьму! Наказать! И пострашнее!

Лесовика затолкали обратно и заперли дверь.

— А что теперь нам делать, о Великий? — спросили волкохраны.

Волк изо всех сил хлопнул себя по голове, чтобы расшевелить мозги, и выкрикнул:

— Устрашнить наказание! Приказываю посадить Лесовика на хлеб и воду! Приказ исполнять немедленно!

Лесовик обрадовался.

— Спасибо, вот уж спасибо, — забормотал он, — это очень хорошо... даже слишком...

— Стой! — завопил Волк. — Отставить!

Волкохраны, уже мчавшиеся к камере с кувшином воды и буханкой чёрного хлеба, остановились.

— Воду и хлеб Лесовику не давать ни в коем случае!

Волк потёр лапами голову, пытаясь что-нибудь придумать. «Хитрость моя, хитрость, — молил он, — куда же ты подевалась?» И наконец — видимо, благодаря трению — у него возникла блестящая мысль!

— Лесовичок, миленький, — сладко пропел Волк, — старый приятель... скажи, пожалуйста, а какую еду ты не любишь?

Лесовик ответил не задумываясь — ведь многие современные продукты он просто терпеть не мог:

— Корнфлекс не люблю и вообще всякие хлопья, особенно с молоком, мёд не люблю... Землянику тоже... Не говоря уже о печенье

в шоколаде. Потому что в один из самых тяжёлых моментов моей жизни, в кукольном домике одной маленькой девочки, мне пришлось питаться одним печеньем.

Волк радостно завопил:

— Слыхали, волкохраны? Вот это всё и тащите ему, да поживей! А заодно и всем остальным! — И он потирал лапы, совершенно счастливый: какое замечательное наказание для всех заключённых он придумал!

Волки разбежались в разные стороны; хлопали двери, зазвенела посуда. И хотя казалось невероятным, что в Волчьем Замке можно что-либо отыскать среди громоздившегося кучами хлама, приказ выполнили быстро: вскоре появились чашки, плошки, коробки с корнфлексом и молоко. Всё это пропихивалось сквозь прутья решёток и жадно расхватывалось пленниками. Чудеса! Мёд был настоящий, вересковый, собранный дикими пчёлами, а земляника — не какое-нибудь прошлогоднее варенье, а почти как свежая, из морозильника! Медведь обнял банку с мёдом обеими лапами, не веря своим глазам: он в жизни не слыхивал, чтобы с заключёнными в тюрьмах так обращались!

Волк подобрался вплотную к каморке Лесовика, чтобы полюбоваться на его мучения. И в самом деле, было чем любоваться: несчастный Лесовик скрючился над своей миской. Эта еда напоминала ему о давних временах, которые он совсем не желал бы воскрешать в памяти. Но голод всё же победил: передёрнувшись от отвращения, Лесовик погрузил ложку в хлопья с молоком.

— Вкусно, правда? — спросил Волк, облизываясь. «О-хо-хо, — подумал он про себя, — как чудесно наконец-то по-настоящему насладиться чужими мучениями!»

И всякий раз, когда Лесовик в отчаянии мотал головой, сердце Волка наполняла беспредельная радость. Он до того увлёкся наблюдениями над Лесовиком, что совершенно не замечал, что происходит в остальных каморках, а если бы заметил, его наверняка хватил бы удар. Медведь лизал мёд и глотал молоко как одержимый; Филин тоже не уступал ему в скорости.

— Хлопья... — бормотал он, — поджаренные... с орешками... Я таких не пробовал с того самого дня, когда по оплошности залетел на склад гастронома...

Лисонька косилась на них немножко презрительно: чавкают и хлюпают, как выводок поросят. Сама она умела есть изящно и гордилась этим. Такую жадность выказывать не годится — всё-таки на свете есть ещё хорошие манеры... праздники, балы... красивая одежда... элегантность...

Но когда перед её носом возник красный смерзшийся ком, Лисонька на минутку даже зажмурилась от блаженства.

— Это, наверное, земляника! — выдохнула она. — Красная... Ой! Именно такая, как описывала тётушка Вострушка!

Но ком был слишком большой, чтобы разом затолкать его в рот, и Лисоньке пришлось усердно поработать ложкой, чтобы отделить всего одну ягодку. Она катала земляничину во рту от одной щеки к другой и морщилась — до чего ж холодная! Но когда ягода понемножку оттаяла, Лисонька ощутила странно знакомый, позабытый вкус. Он напомнил детство, маму, запах и тепло её мягкого длинного меха. Наверное, когда-то мама давала ей землянику на сладкое!

Волку тем временем надоело любоваться на Лесовика, и он вскочил обратно на свой трон.

— Приказываю каждый день давать им то же самое! — крикнул он волкохранам. И зевнул: поздняя ночь всё-таки, предрассветный час. Он вдруг почувствовал волчий голод и рывкнул:

— Принесите немедленно бадью браги! Да... и жареных рябчиков! — И задумался: чего бы ещё заказать? — И музыку давайте, а то тишина как на похоронах! Я хочу смотреть на танцы и слышать радостный смех! Да набросайте под ноги соломы! Пошевеливайтесь, вы!

Не прошло и нескольких минут, как приказания были исполнены, потому что привычки Волка уже хорошо изучили и всё, что он мог пожелать, находилось под рукой. И скоро Волк уже прихлёбывал брагу из здоровенной кружки, развалившись в своём кресле, как какой-нибудь восточный паша.

Но только настроение у него отчего-то совсем упало, можно сказать валялось на полу. Музыка почему-то звучала тоскливо, а танец волкохранов напоминал просто неуклюжее топанье. «Эх, лучше бы, верно, вздремнуть, — подумал Волк. — А утром опять можно устроить разные забавные штуки. Поразвлечься.

Придумать что-нибудь эдакое... и для других заключённых». Волк залпом допил брагу, шлёпнулся на топчан позади трона, укрылся коричневым пледом и моментально захрапел: хватив браги, он спал крепче всех волков на свете.

Волкохраны прекрасно это знали: тут же, не мешкая, они ухватили бадью с брагой и поволокли её в свою дежурку. Вскоре оттуда уже доносились весёлые крики и шум. Опытные волкохраны рассчитывали, что Волк теперь проспит несколько часов и не нарушит их веселья. Наступила наконец и для них свободная минута.

Свет факелов трепетал на сквозняке, один за другим язычки пламени сникали и чахли, пока не угасли совсем. Лесовик, позёвывая, смотрел от нечего делать на двух волкохранов, оставленных сторожить тронный зал. Они выглядели не слишком бдительными — один даже задремал, прислонившись к стене. Второй тоже смотрелся не слишком-то бодро, да и вообще в нём было что-то странное. Лесовик вглядывался, вглядывался... Этот волк казался очень и очень знакомым! Лесовик мог бы даже поклясться, что где-то он

его встречал. «Невозможно! — думал он. — Ведь я не знаком с волками — никогда с ними не водился. — И он решил выбросить эту чепуху из головы. — Старческий склероз, провалы памяти, — тихонько урезонивал он себя, — лучше постараться уснуть, пока тихо». Лесовик закрыл глаза и вскоре, будто последовав примеру Волка, захрапел.

Глава шестая

Лесовику не даром померещилось, что один из волкохранов ему знаком: внутри волчьей шкуры притаился Пекка! Он всё посматривал на другого охранника: тот клевал носом, приваливался то одним, то другим боком к стене, но всё никак не засыпал. Каждый раз, когда Пекке казалось, что волк задремал, тот встряхивался и отхлёбывал браги из своей кружки. Пекка уже начинал отчаиваться: хотя он пробрался сюда и до сих пор ему кое-как удавалось избежать разоблачения, но приближался рассвет, а с наступлением утра все наверняка заметят, что он никакой не волк...

Пекка вздохнул. В эту ночь на его долю и без того выпало немало испытаний. Он опять вспомнил, каково было блуждать в тёмном лесу, освещённом лишь слабым лунным светом, и прислушиваться к вою волков, то уда-

лявшемуся, то раздававшемуся где-то совсем рядом... Вначале всё это его сместило, но постепенно стало не до смеха... А потом случилось самое страшное — Пекка наткнулся на лежавшего на земле волкохрана и от страха завопил громко, как полицейская сирена. Но тот не двигался. Наверное, он в темноте с размаху налетел на какой-нибудь корень или ветку и теперь лежал без сознания, будто спал. И тогда, сам не зная зачем, Пекка снял с волка шубу и неумело натянул на него свою пижаму. А когда через пару минут подошли другие волки, они ни о чём не догадались, так как оживлённо обсуждали свою экспедицию и придумывали, как бы поправдивее наврать Великому Волку. Конечно же, Пекке было страшно. Но всё-таки он не раскрывал рта, а только ворчал и рычал и, к собственному удивлению, вполне сошёл за волка. Вот только надолго ли?

И тут случилось то, чего Пекка больше всего боялся: волкохран очнулся, огляделся, явно в поисках компании, и помахал кружкой.

— Слушай, друг, выпей и ты бражки, чего бояться? — Он кивнул в сторону топчана. — Этот ещё долго продрыхнет.

Пекка замотал головой, но волкохран смотрел на него выжидательно, и надо было отвечать. Пекка как мог понизил голос и прохрипел:

— Спасибо, мне что-то неохота.

Но волкохран на этом не успокоился. Ещё бы: первый раз в жизни он слышал такое из уст волка! Волкохран прищурился, чтобы рассмотреть товарища повнимательней. В нём было что-то странное. Может, и показалось — из-за браги, темноты, усталости, но... Волкохран пялился изо всех сил. Пекка почувствовал, как у него по спине потекли струйки холодного пота. Он вскочил на ноги и принялся быстро расхаживать взад и вперёд перед тюремными камерами. И одновременно бурчал что-то непонятное, вроде бы удивляясь. Волк неуверенно встал на задние лапы и в полном изумлении наблюдал за беготнёй сослуживца. Ему, видно, не мешало бы винтики подкрутить... Наконец он не выдержал:

— Эй, ты чего? Чего ищешь?

Пекка хрипло прорычал:

— Слышь, иди помоги, да поскорей! Тут какой-то непорядок!

Волкохран поднялся, встряхнулся и заковылял на одеревенелых лапах к Пекке. Ох, как он устал! Совсем зевота одолела. Он с удовольствием пошёл бы спать, но твёрдо помнил, что воинский долг прежде всего. Потому что эту истину в него долго вколачивали учителя в школе волкохранов.

— Где непорядок? — рявкнул волк и устался на Пекку ещё пристальнее: да уж, было в нём что-то совершенно чужое, но одновременно очень знакомое. Но прежде чем волк успел задать ещё какой-нибудь вопрос, Пекка дёрнул его за лапу и указал в тёмный угол:

— Вон там, за тем валуном... там что-то такое... иди-ка посмотри!

Волкохран вздрогнул: может быть, там прячется что-то ужасное?

— Сам иди, — нашёлся он. — Я по старшинству выше тебя! Приказ!

Пекка чуть в обморок не упал — что же ему делать? Но, как, вздыхая, говаривала Пеккина мама, «беда научит», хотя ей самой никакой пользы от этой мудрой пословицы не было. Пекка грозно нахмурился и прорычал:

— Отставить разговорчики! Ты что, не знаешь — меня только что повысили! Теперь я ваш начальник! Я даже медаль получил из лап самого Великого Волка!

Волкохран испугался и занервничал: он-то знал, что такое вполне возможно — это в духе Великого Волка. Никогда не было понятно, кто кем командует, потому что он всё время менял порядки по своему капризу, никого не предупреждая. Волкохран был совсем подавлен и безропотно подчинился.

— Ну да, конечно, теперь я буду самым последним, опять убирать заставят...

Он так огорчился, что даже не взглянул больше на Пекку, а поплёлся за камень, на который тот указывал.

С опаской приблизившись, волк заглянул за валун, но не нашёл там ничего особенного. Там было полно верёвочных обрывков, тряпья, мусора и объедков, но этого добра предостаточно валялось по всему замку: уборщики не удосуживались выносить мусор подальше. Да и к чему — ведь в замке всегда царил полумрак, а Великий Волк не слишком следил за чистотой. Главное, чтобы его опочивальня и помост вокруг трона были более или менее в порядке.

— Ничего здесь нет, кроме верёвок и от-
репьев, — сказал волкохран. Он, посмеива-
ясь, показал Пекке верёвку. — Сам посмот-
ри. Может, ты это за змею принял?

Но Пекка зашипел так угрожающе, что
волкохран даже вздрогнул.

— Посмотри-ка внимательнее! Разве это
обычная верёвка?..

— А ч-чт-то же это? — заикаясь, спросил
волк. И отшвырнул верёвку, как будто она
жглась.

Но Пекка уже стоял за ним и толкал в
спину:

— Не выпускай, держи крепче!

Бедному волку пришлось покориться. Ведь
в школе ему втемяшивали на разные лады:
своей головой думать запрещено, даже если
приказ не совсем понятный. Начальство луч-
ше знает!

Итак, волкохран наклонился и нехотя под-
нял верёвку. Лапы его дрожали, но он старал-
ся не обнаруживать страха и держал крепко,
вцепившись в неё когтями.

— Давай-давай, — шипел Пекка, — жми!

Волкохран сжал лапы с такой силой, что
у него аж в глазах потемнело. Пекка только

того и ждал. Он схватил свободный конец верёвки и стал бегать вокруг волка, как карусельная лошадка. А волкохран стоял столбом и таращил глаза.

— Эй, ты что это? — наконец тревожно спросил он. — Ты, никак, меня связываешь?

Пекка ответил не сразу. Он всё бегал и бегал, верёвка затягивалась всё туже. И Пекка на бегу принялся успокаивать волкохрана: они, мол, проводят научные испытания — проверяют качество верёвки. Приказ самого Великого Волка!

Когда вся верёвка накрутилась на волкохрана, Пекка остановился. Он запыхался: в волчьей шубе было жарко, в глазах рябило от беготни, но отдыхать было ещё не время.

— Давай сюда другой конец верёвки, — приказал он. — Быстро!

Волк с трудом отцепил когти от верёвки и в недоумении протянул её Пекке. И тот торопливо связал оба конца в самый замысловатый узел, который только помнил: даже шторм не смог бы распутать такой узел и унести лодку от причала. Только после этого Пекка перевёл дух.

— Уффф! — выдохнул он своим обычным голосом и испугался. Ведь ещё не все дела здесь окончены!

— Эй, послушай, — сказал вконец обеспокоенный волкохран, — я ведь не могу даже лапой пошевелить!

— В том-то всё и дело, — опять зашипел Пекка, — требовалось именно доказать, что верёвка выдерживает... что заключённый сам не сможет развязаться, понял? Теперь наступает последняя часть испытаний...

Волкохран опешил. Хотя использование собственных мозгов и вообще излишнее думанье не поощрялось, сейчас ему поневоле приходило на ум то одно, то другое. Наверное, следует позвать сюда остальных — что-то, кажется, не совсем в порядке... Он набрал побольше воздуха, чтобы закричать,

и разинул пасть пошире, но Пекка был начеку. Он уже давно нащупал в кармане шубы большое яблоко и теперь ловко закинул его волку прямо в глотку, а когда тот вздумал завыть, обмотал ему морду старым фартуком. Не прошло и минуты, как Пекка затолкал волкохрана за угол тюрьмы и привязал к ёлке: посиди-ка тут!

Он поспешно обследовал карманы волка и — о радость! — тут же нашёл связку ключей. Самое трудное позади... Нужные ключи удалось подобрать не сразу: в связке их было так много и вокруг царила такая темень, что примерять каждый ключ к замку оказалось нелёгкой работой, тем более что руки у него дрожали от волнения.

Когда Пекке удалось открыть первый замок, проснулась Лисонька. Она страшно испугалась: кто-то среди ночи забрался к ней в квартиру!

— И-и-и! — запищала она. — Это, наверное, тот самый страшный чёрный дядька!

Филин тоже удивлённо уставился на Пекку, хлопая глазищами. А вот Лесовик сразу же понял, в чём дело. Он посветил фонариком в лицо каждому пленнику, чтобы они поскорей очнулись, и зашептал:

— Эй, просыпайтесь... вы что, забыли, где мы? В плену, в замке у Великого Волка... И медвежий ключ у Волка... Может, мы его раздобудем, вот тогда... Скорей бежим в лес! Надо хотя бы попытаться! Иначе потом нечего жаловаться на несчастную судьбу. На свободе у нас появится хоть какая-то возможность, хотя бы один шанс из тысячи...

Внезапно с противоположного конца двора донёсся прерывистый храп Великого Волка: он то усиливался, то затихал. Медведь так перетрухнул, что хотел было заползти обратно в свою каморку; всем остальным пришлось тянуть его назад. «Волк может проснуться в любую минуту, — сообразил Пекка, — нужно действовать!»

Лесовик, видимо, придерживался того же мнения: он суетился и тормозил остальных так настойчиво, что они все окончательно проснулись и хотели только одного: поскорее покинуть Волчий Замок!

Выбираться через главные ворота нечего было и думать — их могли сторожить волкохраны. За тюремными каморками в крепостной стене виднелась маленькая дверь, но

она была, похоже, заперта. К счастью, Пекка вспомнил про связку ключей и кинулся к двери. Один за другим он пробовал ключи, и наконец замок щёлкнул! Путь на свободу был открыт!

Но неожиданно Пекке пришла в голову новая мысль: посмотрев на Лесовика, он вдруг понял, что должен делать. Пекка торопливо пошептал что-то старику на ухо и начал подталкивать его к выходу. Лесовик в замешательстве оглянулся на Пекку, вздохнул и, на мгновение задержав луч фонарика на лице мальчика, прошептал:

— Желаю тебе удачи... Будь храбрым, Пекка Бесстрашный... Поступай так, как велит тебе сердце.

Глава седьмая

Луч фонарика растворился в лесу, все ушли... А он остался здесь — совсем один против всего страшнозубого волчьего рода. Хотя Волк поначалу казался ему просто смешным, встреча с ним веселья не сулила — особенно один на один, да ещё ночью. Пекка сделал было пару шагов к двери, но остановился. Конечно, добыть ключ смелости из кармана Великого Волка может только он. По взгляду Лесовика он понял, что тот от всего сердца надеется на Пекку. Ведь речь шла не только о них, но и обо всех обитателях Зелёновой Рощи, о Бабушке Зайчихе, о других! Незаметно для самого себя Пекка направился к Великому Волку, храп которого звучал всё более угрожающе.

Воткнутый в стену факел зашипел и погас. Пекка вздрогнул. Стало ещё темнее, потому что осенний рассвет пока и не думал

брезжить. Пекка шёл очень осторожно, но всё-таки наткнулся на острый выступ камня и вскрикнул от боли. Храп Волка мгновенно замолк. Наступившая тишина быстро сгустилась, наполняясь невысказанными вопросами и ответами. Сердце у Пекки сжалось. Эх, и зачем он остался здесь, для чего этот безнадёжный геройский подвиг? Бесстрашный Пекка! Да уж, герой: крадётся, замирая от страха, к Великому Волку — наобум, надеясь на одно лишь везение!

Волк по-прежнему прислушивался к звукам, витавшим в зале, потом сел. Сообразив, что рядом с топчаном никого нет, он гулко кашлянул, и каменные стены зала отозвались недобрым эхом.

— Кто там? — спросил он мягко, показывая, что ему совсем не страшно. Очевидно, по залу шатался какой-нибудь обглодок-волкохран. Если расскажет остальным, что Великий Волк струсил, то ведь уважать перестанут! И Волк повторил вопрос. Он хотел ясного и понятного ответа!

— Это твой волкохран, о Великий! — прохрипел Пекка, пядь за пядью отступая назад. Он чуть не заплакал, потому что вдруг вспо-

мнил: вдобавок к чуткому слуху у Волка такой острый нюх, что он вполне может учуять под волчьей шубой человека. Но эти опасения были напрасными. Праздная жизнь, брага и остро приправленная еда давно уже притупили обоняние Волка. Он покашлял и похрипел на своей лежанке, потом спросил уже громче:

— А где остальные часовые? — и с грозным видом огляделся по сторонам. — Невероятно! Опять нарушили все предписания! Кто угодно мог явиться и...

Волку даже и думать не хотелось, что бы тогда произошло. На посту оказался только один волкохран, да и тот не ахти какой: малорослый и, похоже, трусливый.

«Набирают нынче в школу всяких разных, — подумал Волк. — Если б мог... выписал бы с севера целую стаю крепких и бодрых молодых волчат... Да, кабы мог... если бы да кабы...» Его снова клонило ко сну.

Волк вытянулся на топчане, но сон почему-то не приходил. Слишком быстро крутились в голове мысли: «...только один волкохран на посту, а остальные... где-то их носит... однако странно... даже пугающе странно».

И Волк опять приподнялся.

— А где остальные часовые? Ась? — повторил он, вспомнив, что так и не получил ответа на свой вопрос. Час от часу не легче: из этого балды волкохрана слова не вытянешь!

К счастью, Пекка уже успел обдумать, что отвечать, и просипел:

— Твои часовые... о Великий... все отправились ловить человеческого щенка...

И Пекка, как бы нечаянно, отступил ещё на пару шагов. Волк в замешательстве взглянул на него: нет, кроме шуток, этот тип уменьшается прямо на глазах! И мол, все остальные блуждают в тёмном лесу... ищут мальчишку... Нет, нет и ещё раз нет! Здесь кроется какой-то подвох!

Волк подавил на минутку свой страх и спросил самым что ни на есть ласковым тоном:

— Как же это возможно, что все отправились в лес, не спросив у меня разрешения? Может, пока я спал, здесь выбрали нового начальника? Я бы с удовольствием с ним встретился...

Пекка сделал ещё шаг назад и оглянулся. Дверца в стене совсем недалеко.

«Она должна быть открыта, — лихорадочно прикидывал Пекка, — я не запираю её. Или запер? В таком случае мне ни за что не успеть открыть замок».

— О Великий Волк! — Пекка так засипел и закашлял, что чуть не лопнул. — Всё совсем наоборот... Ты наш единственный вождь... Но Ворон принёс известие, что человеческого щенка видели спящим под старой елью, и мы вспомнили твой давешний приказ... решили сделать тебе сюрприз... обрадовать... И потому...

И Пекка отступил ещё на шаг и остановился: дверь была совсем рядом.

В ту же минуту Волк поднялся во весь рост. В сумеречном свете зала он казался в самом деле громадным и страшным. Он потянулся и лениво шагнул к Пекке. Ему хотелось получше разглядеть, что это за писклявый недоросль затесался в его славную гвардию.

Но тут же остановился, потому что из-за крепостной стены послышался разноголосый крик. Он приближался, переходя в невообразимый галдёж: доносились радостные возгласы, ауканье, вой, даже чья-то песня. Волк

замер: может, это вражеское войско осаждает замок?.. А с ним только один часовой-недомерок.

Но скоро всё объяснилось, потому что в главные ворота ворвался взвод волкохранов, волоча какое-то чудище, которое неумело и вяло отбивалось. Пекка взглянул и ужаснулся. Это же привели того самого волка! На которого он надел свою пижаму! Сердце у Пекки запрыгало, как лошадь на родео. Он разоблачён! Он попытался было двинуться к заветной дверце, чтобы потихоньку выбраться наружу, но из этого ничего не вышло — ноги просто-напросто не слушались его!

На Великого Волка зрелище подействовало неожиданно — его голос задрожал от страха:

— Не человеческий ли щенок там у вас?

Волк не решался даже посмотреть в ту сторону.

— И кто же... совершил... этот подвиг? — спросил он прерывающимся голосом.

Волкохраны так разошлись, что было не разобрать, что они выкрикивают.

— Я первый увидел... Нет, я! В морду хочешь? — слышалось из волчьей толпы.

Пекка уже догадался, что произошло. Посреди пьянки какой-то волкохран решил прогуляться, забрёл ненароком за ворота замка и наткнулся на странное существо, в котором тут же опознал человеческого щенка! На зов этого волкохрана примчались все остальные, и вот пожалуйста. Бедный пленник-волк пытался что-то объяснить, но его слова потонули в общем гаме. Впрочем, Великий Волк расслышал.

— Тихо! — гаркнул он. — Пусть выскажет, что у него на сердце!

Волк чувствовал себя уже чуточку храбрее. Всё-таки на этот раз человек и не пытался удрать. Он в плену!

— О Великий Волк, — захныкал пленный, — я ничего не понимаю! Я проснулся в лесу со страшной головной болью и кинулся бежать к замку, а они меня тотчас схватили и связали... хотя я ничего не сделал... я же никакой не человек... я волк...

Тут Великий Волк, который всё ещё не смел даже искоса взглянуть на человеческого щенка, повернул голову и уставился на него.

«Правду говорят, — подумал он, — что человек гораздо хуже и хитрее волка! Ишь какую

историю сочинил! И до чего ушлый, как замаскировался-то: даже в человеческой одежде выглядит настоящим волком! Но одежда его выдаёт, — про себя усмехнулся Волк, — меня не проведёшь! Если бы я поверил его байкам и отпустил бы человека — хоп! Он бы сразу же напал на меня».

И Волк почувствовал, как ярость закипает у него внутри. До чего же коварен человек...

— Молчать!!! — заорал он так свирепо, что вздрогнули даже бывалые волкохраны. — Ни слова! Посмотрите-ка на этого подлеца! Смотрите внимательно и запомните его внешность! Вот мошенник — пытается замаскироваться под волка! — Великий Волк аж сплюнул от омерзения. — Тьфу! Сей же момент в тюрьму его, пусть там ждёт суда за свои гнусные козни! Шагом марш! — И тут же позвонил в звонок, висевший рядом с тронном. Он был зверски голоден, а кроме того, хотел как следует отпраздновать победу: ведь человек наконец-то оказался у него в плену!

Волк даже слегка подобрел, и, когда немного погодя приплелись по вызову сонные волкослуги, он ничуть не разозлился на них, а воскликнул:

— Привет! Слушайте все: мы отпразднуем победу с настоящим размахом! Быстрее накрывайте столы, да покрасивее, и тащите все вкусности, какие найдутся в погребе. И музыкантов сюда! Я хочу слушать живую музыку, а не какие-то диски! Мой проигрыватель к тому же барахлит. Отправляйтесь будить музыкантов. — И поскольку осовевшие волкослуги стояли и глупо таращились, пытаясь запомнить все приказания, он добавил уже раздражённо: — Ну-ка по-быстрому давайте — включаю счётчик! Если в два счёта всё не будет готово, кое-кому не поздоровится — это я вам без балды говорю!

Волкохраны тем временем схватили бедолагу волка и поволокли его в первую попавшуюся каморку. Они запихали туда пленника и принялись навешивать замок. Но что-то их встревожило: что-то, кажется, было не того...

— Разве не в этой каморке сидел только что Медведь? — зашептались они. — Куда же он улетел? И как такая туша неподъёмная оторвалась от земли?

Волкохраны начали догадываться, что случилось самое худшее. Они заглядывали в соседние каморки и бледнели всё больше и

больше. Пустые... все как есть пустые... Пленники сбежали, сбежали именно тогда, во время весёлой волчьей пьянки! Этого Великий Волк никогда не простит! Даже захват человеческого щенка не искупал такой провинности. Волки в полном ужасе смотрели друг на друга. Что же теперь будет?

К счастью, у Великого Волка не было ни времени, ни желания наблюдать за ними. Он пребывал в полном блаженстве и целиком сосредоточился на кружке браги, пенной и холодной. «Ах, как хороша иногда бывает жизнь!» — думал он.

Когда Волк утолил жажду, волкослуги принесли еду. Перед ним быстро выложили всё, что подвернулось под руку в погребе: кровяную колбасу, квашеную капусту, ржаной хлеб, козий сыр; чёрные маслины мирно соседствовали на одном блюде с яблоками, пряниками и банкой малинового варенья. Волк был страшно голоден, он даже не замечал, что кидает в пасть, — всё проглатывалось мигом: сладкое, солёное, горькое, печёное... Когда исчез последний круг колбасы, Великий Волк откинулся в кресле и расслабил пояс на мундире.

«Какой денёк! — подумал он. — Человек в плену, Медведь и все остальные недоумки тоже... Вот это и называется счастьем!»

— Музыку давайте! Вы что, оглохли? — гаркнул он.

Музыкантов до сих пор не видно было. И Волк, за неимением лучшего, тут же затянул грубым, хриплым баритоном, отчаянно фальшивя:

*Счастью Волка нет границ:
враг в тюрьме, повержен ниц,
по спине бегут мурашки —
Волк за это выпьет бражки!*

Он помахал волкохранам: те догадались, что полагается подпевать. Поэтому и волкохраны, и волкослуги вытянулись по стойке «смирно» и торжественно завыли Гимн Великого Волка, а он дирижировал пустой кружкой:

*Вот Волк идёт! Внимайте и дрожите
и по земле стелитесь от почтения!
Он вашей жизни добрый повелитель —
он смерть вам дарит и по воскресеньям!*

Когда волки запели куплет по второму разу, Пеккины ноги наконец сдвинулись с места. Неизвестно, каким образом этому способствовали слова песни, но только Пекка рванулся

скорее прочь — куда угодно, только бы вон отсюда. Он повернул дверную ручку. Дверь была открыта! Беззвучно, словно призрак, Пекка выскользнул наружу и осторожно прикрыл за собою дверь. Вскоре его и след простыл. Кругом был только лес; безмолвный и сонный, он ждал, когда из-за холмов на востоке проглянет первый утренний луч.

Глава восьмая

Лесовик проснулся и в тревоге огляделся, но тут же успокоился: вокруг всё было мирно и тихо; слышались только вздохи ветра в ветвях. Филин мирно дремал под корявым можжевельником, а Лисонька даже накрылась мхом вместо одеяла. Между двух больших каменных глыб спал Медведь. Огромный и могучий, как когда-то, в дни своей славы.

Лесовик смотрел на Медведя и чувствовал, как вокруг медленно разливается уныние. Вот они все здесь, в лесной чаще, — и что же? Их мог в любую минуту обнаружить какой-нибудь волк! Лесовик взглянул в глубь леса, и ему показалось, что там действительно что-то движется. Он кашлянул, и заспанная Лисонька сразу привстала.

— Что случилось? — быстро спросила она. — Где это мы?

Не успел Лесовик ответить, как слышался треск ломающихся веток и что-то светлое замелькало между деревьями. Лисонька вскрикнула от ужаса.

— Волк, — пролепетала она, — они нашли нас! — И завернулась в мох, да так ловко, что совсем исчезла. Филин, разбуженный её криком, был крайне изумлён: он никак не мог взять в толк, куда же подевалась Лисонька.

Правда, теперь пришла его очередь пугаться, потому что раздался крик «Кыш!» и какое-то существо помчалось напрямик на него. Филин закрыл глаза: в жизни и так хватает волнений.

Лесовик, наоборот, старался разглядеть, кто бежит: за свою многосотлетнюю жизнь он усвоил, что трудностей не стоит избегать, — это их только продлевает. И на сей раз сердце его дрогнуло не от страха, а от радости. Потому что перед ним возник не кто иной, как Пекка, с глазами и ртом, полными солнца.

— Ох-ох, — сказал Лесовик, держась за сердце, — напугал! И как же ты разыскал нас?

Медведь спросонья осторожно приподнял голову и до того обрадовался, что разулыбался до ушей. Даже Филин оживился — насколько это вообще возможно для филина. Лисонька же повела себя немножко странно: выбравшись из-под мохового одеяла, она даже глаз не подняла — принялась выщипывать из шубки еловые иголки и мох, как будто это было сейчас самым наиважнейшим делом.

Пекка смотрел на всех по очереди и усмехался: вот уж выбрали укрытие!

Разыскать их оказалось легко, как в игре: огромные лапы Медведя оставили на мокрой земле такие следы, которые мог бы прочитать даже малыш из городского детсада, не то что Пекка. А если уж для него это было так просто, то что говорить о волках: протрезвев после попойки, они запросто притапают сюда. И опять пойдёт тот же спектакль. Нет, нужно срочно что-то придумать!

И Пекка повернулся к Медведю, потому что в глазах у того зажёгся крохотный лучик надежды. Он надеялся на Пекку, маленького мальчика!

Но придётся сказать ему правду.

— Медведь, Медведь... мне всё-таки не удалось добыть твой ключ. Только я начал подкрадываться к Волку, он проснулся, и... вообще, просто чудо, что я здесь... — Пекка встряхнул головой, чтобы отогнать страшные воспоминания.

Медведь только тяжело вздохнул. И Пекка решил:

— Нам ничего не остаётся, как вернуться в Волчий Замок. И добыть ключ смелости! Другого пути нет. Мы обязательно найдём ключ, нужно только хорошенько подумать, как это сделать! Как нам незаметно пробраться туда? Как... — Тут Пекка задумался на миг. — Самое главное, как вытащить ключ из кармана Великого Волка?

Филин опять захлопнул глаза — всё равно не видно ни единого ответа на все эти вопросы! А Лисонька только застенчиво улыбалась, теребя оборку на юбочке: всякому понятно, что такие вопросы не для девочек! Медведь пыхтел, сопел и размышлял. Он, конечно, очень хотел помочь, но у него в голове застряла одна-единственная мысль: как опять стать храбрым. Всё остальное плавало в плотном тумане. Мычи, заикайся, рычи —

бесполезно: больше никаким мыслям сквозь этот туман не пробиться. Глядя на Медведя, Пекка понял, что и от него помощи ждать не приходится. Оставался один Лесовик: с ним к тому же был его вековой опыт.

«Всем известно, — думал Пекка, — что лесовики умеют разные вещи, которых люди не умеют... Так ведь в книгах написано». И хотя Пекка до сих пор не заметил у Лесовика никаких волшебных умений, можно было хотя бы узнать у него.

— Послушай, Лесовик... — спросил Пекка, стараясь подыскать подходящие слова, — не знаешь ли ты какого-нибудь старого волшебства... какого угодно? Ведь ты всё-таки лесовик!

Лесовик подозрительно покосился на Пекку. Потом надолго задумался и притих — даже, похоже, рассердился. Но Пекка, не смущаясь, смотрел на него и ждал ответа. И Лесовику пришлось отвечать.

— Ну да... когда-то... знал одно... лет пятьсот тому назад. Но от этого произошли сплошные неприятности. И я поклялся больше его не использовать, выбросить из памяти, — сказал он медленно. — А теперь всё

это опять вспомнилось... — И Лесовик повернулся ко всем спиной, явно огорчённый и расстроенный. Но Пекка не собирался оставлять его в покое. «Все пути нужно пройти, все средства попробовать», — частенько говорил папа, хотя его собственные пути приводили всегда в кресло, к чтению газеты.

— И какое же это было волшебство? — спросил Пекка простодушно. — Я бы очень хотел послушать. Совсем ведь не обязательно им пользоваться...

— Ох, Пекка, Пекка... — с упрёком сказал Лесовик, — ты хочешь быть хитрей лисы... Я вовсе не тебя имел в виду! — заметил он Лисоньке в ответ на её благодарную улыбку. — Ну... ладно уж, могу рассказать... раз такое положение. Я знал тогда способ, как превратить кого-нибудь очень плохого и злого в доброго и хорошего. Но из-за этого знания мне довелось пережить так много бед... Нет! И вспоминать не желаю!

— Что же плохого может быть в превращении злого в доброго? — поразился Пекка.

Лесовик замотал головой. Он всем своим видом выказывал нежелание продолжать раз-

говор, но Пекка был не из тех, кто останавливается на полпути.

— А ты не мог бы показать, как ты это делал? — невинно спросил он. — Только здесь. Мы никому не расскажем...

— Ну вот, так я и знал... — проворчал Лесовик. — Я же понимал... И почему я такой неисправимый болтун? Я всё придумал... соврал... не знаю я никакого волшебства!

Но Пекка видел по его глазам, что именно сейчас он говорит неправду. И принялся уговаривать, пока Лесовик не согласился.

— Ну ладно! Это не слишком-то трудно, — приговаривал он, незаметно увлекаясь всё больше: ведь профессиональная гордость сохраняется навсегда, хотя бы ты лепил снеговиков. — Я пользуюсь фонариком... Старое волшебство делалось масляным светильником: идея та же, только светильник приходилось зажигать с помощью кремневого огнива, а это было трудно на ветру, и фитиль мог отсыреть...

Тут мысли Лесовика забрели куда-то далеко. К счастью, он скоро вспомнил, о чём идёт разговор:

— Это тоже хорошая вещь... аккумулятор заряжается, солнечная батарея есть... Вот посмотри. — И Лесовик щёлкнул выключателем. — Я зажигал фонарь и направлял луч света прямо в лицо тому, кого нужно было превратить в хорошего. И потом произносил вот что...

погоди-ка, как же там было?.. ага, вот какие слова:

*Даже чёрное белеет,
лишь его коснётся свет:
там, где луч волшебный реет,
темнотищи больше нет! —*

Он победоносно улыбался. — Надо же, вспомнил! И потом я ещё вот так щёлкал пальцами и...

Тут Лесовик не на шутку струхнул, потому что Лисонька, на которую угодил луч фона-

рика, бросилась к нему и повисла у него на шее, как гирия.

— Ой, Лесовичок, миленький! — запричитала она. — Прости меня, пожалуйста. Я больше никогда не буду тебя дразнить... У тебя такое умное и доброе лицо! Я хочу всегда быть только хорошей...

— Во имя Духа Подземного всех Лесовиков! — вскричал Лесовик в отчаянии. — Это можно было предвидеть! Опять! Опять то же самое получилось! Какой я дурак, что согласился! Помогите!

Лисонька как будто и не слышала этих криков. Она смотрела на Лесовика с обожанием и бормотала:

— Ой, Лесовик, миленький! Какой же ты замечательный, умный, хороший... — Тут Лисонька, видимо, окончательно помешалась: придурковато улыбаясь, она начала декламировать только что сочиненные стихи:

*Ты мудрый, добрый и прекрасный,
о царь среди лесовиков!
В моей душе, тебе подвластной,
гори, гори, моя любовь!*

Лесовик в ужасе кинулся бежать куда глаза глядят, но Лисоньке это оказалось нипочём:

быстроногая и ловкая, она не отставала ни на шаг.

— Помогите! — стонал Лесовик, задыхаясь. — Спасите!

Внезапно он остановился, весь просияв, потому что вдруг вспомнил, как отменить волшебство. И едва Лисонька опять было собралась кинуться ему на шею, Лесовик стукнул её кулаком по лбу, что-то пробормотав при этом. И всё. Лисонька сразу стала почти такой, как раньше. Только выглядела слегка обалдевшей.

— Уфф! — произнесла она слабым голоском, потирая лоб. — Что со мной случилось? Молния, что ли, ударила?

Пекка смотрел на Лесовика округлившимися глазами, затаив дыхание. Вот так фокус! В такое ни за что не поверишь, пока сам не увидишь. Выходит, Лесовик настоящий волшебник, как полагается!

— Вот это здорово! — воскликнул Пекка. — Такое волшебство нам очень даже кстати! Нет, нет, не спорь! — затараторил он, потому что Лесовик с испуганным видом уже собирался что-то возразить. — Я еще не придумал, как проникнуть в Волчий Замок, и... у тебя есть волшебный фонарик. Одновре-

менно сделать всех волков добрыми не удастся... мы опять можем попасть в плен... но... решение уже где-то совсем близко. Я это чувствую, мы придумаем! Нужно только пробраться в замок!

Филин даже очнулся от дремоты. Волчий Замок! Это были такие волшебные слова, что он тотчас встрепнулся, поднялся на цыпочки, осторожно сделал шаг-другой и затем исполнил изящный пируэт, чтобы показать, какие движения бывают в придворном танце. Он хотел ещё и взмахнуть крыльями, но они были накрепко скованы, и Филин остановился. Он застыл, понурившись, и только перья беспокойно топорщились.

«Ключ, ключ... — бормотал Пекка. — Ключ от медвежьей храбрости, ключ к решению задачи... Кто их найдет?»

— Подкрадёмся к Волку, пока он спит, и вздуем его как следует, — предложила Лисонька, покраснев до самых ресниц.

Впрочем, она могла смущаться сколько душе угодно — все остальные думали только о ключе.

— Ну да, — сказал Филин, шевеля перьями, — совершенно верно, ключ! Кто освободит

мои крылья? Я больше не могу! Всё моё искусство под угрозой из-за того, что я не могу летать, тренировать крылья!

Пека уставился на Филина, будто увидел его впервые в жизни. Потом подбежал к нему, подхватил и принялся кружить, выкрикивая, как какой-нибудь разудалый торговец лошадьми:

— Хо-хо! Ого-го! Я придумал, я придумал! Ой, ведь я, Бесстрашный Пекка, придумал это!

И Филину ничего не оставалось, как покорно кружиться с Пеккой.

Глава девятая

Голова у бедного Филина уже шла кругом, но неожиданно его освободил сигнал горна, раздавшийся из глубины леса. Пекка остановился как вкопанный. Горн протрубил снова, и прежде, чем они успели опомниться, на поляну из-за деревьев выскочил необычного вида волк. Пекка похолодел. Он лихорадочно думал: «Волк, наверное, не один... За ним следом придут остальные... и тогда волшебный фонарик вряд ли поможет. Как теперь быть?»

Но волк был так увлечён своим делом, что даже не взглянул в их сторону. На голове у него красовалась драная войлочная шляпа с разноцветными петушиными перьями сбоку. Размахивая блестящей трубой, он на ходу протрубил ещё разок. В его голове под шляпой билась одна-единственная мысль: «Ты глашатай Великого Волка! Ты несёшь известия обо

всех его решениях и объявляешь их всем жителям Зелёновой Рощи!»

Вот он стоит на поляне, а перед ним, ясное дело, жители! И волк закричал что было силы:

— Внимание-внимание! Сейчас последует важное объявление! Всем жителям Зелёновой Рощи вместе и каждому в отдельности!

Тут Пекка догадался, что этот волк совсем не опасен, а даже наоборот. Пекка радостно кивнул и сказал:

— Здóрово! Давай валяй. Мы все одно большое ухо!

Волк извлёк из кармана бумагу, откашлялся и задолдонил, как политик с трибуны:

— «Мы, Вевикий Вовк, гваф и бавон всего вовчево вода, выцарь Зевёновой Вощи... вововим во свевенья насевения...» — Тут волк сделал длинную паузу и зашуршал бумагой, потому что текст выглядел как-то странно. — Тут что-то такое... новомодное... компьютерный шрифт... — пробормотал он; потом громко продолжал: — «Вововим во свевенья, фто севонья вефером в Вовчьем Замке состоится правник-карнавав в фесть нового закона и в фесть того, фто феловефеский ветёныш

пойман героифескими усилиями всей вовчьей стаи...» Я, между прочим, тоже участвовал! — похвастался волк, гордо поглядев на слушателей. — Итак: «Правник нафнётся в вевят-навсать ноль-ноль! Вобро вожаловать!»

Глашатай перевёл дух и посмотрел на них — горделиво и несколько выжидающе, поэтому Пекка вежливо поклонился и звонким голосом произнёс:

— Спасибо вам, уважаемый волк, за интересную информацию! Мы с удовольствием принимаем приглашение.

Волк даже поразился:

— Это нам без разницы, как вы принимаете... Всё равно все должны явиться! Я побежал дальше... спешу... надо всем успеть... — И волк направился было своей дорогой, но вдруг остановился и удивлённо воззрился на Пекку: что этот волкохран делает один в лесу? Волк не помнил, чтобы они когда-нибудь встречались. Он с опаской приблизился к Пекке и зашептал: — Ты что тут болтаешься? Волкам ведь запрещено иметь дело с жителями Зелёновой Рощи!

Пекка вздрогнул. Он начисто забыл и про волчью шкуру на плечах, и даже про то, что

он, вообще-то, человек... Но слова как-то сами собой начали выскакивать у него изо рта — раньше, чем он успевал их подумать:

— Ш-ш-ш! Это военная тайна... Секретное задание... Я исследую настроения населения... ищу противников Великого Волка — такой получен приказ! И запомни: об этом молчок! Даже в замке — никому ни слова!

Волк посмотрел на Пекку с уважением.

— Понятно... — шепнул он, подмигивая. — Удачной охоты... Волчьей хваткой их! — И исчез между деревьями, будто его и не бывало.

— Уффф! — сказал Пекка, глядя вслед волку. Далекое дуденье горна доказывало, что это был не сон. — Уф, и струхнул же я!

— Разве ты тоже боишься? — изумился Медведь. — Я бы никогда не поверил.

Он как будто увидел Пекку совершенно другими глазами. Приятно, когда ты не один такой. Уловив сочувственный взгляд Медведя, Пекка смутился:

— Да ну, ерунда! Выкинь это из головы. Лучше послушайте, что я придумал!

Все окружили Пекку. Он заговорил совсем тихо, ведь у Великого Волка был чрезвычайно тонкий слух. К тому же в ветвях деревьев

могла прятаться какая-нибудь пичуга, перешедшая на сторону Волка и готовая тут же насвистеть ему обо всём.

— У меня вот какой план, — зашептал Пекка. — Мы пойдём на карнавал, все вместе. Вас не узнают... Но мне нужно проникнуть в Волчий Замок раньше вас. Через главные ворота входить нельзя — я слишком отличаюсь от других волков, при дневном свете они легко меня узнают... Волк, наверное, перед праздником будет спать — в конце зала или в своей комнате... Если бы мне как-нибудь удалось взобраться на крепостную стену, я смог бы незаметно доползти туда, где спит Волк...

— погоди! — перебил Медведь. — А как же ты заберёшься на стену? Даже у меня это не получится, хотя я в два раза выше тебя.

— По верёвке, — нашёлся Пекка. — На такую высоту я уж как-нибудь взберусь!

Лисонька захихикала: она представила Пекку в волчьей шкуре, болтающегося где-то в воздухе. Но взгляд Лесовика был серьёзен.

— Неплохая мысль... в принципе. Но где ты возьмёшь верёвку? В Волчьем Замке?

— В магазине купим! — предложила Лисонька: она знала, что в магазине есть всё,

были бы деньги... — Ой! — вспомнила она. — Денег-то и нет... этих новых, которые Волк напечатал... а магазины... — И она умолкла, сложив хорошенькие губки бантиком.

Медведь попытался что-то сказать, но Филин его опередил. Он давно уже нетерпеливо топтался на месте и теперь взволнованно объявил:

— Я знаю, где найти верёвку! У Лосихи! У неё много детей и всегда стирьа... мы можем взять займы, а потом вернуть.

— Но они ужасно далеко живут! — встала Лисонька.

— Да всего-то минут десять лёту, — презрительно бросил Филин. — Уж эти мне невежественные девицы!

— Ну так слетай! Слетай, сова несчастная! — Лисонька показала ему язык.

Филин сразу вспомнил про замók и цепь и помрачнел.

— Забудем про это, всё отменяется! — сказал он, решив, что следует подумать о чём-нибудь более приятном.

Но это ему не удалось, потому что неожиданно замók на его крыльях очень заинтересовал Пекку. С виду огромный, конечно, но сделан довольно просто. И Пекка покосился

на Медведя. Если бы к нему хоть на минутку возвратилась прежняя сила! Тогда для него сломать такой замок — пустяк.

— Кто может открыть замок? — спросил Пекка на всякий случай; откуда же ему знать, — может, Лесовик и в этом деле дока, только не показывает виду. Но тот покачал головой:

— В нашем лесу до прихода волков никаких замков не требовалось. А теперь и замки не помогают: волки всё равно врываются... да и наказание за это — вдвойне... нет-нет, и думать забудь. Надо предпринять что-то другое.

— А я ведь когда-то, в молодости, был кузнецом, — неожиданно буркнул Медведь. И медленно, с остановками, заговорил, роняя каждое слово, как дерево осенью в тихую погоду роняет листья: — Родился я в Лапландии, за Советтиярви. Озёра там красивые, сопки... Наш дом стоял у самого озера, на песчаном берегу залива, морошковое болото рядом... и красная рыба... Да... — Медведь на мгновение задумался. — Меня отец учил кузнечному делу. И я должен был стать мастером по разному рабочему инвентарю... Да вышло иначе: заказчиков не было — одни

медведицы, которые хотели лишь украшений. Украшения да украшения... Вот я и бросил. Но в замкѣх я раньше кое-что понимал.

— А ты осматривал замѣк Филина? — спросил Пекка как ни в чѣм не бывало. — Мне кажется, он не слишком сложный.

Медведь поднялся и подошёл к Филину. Пару минут он задумчиво вертел замóк, почёсывая в затылке.

— Ну что, очень прочный? — спросил Пекка.

— Этот-то? — презрительно фыркнул Медведь. — Сразу видно, заграничный ширпотреб... вроде детской игрушки. Выглядит крепко, а на самом деле — совсем хлипкий. Смотри! — продолжал Медведь учительским тоном. — Если вот здесь согнуть, а потом потянуть и щёлкнуть, то он и откроется...

Медведь был прав — послышался лёгкий щелчок, замок открылся; одновременно упала цепь, которая связывала крылья Филина. Тот взмахнул крыльями и поднялся в воздух прежде, чем успел подумать об этом. Он снова мог летать!

— Господи! — огорчился Медведь. — И как же я его сломал? Я не хотел... Простите, пожалуйста...

Пекка рассмеялся:

— Ну что ты, Медведь, ты же сделал доброе дело! Подумаешь — испортили Волку один замóк. Зато Филин теперь опять может летать!

Всё вдруг как-то прояснилось. Пора было действовать, как условились: они отправятся к Волчьему Замку. Филин, захватив верёвку, должен был лететь впереди и сообщать им, свободен ли путь. Всё удастся, всё образуется! Правда, есть ещё пара важных моментов... И Пекка, встрепенувшись, помахал остальным, подзывая поближе. Нужно было разъяснить им всё, что он задумал.

Глава десятая

Друзья порядочно поплутали по лесу, прежде чем наконец подошли к крепостной стене. Филин, как и договаривались, принёс верёвку. Правда, вначале, обретя свободу, он было собрался полетать в своё удовольствие. Но вскоре понял, что на нём лежит забота о снаряжении всего отряда.

Поскольку речь шла о карнавале, Лисонька не могла устоять перед искушением: она решила нарядиться настоящей принцессой. И Филину пришлось — ничего не поделаешь! — слетать к ней домой за реквизитом. Не успел он притащить Лисоньке тюлевое платье с воланами и бантиками, как возникла новая головоломка — во что обрядить Медведя. После долгого шушуканья Медведь согласился надеть Лисонькину горжетку и меховую шляпку, потому что ничего другого не оставалось. И пришлось Филину лететь обратно: на этот

раз — копаться в шляпных коробках. А когда он вернулся, его сразу же отправили в Медвежью Глушь за летней шубой Медведя... Для Лисоньки, разумеется: ведь костюм принцессы был слишком лёгким по нынешней погоде.

И затем Филину нужно было самому переодеться. Натянув наконец парадный фрак, он едва не падал с ног от усталости и был похож скорее на мокрую ворону, чем на неукротимого покорителя неба. Только у Пекки, к счастью, не было забот с карнавальным костюмом: волчья шкура вполне годилась... пока от неё была польза, а если... то не всё ли равно, в какой одежде сидеть в тюрьме у Волка...

У Лесовика хлопот с переодеванием не было. Он решил предстать в своём обычном обличье. И для верности даже повесил на грудь табличку, на которой печатными буквами было нацарапано: ЛЕСОВИК. Так что, по крайней мере, у грамотных не возникнет никаких сомнений.

Наконец они двинулись через дремучий лес: это опять оказалось тяжёлым испытанием, особенно для Лисоньки. Новенькие кожаные сапожки покрылись грязью, ветки и кусты пачкали и рвали её тюлевую юбку, но

Лисонька твёрдо решила на этот раз не жаловаться: ведь она принцесса — и этим всё было сказано.

Через некоторое время Пекка уже испытующе разглядывал крепостную стену, вздымавшуюся перед ними: хотя она сложена из шероховатых каменных глыб, без верёвки наверх не взобраться — слишком высоко. Филин неуклюже взлетел на стену — посмотреть, что происходит во дворе замка. Там всё было на удивление спокойно. До начала праздника оставалось ещё порядочно времени, и волкохраны развлекались, кто как мог: валяясь на брюхе, на боку или слоняясь по двору. Филин басовито ухнул разочек и спустился вниз. Пришло время действовать.

После недолгого совещания с Пеккой Филин кивнул и схватил моток верёвки. Поднявшись в воздух и мощно взмахивая крыльями, он потянул за собой конец верёвки. В один миг он привязал его к острому выступу в стене. Потом снова ухнул и описал в воздухе небольшой круг, подавая знак, что всё готово.

Пекка огляделся по сторонам. Ему вдруг стало необъяснимо грустно. Ещё одна попытка — а чем она кончится, неизвестно.

Страх зашекотал горло, но Пекка быстро и решительно сглотнул и прошептал:

— Не забудьте, о чём мы договаривались. Сейчас я начну взбираться на стену, а когда окажусь наверху, ступайте обратно в лес, прячьтесь и ждите начала карнавала. Потом смело проходите в ворота. Волкохраны ни за что вас не узнают! Сюда ведь пожалуют все жители Зелёновой Рощи!

Пекка ухватился за верёвку и изо всех сил начал подтягиваться. Вдруг послышалось шуршание, и верёвка змейёй свернулась на земле у его ног. Пекка сначала даже испугался. Он поднял глаза на Филина, собираясь сказать ему пару тёплых слов, но не успел: Филин и сам пришёл в такое смятение, что стремглав кинулся со стены следом за верёвкой и тут же поднял её обратно. На этот раз Филин повозился основательно. Когда он снова подлетел к Пекке, то заверил, что уж теперь всё закреплено надёжно. И Пекка опять полез на стену.

Но почему-то это не получалось так ловко, как бывало раньше. Пекке приходилось напрягать все силы, чтобы подтянуться хоть чуть-чуть. Он никак не мог понять, в чём

дело, пока не сообразил — ему мешает тяжеленная волчья шкура! К счастью, в стене попадались выступы, куда удавалось поставить ногу. Однако на полпути Пекке всё-таки пришлось остановиться перевести дух. Он посмотрел вниз. И то, что там происходило, заставило его ещё крепче ухватиться за верёвку. Голова у него закружилась, в глазах потемнело: из-за угла крепостной стены к тем, кто остался внизу, приближался волкохран, лениво помахивая копьём, как удочкой. Пекка хотел закричать, но, к счастью, крик застрял у него в горле. Потому что волкохран уже всё равно завернул за угол и увидел их. Пекке ничего не оставалось, как замереть, надеясь на чудо. А что, если охранник случайно посмотрит наверх? Нет, нужно всё-таки пытаться как можно незаметнее забраться на верхнюю площадку.

Пекке повезло: волкохрана так заинтересовала стоявшая перед ним компания, что ему было недосуг глядеть в небесные выси. Что за странные существа, да ещё у самых стен замка! Волкохран почувствовал себя довольно неудобно и на всякий случай посильнее сжал копьё: он был один-одинёшенек,

а этих так много... и один из них весьма солидных размеров. Волкохран разинул пасть и гаркнул так, что сам испугался:

— Что-что? Это почему тут сборище? Вы что, не знаете, что всяческие собрания запрещены? Так повелевает Lex Lupus, пятая статья, четвёртый параграф!

Медведь закрыл глаза: он чуть не рухнул от одного волчьего рыка. Но Лисонька, которая была ужасно сердита, потому что медвежья шуба оказалась жаркой и неудобной, откуда-то набралась храбрости. И зачастила, как десяток церковных колоколов:

— Ой, миленький волчок, серенький бочок, это же просто мы... Мы совсем не собирались... стоим себе, отдыхаем... — Лисонька захлопала длинными ресницами и очаровательно улыбнулась. — Ведь нам, вообще-то, приказали собраться... Ах-ах, мне даже боязно... карнавал... я раньше никогда не бывала...

Волкохран уставился на Лисоньку в немом изумлении: пожалуй, эта маленькая барышня болтает не совсем пустое. Действительно, что-то про карнавал говорили... но когда же он начинается? И волкохран выудил из кар-

мана книжку приказов. «Вевятнавсать ноль-ноль. Вобро вожаловать!» Что бы это могло значить?

Он нервно затеребил уши. Таким числам его в школе не учили... нули, правда, были знакомы — по оценкам за контрольные работы... но начало напоминало что-то... из географии, что ли... И всё-таки... праздник начнётся не скоро — в этом волкохран был более или менее уверен, — потому что иначе все волки давно стояли бы в почётном карауле. И он, злобно покосившись на Лисоньку, отрезал:

— Ничего подобного! Никакого карнавала ещё и в помине нет. И проваливайте отсюда, нечего тут болтаться! Приходите, когда велено! — И волкохран повернулся, чтобы уйти, — довольный, что не произошло ничего серьёзного. Но, ступив пару шагов, остановился: был приказ не отпускать ни одного лазутчика! Наоборот: он должен всех схватить, арестовать, отвести на допрос и так далее... «Ой, нет!» — взмолился он про себя и завертел в лапах копьё, как зубную щётку.

А Лесовик, оправившись от первого испуга при виде волкохрана, незаметно достал из

кармана фонарик. Щёлкнул выключателем, навёл луч на морду волкохрана и начал монотонно, будто во сне:

*Даже чёрное белеет,
лишь его коснётся свет...*

Волкохран до того всполошился, что прыгнул к Лесовику. Луч ускользнул в лесную чашу.

— Что тут происходит? — взвыл волк не своим голосом, указывая копьём на фонарик: а вдруг это какое-то новое секретное оружие? — А ты что там бормочешь? — рыкнул он на Лесовика.

Но тут на Лисоньку вновь снизошло вдохновение. Нежно улыбаясь, она принялась выводить лапками большие круги перед носом волкохрана, он заворожённым взглядом следовал за её движениями.

— Ой, волкохранчик, голубчик! Ты что, в самом деле не знаешь, кто это? Какая честь... рядом с ним... Какой скандал в культуре... Это ведь известнейшая личность, великий поэт — маэстро Лесовик! Он приглашён сегодня вечером читать свои произведения на празднике в Волчьем Замке... Маэстро здесь репетирует,

чтобы немножко почувствовать контакт с публикой... Лесовик — гений нашей народной поэзии... Это было стихотворение из его последнего сборника «Грёзы Лесовика»!

Волк, конечно, ничегошеньки не понял и только таращился на Лисоньку как загипнотизированный. А Лесовик тем временем справился с кнопкой фонарика, вновь навёл луч на волка и дрожащим голосом, как будто впервые стоял на сцене перед сотней слушателей, продекламировал:

*Даже чёрное белеет,
лишь его коснётся свет:
там, где луч волшебный реет,
темнотищи больше нет!*

Лесовик, щёлкнув пальцами, замер, предчувствуя недоброе. Чутьё его не обмануло: морда волкохрана засветилась ярче фонарика, и он, весь просияв, кинулся к Лесовику.

— О! Настоящий мастер поэзии... и живой... какая честь для меня! — восклицал волк. Подобоострастно улыбаясь, он изо всех сил затряс руку Лесовика. — Как изумительно глубоко вы чувствуете и читаете стихи! Должен признаться, — он в смущении потупился, — что раньше я не очень любил стихи... но

теперь... Оказывается, поэзия — замечательная вещь! Ах, как приятно беседовать с Маэстро! Я мечтал бы познакомиться поближе... У меня удивительное чувство, что нам с вами суждено было встретиться...

Лесовик отпихивал волка и в панике оглядывался по сторонам, не спешит ли кто на помощь, но, поймав робкий взгляд Медведя, смирился.

Да... Медведь — он Медведь и есть... И все остальные тоже — что они могут поделать с зачарованным волком?

«Почему именно со мной такое случается? — подумал Лесовик и даже всхлипнул. — Ведь я никогда не делал никому ничего плохого. Вот она — благодарность этого мира...»

Сверху послышался негромкий возглас, и, посмотрев туда, Лесовик увидел, что Пекка взобрался наконец на стену. Филин бесшумно поднялся в воздух и, с минутку покрутившись, уселся рядом с Пеккой. Но волкохран не замечал, что происходит вокруг: усевшись у ног Лесовика, он вглядывался в благородные черты Маэстро, как бы желая запечатлеть их навечно в своей памяти, чтобы помнить даже во сне.

«Какой гений!» — восторженно думал он и блаженно вздыхал.

Лесовик закрыл глаза, мечтая перенестись куда-нибудь в Тимбукту или ещё подальше. Не тут-то было: когда глаза снова открылись, первое, что он увидел, был полный обожания взгляд волкохрана. Лесовику оставалось только стоять и браниться про себя. Но от этого тоже было немного проку. И тогда он сказал волкохрану усталым голосом:

— Наступает время дневного сна... Я бы с удовольствием отдохнул где-нибудь в замке до выступления. Ты не мог бы это как-нибудь устроить?

Волкохран осклабился и резво вскочил на ноги:

— О Маэстро! Любое ваше слово для меня закон! Пойдем... один момент!

Тут он вспомнил про остальных и злобно оглянулся на них:

— Простите, что я спрашиваю, Маэстро, но... а этих нам обязательно брать с собой?..

Лесовик решительно перебил его:

— Я никогда без них не делаю и шагу! — и укоризненно взглянул на волкохрана. — Они мои ближайшие помощники... без них из

моего выступления ничего не выйдет... — Лесовик кашлянул. — Ну что? Мы можем наконец отправиться в замок? Здесь становится прохладно. Я могу охрипнуть...

Волкохрану пришлось подчиниться.

— Сию минуточку, о Маэстро! — воскликнул он, низко кланяясь. — Прошу, пройдите сюда. Я отведу вас в лучшую комнату отдыха в замке! И позабочусь, чтобы вам оказали достойный приём!

Глава одиннадцатая

По всему было заметно, что приближается время праздника: во дворе становилось всё оживлённее. Волкохраны и волкослуги таскали столы, скамейки и даже миски с едой — хотя их, разумеется, не собирались ставить близко к лесным жителям. Волки сустились вовсю, так что Пекка с Филином могли спокойно ползти по гребню стены, никем не замеченные. Но это не слишком радовало Пекку: он понимал, что, даже если Великий Волк и спит глубоким сном на своём топчане, всё же нет никакой надежды подобраться к нему незамеченным, — волкохраны были в честь праздника трезвые и держались насто-роже.

А что, если под защитой волчьей шкуры смело спуститься вниз и притвориться, что у него есть какое-то дело? Но, бросив взгляд за кресло Волка, Пекка заметил, что топчан

пуст. Даже коричневый плед исчез. Наверное, у волков тоже бывают дни генеральной уборки...

Пекка ужасно расстроился. Что бы он ни планировал, всё, оказывается, зависит от того, где Великий Волк в это время находится и что делает.

«Ну и глупый же я — воображал, будто Волк ведёт себя каждый день совершенно одинаково, — укорял себя Пекка. — Кто знает, где он сейчас, может, у портного или у парикмахера... приводит в порядок усы или примеряет новый костюм?» Пекке расхотелось ползти дальше; он лежал на стене, недовольный собой, и думал: «Ну вот, допрыгались. Куда же теперь?»

Большая бесшумная птица мягко опустилась рядом; Пекка почувствовал, что Филин взял его за ворот, и услышал, как тот шепчет:

— Почему ты остановился? Нас ведь могут увидеть... Поторопись!

— А куда, куда ползти, когда стена кончается? — зашипел Пекка в ответ. — Мы даже не знаем, где Волк. На топчане-то никого нет!

Филин рассмеялся:

— Что ты, в этом замке волк всегда найдётся, тем более Великий Волк. Бывал я тут и раньше! Видишь ли, меня часто приглашали...

— Ну и где же тогда Волк? — перебил Пекка, заметив, что Филин опять собрался похвастаться своими танцевальными успехами. Филин обиделся было, но тут же понял, что сам выбрал не слишком-то подходящее время и место для воспоминаний.

— Волк в своей комнате, разумеется. Днём он всегда там спит.

И Филин двинулся вперёд. Пекка полз следом; его знобило: холодный ветер пронёсся над лесом и принёс запах дождя.

«Попасть бы уже в какое-нибудь укрытие», — мечтал Пекка. Это пожелание осуществилось даже раньше, чем он мог ожидать. Филин вдруг остановился; когда Пекка подполз вплотную, тот показал на большое окно, встроенное в стену под наклоном. Заглянув туда, Пекка увидел комнату, в которой не было никакой мебели, кроме широченного дивана. А на диване, завернувшись в свой коричневый плед, лежал Великий Волк и храпел

так, что даже оконная рама дрожала. Удивительное дело — во сне он не казался таким уж страшным. И спал, по-видимому, крепко. Вот сейчас было самое время вытаскивать ключ у него из кармана!

Но как попасть в комнату? Окно разбить нельзя, Волк моментально проснётся. Филин подёргал своими крепкими лапами оконную раму, но она не поддавалась. Пекка разглядел, что окно заперто изнутри на задвижку. Понятно? Они сидят на этой верхотуре, как какие-нибудь бельчата, — и никакой надежды попасть внутрь!

Пекка даже кулаком по голове себя стукнул.

«Ну помогай же, несчастная головешка, — молил он, — придумай что-нибудь толковое!»

А вот Филин долго не раздумывал. Он мгновенно извлёк из кармана своего фрака пилочку для ногтей: у настоящего джентльмена такая вещь непременно должна быть с собой! Под изумлённым взглядом Пекки он засунул её в щель рамы и немножко подвигал. Вскоре что-то тихо звякнуло. Задвижка открылась! Когда Пекка взялся за раму, она

поддалась неожиданно легко. Путь был свободен.

Но, посмотрев вниз, на пол, Пекка понял, что путь этот в несколько метров... Верёвка осталась привязанной к выступу стены, а если он прыгнет, удар будет таким громким, что обязательно разбудит Волка. Пекка поднял глаза на Филина, но не успел еще ничего спросить, как тот зашептал:

— Не унывай! Мы очень легко спланируем вниз. Я ухвачусь за тебя когтями, а ты прыгнешь. Вот увидишь, ничего не случится — у меня сильные крылья! Всё будет в порядке, я обещаю!

Пекка взглянул на Филина немножко недоверчиво: не такая уж это большая птица, ему и верёвку-то было трудно нести. Но разве есть другой выход? Он с минутку подумал. Ответ получался короткий и суровый: нет! Делать нечего, придётся попробовать...

Всё вышло, как и обещал Филин. К удивлению Пекки, они опустились на пол легко и беззвучно, как во сне. Вот они где... В сердце Волчьего Замка, в самой секретной и важной комнате. Совсем рядом с Великим Волком!

Сердце Пекки невольно сжалось: Волк хрюкнул, перевернулся в постели и захрапел — так же, как тогда, ночью... «Ой, мамочки, это ведь означает, что Волк скоро может проснуться... А у него такой слух... Одно неосторожное движение или шорох — и...» Да, они очутились в западне, буквально у волка в пасти.

Пекка спросил у Филина почти беззвучно, одними глазами и губами:

— Что мы теперь будем делать? А вдруг Волк проснётся?

Филин сразу понял, потому что и он в эту минуту спрашивал себя о том же. Иногда одного взгляда бывает достаточно, чтобы поведать историю длиной в километр.

Он поскрёб когтем голову и погрузился в раздумье. Волк во сне сбил простыни в ком; Филин принялся осторожно тянуть их к себе. Пекка смотрел на него, ничего не понимая, но, когда Филин завернулся в одну из простыней, догадался: если Волк проснётся, он так испугается, что они успеют убежать куда-нибудь. Пекка взглянул на дверь по ту сторону кровати — тяжёлую и неприветливую. Она наверняка была заперта, и за нею

скорее всего сторожил волкохран, а то и целых два. Окно в потолке было открыто, но туда мог добраться только Филин, Пекку ему не поднять... И пришлось Пекке тоже завернуться в простыню, хоть это и выглядело по-дурацки.

— А что теперь? — взглядом спросил Пекка.

Но Филин уже успел погрузиться в мечты, где он командовал целой армией.

— Атакуем его! — шепнул он небрежно. — Совершим геройский прыжок и привяжем Волка к кровати простынями. И потом отнимем ключ! Нас ведь много! А Волк один-одинёшенек!

Пекка, взглянув на Филина, сообразил: тот, должно быть, витает где-то в другом измерении, — видно, во время полёта наглотался лишнего кислорода. Нет, нет! Пекка устремил на него самый грозный взгляд, на какой только был способен, и тихо прошипел:

— Успокойся, дурень... Волк, когда разозлится, почти такой же сильный, как медведь... мы с ним не справимся... Нужно найти ключ... Я уверен, что он всё ещё у Волка в кармане.

Волк опять повернулся; его огромная лапа высунулась из-под коричневого пледа. Острые когти выглядели совсем не смешно... А им предстоит рыться в кармане у этого типа...

Но Филин, видимо, считал это не таким уж невозможным делом. Он подтолкнул Пекку вперёд и шепнул:

— Ты только приподними одеяло и вытащи из кармана ключ. И дело сделано!

— А если Волк именно в этот момент проснётся? — спросил Пекка и попятился. Опять он сглупил. Теперь он очутился в ловушке, откуда не было выхода. Даже если он получит ключ — что дальше? Крыльев у него нет, шапки-невидимки тоже. Здесь только Волк на своём диване да ещё Филин, от которого, похоже, никакого толку не будет.

И чем больше Пекка об этом думал, тем грустнее ему становилось. Стоят, как какие-то дураки, завернувшись в простыни, — тоже мне карнавальные гости! В любой момент Волк может проснуться, когда угодно может открыться дверь и войдёт волкохран. Пекка поднял глаза на Филина, и тут его осенило: Филин должен схватить ключ и улететь! Ведь

это-то он может! А Медведь, получив ключ, освободит Пекку. Именно так и нужно сделать! Пекка наклонился к самому уху Филина:

— Подойди и вытащи ключ у Волка из кармана... А потом вылети через окно и отнеси ключ Медведю... Меня вы уж как-нибудь выручите.

Но Филин, к удивлению Пекки, помотал головой и тихо, но внятно произнёс:

— Фью-фью.

У него не было ни малейшего желания приближаться к Волку. И вообще, он Волка даже уважает, по крайней мере насколько полагается порядочному подданному... Как-нибудь в другой раз, в другой день, но сегодня ни за что! — говорил весь облик Филина. И гороскоп предписывает сегодня воздерживаться от всяких опасных...

— Ты должен! — шептал Пекка, выходя из себя. — Пойми же!

— Я никогда ничего не беру без разрешения, тем более ключей из чужого кармана, — оскорбился Филин. — Я маме обещал ещё в детстве!

В это время храп прервался: Волк беспокойно завертелся на диване. Пекка понял,

что тот просыпается, — наверное, плохой сон приснился...

И не успели Пекка с Филином подивиться — каким образом им одновременно пришла в голову одна и та же мысль, — как оба нырнули под диван. Больше, собственно, в этой комнате негде было спрятаться. Под диваном было так себе: мусор, объедки, засохшие куриные кости и старые газеты; поднялось такое пыльное облако, что в первый момент они даже друг друга не могли разглядеть.

Волк сел в постели и прислушался. Пекка старался лежать тихо и неподвижно, но это было трудно: пыль набивалась в нос и горло. И он закашлялся — да так, что даже слёзы по щекам потекли. Волк подскочил на диване; пружины придавили Пекку к полу. Вот теперь-то он действительно был в ловушке.

— Чего-чего? — тихо спросил Волк и чихнул: пыль туманом оседала над ним. — Уахррр, — заворчал он и повернулся так резко, что едва не расплющил Пекку. — Погоди-ка... что же мне такое снилось? — Он снова чихнул. — Это не мог быть сон... Здесь был кто-то...

Волк взглянул на дверь — закрыта. Он опять чихнул и сел на край дивана. Но поскольку в комнате царила тишина, он понемногу успокоился.

— Наверное, это всё-таки был страшный сон... Хотя... — И он подозрительно принюхался. — Тут всё же какой-то странный запах.

Волк опять потянул носом воздух. Обоняние у него было не то, что прежде, но всё-таки он мог поклясться, что чует запах свежей крови... Странно... Волк вспомнил: во сне он как раз успел запустить зубы в добычу... Надо же, какой всамделишный сон — даже запах остался!

— Уррр! — Волк недовольно потянулся: голова была как чугунок с картошкой. Он потрогал деревянные кружки, строем стоявшие у дивана, но все они, к его великому разочарованию, были пусты.

«Вот тебе на! В глотке пересохло, а какой-то болван уже успел всю брагу вылакаты!» И Волк в сердцах треснул кружкой по стене.

— Посплю-ка ещё чуток, — вслух сказал он, чтобы отогнать шевельнувшийся внутри страх. — Нету здесь никого... Волкохраны

меня разбудят, когда праздник начнётся... Тогда выпью ковшик браги — и стану опять как новенький!

От звука собственного голоса Волк совсем успокоился: он юркнул обратно в постель, завернулся в плед и закрыл глаза. Понемногу его дыхание становилось тише и ровнее. И очень вовремя: Пекка больше не мог сдержать кашель — пыль попала ему в горло. И как он ни зажимал рот рукой, звук кашля всё же разбудил Волка. Он подскочил на диване, и Пекка с Филином вновь оказались расплюснутыми между пружинами дивана и полом.

— Стой! — рывкнул Волк, озираясь в поисках невидимого врага. — Тут точно кто-то есть... Я уверен... Слух меня никогда не подводил!

Он спрыгнул с постели и закружил по комнате. Волчьи лапы двигались перед глазами Пекки туда-сюда, и это было так страшно, что Пекка натянул на голову простыню: не всегда следует смотреть в глаза опасности.

Волк зарычал, — видимо, что-то пришло ему в голову. Он понюхал воздух и испытующе посмотрел на диван.

— Единственное место, где можно спрятаться, — это под диваном, — сказал он громко, с угрозой. — Загляну-ка я туда!

Он некоторое время собирался с духом и заодно ждал, не вылезет ли неизвестный поддиванный враг сам... Напрасная надежда. Ему ничего не оставалось, как наклониться...

— Вот сейчас я погляжу! — страшно рывкнул он ещё раз, подбадривая себя. — Берегись!

Пекка лежал, прижавшись к полу, будто свинцовая чурка, и чувствовал, как на лбу медленно выступает холодный пот. Он готов был кинуться бежать куда попало, но бежать было невозможно и некуда. Приходилось лежать под простынёй и волчьей шкурой, лежать и ждать...

Волк нагнулся, но как-то неуклюже, потому что от постоянного переедания стал слишком дородным, и очень осторожно заглянул под диван, пытаясь рассмотреть, что там творится. Он никогда бы не подумал, что там столько мусора!

«Подлецы волкослуги работают спустя рукава, — подумал он, — надо устроить им такую взбучку, чтоб надолго запомнили!» Посредине валялись две простыни, которых Волку

как раз не хватало: и каким чудом они оказались под диваном? «Неудивительно, что во время сна было зябко; теперь этими простынями и не укуроешься». Его знобило. Надо было срочно выпить чего-нибудь горяченького.

И Волк взвыл так ужасающе, что сердце у Пекки застучало, как молотилка. Он был уверен, что Волк увидел их и зовёт стражу. Понесёлся скрип отворяемой двери и топанье волкохрана. Вот сейчас их вытащат из-под дивана, увяжут, как тюки, и отволокут в тюрьму! И никто им не поможет — ни Медведь, ни Лисонька, ни Лесовик, ни даже его волшебный фонарик! Лесовик не сможет ничего сделать, ему придётся вместе с остальной карнавальной публикой глазеть на пленников — на то, как жалко и постыдно закончилась их отважная попытка.

Но Волк даже и не подозревал о Пеккиных мыслях. Его просто мучила жестокая жажда.

— А ну притащи горячей браги, да поживей! — рявкнул он волкохрану. — И на закуску пару солёных мышей с турецким перцем. А то совсем не вмоготу!

— Слушаюсь, о Великий Волк! — завопил волкохран и со всех ног бросился исполнять

приказание. Через несколько минут он торопливо притопал обратно, и над самым ухом Пекки послышалось громкое хлопанье — Волк так нетерпеливо накинулся на ковш с брагой, что даже не успел сказать «спасибо». Да и зачем благодарить за то, что тебе по праву принадлежит?

— О Великий, — робко произнёс между тем волкохран, и голос его дрогнул, — горячая брага была, а вот с мышами... они несвежие... шеф-повар просил передать, что...

Волк пришёл в такую ярость, что даже поперхнулся. С минуту он хрипел и сипел, а прокашлявшись, заговорил тихо и угрожающе:

— Что я слышу... Ведь я приказывал, чтобы еда всегда была свежей... — Он вдруг взревел: — Желаешь болтаться на виселице? Ступай принеси свежих! Чего ради я купил для этого гнезда идиотов дорогой морозильник? Ась? И чтоб без мышей не являлся!

— Так точно, о Великий, слушаюсь, — забубнил волкохран, — больше не явлюсь!

— Какой сообразительный подчинённый, — язвительно протянул Волк. — Ишь ты, поди ж ты... Нет, здесь есть пока что какая-то дисциплина! — Тут он вспомнил про беспорядок под

кроватью. — Хотя всё остальное шиворот-навыворот! Мигом позвать уборщиков, чтобы пришли подмести в моей комнате да заодно принесли две чистые простыни! Чтoб никто не вздумал сказать, что Великий Волк живёт в свинарнике!

— Так точно, о Великий! — повторил волкохран и повернулся было к двери.

У Пекки душа снова ушла в пятки, но Волк, отхлебнув порядочный глоток браги, прикрикнул:

— Стой! Скажи, чтобы повременили, я ещё отдыхаю! Пусть подметут, когда праздник начнётся! А теперь — убирайся вон, сгинь, отвали, уноси свои мослы! И держись отсюда подальше! — рявкнул он и опрокинул остатки браги из ковшика в пасть. В этом деле он был непревзойдённый мастер.

Волк ещё долго причмокивал и шлёпал губами, болтаясь по комнате из угла в угол, как домовый в рождественскую ночь.

— Уахх-ха-ха, — зевал он, потягиваясь. — Что-то я опять устал... приятно... ко сну клонит... — И он затопал к дивану и плюхнулся на него. — Ой, одеялко моё! — ласково сказал он, зарывшись в плед, как крот. — Сон,

приходи, возьми меня с собой! — бормотал Волк, медленно поворачиваясь с боку на бок. — Миленький сон, возьми меня на ручки... покажи лебедей... с длинной белой шеей... я хочу к ним ползти... ползти...

Бормотание смолкло: Великий Волк снова был на пути в царство сна.

Глава двенадцатая

Пекке не верилось, что они по-прежнему как ни в чём не бывало лежат под диваном. Было же ясно слышно, как Волк, кряхтя, присел на корточки, чтобы заглянуть туда, — он непременно должен был их заметить! Может, он играет с ними? Мучит, как кошка мышку... вроде бы отпускает, а как толькомышь соберётся ускользнуть в безопасную норку, кошка — цап её за хвост! Но звуки, доносившиеся сверху, свидетельствовали совсем о другом: Волк спал — и дышал спокойно, как благонаправный школьник.

— Волк заснул... Мы должны отыскать ключ медвежьей смелости! — зашептал Пекка на ухо Филину.

Тот безмолвно кивнул, показывая всем своим видом, что в принципе он не против.

— Кто первый попробует? — спросил Пекка беззвучно, одним движением губ.

Филин сразу же решительным движением крыла указал на Пекку.

— Ты иди, — шепнул он. — Твои руки лучше приспособлены... У меня, видишь ли, эти вот когти... и крылья... не годятся для тонкой работы...

Пекка вздохнул и на мгновение закрыл глаза. Но когда он их открыл и взглянул на Филина, то убедился, что тот прав: острые когти могли царапнуть Волка и разбудить... Вдобавок Филин сам ужасно боялся всё испортить. Пекка покорно кивнул.

— Ладно, я пойду, — прошипел он. И Филин сразу обрадовался.

Теперь, когда решение было принято, осталось только действовать. Пекка медленно выполз из-под дивана. И чуть было опять не чихнул — малейшее движение поднимало пыльное облако. Выбравшись, он осторожно стряхнул пыль с простыни и волчьей шкуры и прислушался. Дыхание Волка было таким же ровным.

Пекка заставил себя встать на ноги. Он стоял совсем рядом со спящим Волком. Только один шаг... Пекка посмотрел на свои ноги и приказал им двигаться. Как ни странно, это удалось. Нужно было только подтянуть

одну ногу к другой... И вот он уже стоит вплотную к дивану; Волк так близко, что можно его потрогать. Великий Волк мирно спал, ничего не подозревая, и крепко прижимал к себе лапами подушку. Пекка вновь поймал себя на мысли, что спящий Волк выглядит совсем не страшно. Грозная пасть была вытянута трубочкой, а нос посапывал совсем как у обыкновенного лесного жителя. Где же угнездились злобный нрав и жестокие поступки?

Пекка сглотнул слюну и велел себе успокоиться. Ведь теперь оставалось только протя-

нуть руку, залезть в карман к Волку и достать ключ!

Он осторожно приподнял краешек коричневого пледа. Волк спал в своём кителе, с которым, похоже, не расставался ни днём ни ночью: его карман был у Пекки прямо перед глазами.

«Ну, теперь смелей, Пекка Бесстрашный! — сказал он себе. И протянул руку к карману... Но карман не раскрывался: Пекка увидел, что он застёгнут на большую пуговицу. — Вот тебе и раз! — безмолвно вскрикнул Пекка. — Как тут быть-то?» Ничего не поделаешь — надо расстёгивать... И он принялся пропихивать пуговицу сквозь петлю, которая явно была слишком тесной.

Внезапно пуговица проскользнула в дырку, карман раскрылся, и Пекка сунул туда руку. Волк пошевелился и захихикал во сне. Он замурчал, заворчал, забормотал:

— Ну что ты... меня... старого скверного Дядюшку Волка...

В этот момент пальцы Пекки нащупали платок, внутри которого было что-то твёрдое. Это *должен* быть медвежий ключ! Пекка как ошпаренный выдернул руку из кармана.

Дрожащими пальцами развязал узелок платка: там был ключ, маленький ключик — он лежал у Пекки на ладони, ничего не зная о своём могуществе.

— Я нашёл! — завопил Пекка, позабыв о том, что Волк его слышит. — Я нашёл его! Ура!

И только тут Пекка сообразил, что натворил. Зажав ключ в кулаке, он нырнул под диван и, как на санках, скользнул к Филину под защитой пыльной тучи. Тот лежал, не шевелясь.

Волк подскочил так, что диван застонал всеми пружинами. Каждая шерстинка у Волка поднялась дыбом.

— Помогите! — завизжал он. — Опять... здесь какое-то привидение...

Волк больше и не пытался скрыть свой ужас. Он отбежал от дивана в дальний угол и прижался к стене. Потом собрал всё, что у него оставалось от прежнего голоса, и завопил:

— СТРАЖА!

Вопль перешёл в фальцет, а потом в тоненький визг, который тут же растаял в воздухе.

— СТРАЖА!!! — снова взвизгнул он — на этот раз, как ему показалось, удачнее. Но видимо, зря показалось — никто не являлся.

— Помогите... — скулил Волк, не понимая толком, что же, собственно, случилось. Может, ему просто снится страшный сон, с продолжением...

— Надо проснуться, — приказал он себе и засеменил вокруг дивана, как на соревнованиях по ходьбе.

— Волкохран! — ещё раз крикнул Волк, теперь уже умоляюще. — Пожалуйста, отзовись... Ну приходи же... — И с облегчением вздохнул: за дверью послышался голос волкохрана. Правда, голос был слабый и дрожащий, а слова, когда Волк их наконец разобрал, пришлись ему совсем не по душе.

— Я никак не могу войти, о Великий Волк... Мне приказано держаться подальше...

Волк обрадовался и одновременно рассердился: он — слава тебе, Волче, — не спал и волкохран хоть где-то, да был. «Эта беда — не беда, а полбеда», — вспомнил он старую поговорку и набрал в лёгкие побольше воздуха. И комнату заполнили хорошо знакомые любому волкохрану слова:

— Ты, торфяной кирпич! Бородавочник африканский! Обезьяний кум! Кисельные мозги! Чтоб сию минуту стал передо мной как лист перед травой! ПРИКАЗЫВАЮ!

— Слушаюсь, о Великий Волк! — робко ответил волкохран и приоткрыл дверь. Вслед за этим Пекка услышал осторожные, крадущиеся шаги. Волкохран явно не хотел подходить к Волку слишком близко: он по горькому опыту знал, чем это обычно кончается.

Но Волк внезапно совсем обессилел; он только сопел и поводил странно остекленевшими глазами.

— По-моему... — начал он и кашлянул. — Как бы это сказать... Мне кажется, в этой комнате что-то не того... — Тут Волк покраснел, потому что волкохран поднял на него удивлённый взгляд. — И я... я... — Он замолчал. Какого лешего он тут что-то рассказывает волкохрану — ведь такие дела нельзя разглашать! На языке у Волка всё время вертелись слова: «Мне страшно, страшно — ой, как мне страшно... В этой комнате обитают привидения, точно... Нужно обязательно усилить охрану, особенно когда я сплю».

Нет! Такого ни за что нельзя было произносить вслух! Потому что тогда мир перевернётся вверх тормашками: ведь всем волкам ещё в школе вдальбивали, что в Зелёновой Роще пример храбрости и отваги номер один — Великий Волк.

«Это, стало быть, я! — подумал Волк, дрожа. — Что же я скажу теперь волкохрану? А что-то говорить придётся... Приказ... пожелание... просьба... Ну, Волченька, бедненький, придумай же что-нибудь!»

— Нееет! — взвыл он наконец. — То есть да... Фу ты, совсем не то говорю! Праздник на носу, и потому моя голова полна забот... да... праздник!

Тут Волк умолк, сообразив, что сказанул опять что-то не то.

— Не-не-не! — крикнул он. — Слушай приказ! Я приказываю тебе усиленно охранять эту комнату! Да! И кто бы ни пытался выйти отсюда, не выпускай! — И Волк ухмыльнулся: теперь привидение не убежит! — Запомнил? Остальные распоряжения последуют позже. А теперь — пошёл вон!

— Так точно, о Великий! — рявкнул волкохран, щёлкнул пятками, развернулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

Тут Волк осознал, что он снова остался один. Он озирался по сторонам, чувствуя, как страх, подобно газу, ползёт изо всех углов комнаты прямо к нему...

— Ффуу, — проворчал Волк, — здесь в воздухе что-то такое противное... А может, пятиминутная прогулка куда-то, где посвежее, и добрый глоток горячей браги поставят всё на свои места?

Волк пришёл в восторг от столь разумной и новой мысли. Подбадривая себя охрипшим голосом, чтобы отогнать страх, он направился к двери.

Но там поневоле пришлось остановиться: дверь не открывалась, как ни дёргай ручку.

«Дверь-то заперта! — сообразил он и даже рот раскрыл от удивления. — С чего бы это?» Он принялся всеми лапами колотить в дверь, завывая не своим голосом. Но на волкохрана это вытьё, видимо, не производило ни малейшего впечатления. За дверью царила тишина.

— Эй, вы что, в самом деле?! — прорычал Волк. — Есть там кто-нибудь?

Уже знакомый слабый голос дежурного волкохрана отвечал:

— Есть, о Великий... Я здесь, волкохран. На посту...

— Сию минуту открой дверь, осёл! — завопил Волк, чуть не лопааясь с досады. — Почему она заперта?

— О Великий, — робко возразил тот, — ведь мне приказано никого из этой комнаты не выпускать, потому я и запер...

Все закачалось и поплыло в глазах у Волка. «Ну что мне делать с этими волкоголовыми дураками? — подумал он. — Ведь это добром не кончится!»

— Идиот! — заревел он, придя в себя. — Слушай новый приказ! — В голосе Волка появились скверные ноты — холодные как лёд. — Прежний приказ отменяется, а новый звучит так: «Приказываю тебе выпускать из этой комнаты всех и каждого!» Ты слышал? Понятно?

Волк перевел дух. Он почувствовал, что всё, что бы он ни сказал, звучит дико.

— Ох, нездоров я... да-да, нездоров... — забубнил он, хватаясь за голову. — У меня жар! Точно — температура!

И Волк вспомнил маму. Где-то она сейчас? Почему её нет здесь — чтобы укрыть

его, подоткнуть одеяло, сказать, что всё хорошо. Чтобы напоить чаем с малиновым вареньем... Волк всхлипнул. Голова у него шла кругом, как картинки в волшебном фонаре.

Когда волкохран открыл наконец дверь, его взору предстал Волк. Но какой! Он кружился на месте, напрасно пытаясь выдавить хоть звук. А когда ему это удалось, послышалось только: «Ку-ку! Ку-ку, ку-ку!»

Волк ужаснулся, заметив выражение глаз волкохрана, и попытался вспомнить ещё какие-нибудь слова:

— Ку-ку, ку-кууу, куурица мокрая! — И тут он обозлился окончательно на комнату, на волкохрана, на себя. Смахнув охранника с дороги одним движением лапы, он пошатываясь вывалился за дверь. Немедленно на кухню — проверить, что там делают эти каналы повара... Бражка... Мысль о браге его немножко оживила.

«Скоро праздник начнётся... ага... — думал Волк, шагая по коридору тем бодрее, чем дальше он уходил от своей спальни. — Праздничек! Они его надолго запомнят! Да, этот карнавал должен навсегда врезаться в память каждого жителя Зелёновой Рощи... Уж я об

этом позабочусь, и мой новый окончательный закон, Lex Lurus, тоже позаботится... Прибавим туда дополнительные листики... небольшой сюрприз... И все эти лесные ничтожества наконец получают то самое, на что давно уже нарывались!»

Глава тринадцатая

Никогда прежде Волчий Замок не видел такого столпотворения местных жителей. Пришли все, кто был в состоянии ходить: населению Зелёновой Рощи было хорошо известно — уж если Великий Волк что-то приказал, он желает, чтобы приказ исполнялся в точности. Лесной народ толпился у стен, стараясь держаться как можно незаметнее и, главное, подальше от трона Великого Волка. Звери собрались самые разнообразные: зайцы, барсуки, рыси, лоси. Кроты земляные, водяные и полевые. Выдры и бобры, лисицы и куницы. Прилетело множество птиц, и первыми — любимицы Волка, сороки. Были там дрозды, воробьи, ястребы. И голуби тоже, и куропатки. Хотя в лесу звери часенько враждовали, сейчас между ними царило полное согласие. Они тихонько переговаривались и вежливо перешёптывались,

уступая друг другу место: опасность объединяет.

Поскольку приказано было явиться на карнавал, все были в карнавальных костюмах. В спешке в шкафах и чуланах похватали, что нашлось, — шляпы и шарфы, тросточки и поварёшки, скатерти и ночные рубашки. Те, кому дома ничего не попало под руку, сделали себе накидки из соломы, голову украсили нашлапкой из мха, а шею — ожерельем из грибов. Прочие пришили хотя бы сосновую ветку. В общем, главное, чтобы Волк увидел выполненный приказ, а до красоты никому и дела не было. Кроме Лисоньки, конечно. Она с гордостью поглядывала на свой костюм. В своей разорванной о ветки юбке и забрызганных грязью сапожках она была всё-таки самой нарядной дамой карнавала.

Рядом с нею скрючился Медведь: он был одет в Лисонькину горжетку и шляпку и силился изобразить нечто маленькое и изящное. Лесовик сновал туда-сюда, пытаясь с помощью фонарика разыскать в карнавальной толпе знакомых. Тщетно: все выглядели слишком молодо, даже как-то по-детски. Лесовик только чесал в затылке: он ощущал, как груз

прожитых лет начинает давить на плечи; своих родственников он, по правде говоря, не встречал уже десятки лет.

«Да... время бежит, — подумал он, — и тем быстрее, чем ты старше».

Лесовик вернулся на своё место рядом с Медведем и погрузился в раздумья. Почему-то ему совсем не было страшно. Ведь имелось только два варианта: или всё будет хорошо, или, наоборот, плохо. И Лесовик не мог повлиять на исход дела. Он покосился на Лисоньку: щёки у неё пылали, она обмахивала сапожки хвостом и с любопытством стреляла глазками во все стороны.

«Ах, молодость, молодость!» — опять вздохнул Лесовик, вспомнив своё детство: деревья тогда были вроде бы выше, трава на лугах пышнее, но, главное, людей было гораздо меньше. Доводилось неделями бродить по лесу — и ни разу не встретить людей. Их было не видно и не слышно. И звери жили спокойно, занимаясь своими делами. Но прошло сто лет, потом двести, и постепенно в лесу становилось всё теснее и теснее. Людей всё прибавлялось, леса из-за этого сходили на нет; лесовикам и лесным зверям приходилось от-

ступать всё дальше на север. Жить было тяжелее: они оказались отданными на милость ледяных ветров, попали в плен к снежным сугробам и холодным осенним дождям. Правда, лето... Да, лето было по-прежнему свежее, чистое... и пахло совсем как прежде, когда росистым утром идёшь сквозь щебечущий лесной свет.

«Но такие минуты выпадают редко, — думал Лесовик, — да и с кем мне разделить их?» И он почувствовал себя очень-очень одиноким.

— Ох-хо-хо! — Лесовик потёр ноющую шею: волнение и страх в трудную минуту поселялись почему-то там. А сейчас была именно такая минута. И перед этим тоже, потому что пришлось изрядно повозиться с тем волкохраном — любителем поэзии, пока ему не втолковали, что самое лучшее для него место на время праздника — это чулан, где хранились мётлы и ведра... Но всё-таки удалось... И Лесовик снова вздохнул — глубоко-глубоко. Он не мог припомнить больше ни одного волшебства, даже самого простейшего. Великие колдуны, могущественные лесовики давным-давно и бесследно исчезли. Кажется, только

он один и остался... Да ещё и память подводит.

«Ах, если бы нашёлся достойный продолжатель моей профессии! — мечтал Лесовик. — Я бы многое порассказал ему о былых временах».

Закреплённые на стенах факелы искрились и трещали, по двору расползлся горький смоляной дым. Все волкохраны давно уже вышли из караулки и построились в шеренгу. Они стояли перед тронным помостом, выставив копья вперёд и держа равнение по перьям на шапках. Волкохраны оглядывали обитателей Зелёновой Рощи, толкали друг дружку в бок и похохатывали.

— Эти несчастные остолопы... ха-ха-ха... не знают, что их ожидает... хо-хо-хо, — перешёптывались волкохраны и злобно скалили зубы. — Волк приказал пока что не прикасаться к имуществу лесного народца, но скоро... они и не заметят, как это начнётся... До сегодняшнего дня денег было предостаточно, потому что Волк продавал лес и пороги на лесных речках. Он жил широко и волкохранам платил щедро, но всё понемногу проели... скоро продавать будет нечего — кроме

Зелёновой Рощи. Только волкам тоже ведь надо где-то жить! Так что деньги и еду станем брать где придётся, — стало быть, у лесных жителей. Великий Волк это обещал!

И волкохраны облизывались и многозначительно ухмылялись, высматривая зайчат поупитанней. А те прятались за спины мам и пап; их сердечки замирали, а побледневший к зиме мех бледнел ещё больше.

Наконец начальник охраны, здоровенный волк с павлиньим пером на шляпе, выступил вперёд и затопал. А потом испустил душераздирающий вой, на который крепостные стены ответили долгим эхом. Наступила мёртвая тишина. Но её сразу же нарушила икота, донёсшаяся из дальних рядов. Равномерная, непрерывная и весьма несвоевременная икота.

— Ой, Медведь, миленький, не икай! — зашептала Лисонька, сама не своя от страха, потому что головы гостей понемногу начали поворачиваться в их сторону. — Ну пожалуйста, перестань!

— Я не... ик!.. могу ничего... ик!.. с этим поделать! — отвечал несчастный Медведь. — Мне очень... ик!.. страшно!

— Задержи дыхание, — грозным шёпотом приказал Лесовик, — другого средства нет!

Совет был дан как раз вовремя: волкохраны уже беспокойно зашевелились, отыскивая глазами нарушителя порядка. Медведь зажал рот лапой, и звук прекратился. Но икота не прошла — Лисонька видела, как огромная туша Медведя вздрагивает, будто внутри него работает какая-то таинственная машина.

«Ой, Мишенька, миленький, потерпи!» — молила в душе Лисонька, закрыв глаза. Вдобавок она завернулась в свой хвост и сложила лапки на груди. Такой способ иногда просто творил чудеса!

Но тут начальник охраны снова завыл и затопотал ногами. Поскольку никакого беспорядка больше не наблюдалось, можно было начинать торжественную часть. Он присанился и возвестил:

— Дорогииие гооости! Начаинаааем праааздник! Приготооовимся встрееетить Велиииинкого Вооолка! И покааа мы его ждёооом, споёёём волкопееесенку, первый куплет!

Начальник грозным оком обвёл всех стоявших в зале, и каждому показалось, что он смотрит именно на него. Поэтому, когда волк,

дирижируя правой лапой, хрипло запел, никто не посмел стоять молча. Песня росла и ширилась; удесятёрённая эхом, она разогналась и в конце концов улетела в небо — на удивление летавшим там, в вышине, свободным птицам:

*Придёт на этот праздник
наш добрый Волк сейчас,
с улыбкою отцовской
он поглядит на нас;
забывши все заботы,
спеши благодарить,
а если грустен кто-то —
живым ему не быть!*

Лесовик взглянул на Медведя и вздохнул — на этот раз с облегчением: тот больше не икал. Правда, он вконец измучился и жадно хватал пастью каждую каплю кислорода. А потом с тяжким пыхтением рухнул, как мешок, у стены, приговаривая:

— Я не могу больше... Не могу...

Лесовик ужаснулся: он понимал, что *такому* Медведю даже ключ смелости не поможет. Лесовик кинулся к нему, присел рядом и зашептал:

— Медведь, ну Медведь же, потерпи ещё хоть чуточку! Подымайся, могучий Топтыгин

суровых дебрей! Вставай, Косолапый! Хозяин лесов заповедных!

Как ни удивительно, это подействовало: Медведь, глубоко и медленно отдуваясь, с трудом поднялся на ноги. Он решил ещё раз — последний — исполнить просьбу Лесовика... тот ведь такой старенький... К возрасту нужно относиться с почтением, это Медведь помнил, — мы все когда-нибудь будем старенькими... И вот он уже стоял, как и все прочие, наблюдая за происходящим на помосте.

Два волкохрана задудели в серебряные трубы. Фанфары прозвучали как и полагается — сурово и величественно. Настала минутная тишина, затем из темноты выступил вперёд сам Великий Волк. Он выглядел наряднее обычного: на маршальский мундир была накинута длинная горностаевая мантия, волочившаяся по полу. Волк при новых звуках фанфар прошествовал к своему месту. Он остановился за креслом и оглядел двор. Гости, избегая его взгляда, подались назад, и сердце Лесовика просто запрыгало от радости: теперь тюремные каморки скрылись за спинами толпы. Волк вряд ли сразу заметит, что они все опустели — за исключением одной.

Великий Волк приторно улыбался: после того как он опорожнил пару ковшиков браги, к нему вернулись хорошее настроение и отвага. Он с подвыванием зевнул, основательно потянулся и только после этого соизволил заговорить:

— Благодарю уважаемое население Зелёной Рощи! — Он снова зевнул и почесал бок. — И какая же большая честь для меня, что вы прибыли на этот маленький праздник... Стало быть, все лесные жители собрались? И все мы наверняка веселы и счастливы? Не так ли?!

Великий Волк ободряюще улыбнулся, но это не произвело желаемого эффекта: из толпы не доносилось ни звука — все ждали, что ещё он скажет...

Такое отношение Волку очень не понравилось: он обнажил клыки, как бы приглашая всех полюбоваться на них, и зловеще зарычал. Волкохраны зашептали, ободряя гостей, замахали им лапами, и тогда из толпы слышались робкие и разрозненные голоса:

— Да... Ага... Наверное... Ну да... Нет...

Шерсть на холке Великого Волка поднялась дыбом: в этом хоре явно прозвучала

фальшивая нота — кто-то не был счастлив! На его празднике, к которому он готовился, не жалея усилий!

— Гм... — проворчал он. — Интересно... Мне показалось, что кто-то сейчас сказал коротенькое словечко «нет». Я правильно расслышал?

Наступило молчание, и в этой тишине Медведь открыл рот и сказал:

— Неправильно! — но тут же сообразил, что опять попался в ловушку, расставленную Волком.

А Волк сразу же оживился: вот будет сейчас потеха!

— Мне кажется, я снова слышу то же самое прелестное словечко? Да или нет?

— Ты не слышал, что это я кричал «Нет!», — буркнул Медведь, — это мог кто угодно закричать.

Волк улыбался всё радостнее и теплее.

— Смотрите-ка, рассуждает! — одобрительно протянул он. — И откуда у нас выискался такой мыслитель и умник? — А потом набрал в лёгкие побольше воздуха и рявкнул: — Это кто там пищит, ась?!!!

Лесной народ от этого грозного рёва качнулся к стенам, как волна в штормовую погоду.

— Я... я... я... — начал Медведь, всеми силами пытаюсь заставить себя заговорить. Он совершенно не мог понять, как угодил в такой переплёт. — Я — Лиса! — выдавил он наконец и поправил горжетку на груди. — Лиса!

Волк шагнул было к Медведю, но тут же подумал, что подходить слишком близко не стоит, и остановился. Народу было слишком много: кто знает, что им придёт в голову, если расхаживать среди них в одиночку, без охраны...

Горячая брага плескалась в жилах; внезапно Волка разморило, глаза стали моргать и слипаться, и ему приходилось изо всех сил щуриться, чтобы сфокусировать взгляд там, откуда слышался голос.

— Ах, Лиса... — наконец произнёс он. — Я всяких лис встречал, но ты — вот уж действительно лисица... — Волк поднял голову и недоверчиво уставился на Медведя. — Кабы я не знал наверняка, что Медведь в тюрьме, подумал бы, что ты — это он... Такой, понимаешь, у тебя рост... А на лося ты не похож...

— Это же карнавал! — пискнул Медведь неестественно тоненьким голоском.

Волк задумчиво наморщил лоб. Ну да, в самом деле карнавал — ну и что? Значит, теперь Медведь — это Лиса или, может, наоборот? Но Лисонька ведь тоже была в тюрьме, была... Тут Волк почувствовал, что мысли у него в голове забегали по кругу, как лошади на арене цирка.

Он так запутался в своих размышлениях, что не замечал ужасного беспокойства волкохранов, — они были уверены, что Волк скоро захочет проверить, все ли пленники на месте. Но тому вдруг всё стало безразлично: жарко, к тому же и пить захотелось... А впереди ещё длинная программа, даже слишком... И он, с отвращением глядя на своих подданных, зарычал:

— Ну что, приглашённые... — Тут Волк зевнул так заразительно, что Лесовика тоже стало клонить ко сну. — Что сделать с этим нытиком? Башку на плаху, что ли?

Народ безмолвствовал. Хотя множество мыслей витало вокруг — даже воздух в зале стал вроде бы плотнее, — никто не произнёс ни звука. В тишине раздавалось только сопение Волка. Сопение постепенно становилось громче, потому что он разъярялся всё сильнее

и сильнее. Этот праздник должен был стать вершиной его замечательного правления! Но похоже, что вместо торжества выходит какой-то винегрет!

Волкохраны в это время делали гостям всякие угрожающие знаки и грозили кулаками. Видимо, поэтому из толпы понемногу стал доноситься неясный гул, который всё рос и усиливался: слышалось «О!», и «А!», и «У!», и уже знакомое короткое «Нет!». Волк просто не верил своим ушам!

Он осторожно отступил к своему креслу, высматривая ковшик с брагой. «Это ведь бунт!» — думал он, всё тревожнее поглядывая на лесной народ.

— Ага, ага... — сказал он как можно спокойнее. — Утверждает ли кто-нибудь, что я не слышал, как опять кричали «Нет»? — Волк изобразил дружелюбную улыбку. — Ну, давайте смелей! Признавайтесь: кто на этот раз выкрикнул свое маленькое «Нет»? Я не рассержусь на честное признание... Правдивость прежде всего! Это моя путеводная нить...

Тут Лисонька почувствовала, как слова сами по себе посыпались с ее языка. Как она ни пыталась сдерживать их, всё было на-

прасно; внезапно Лисонька обнаружила, что стоит посреди зала и с жаром объясняет:

— Ой, Великий Волк, миленький... я ведь совсем не собиралась кричать «Нет»... на самом деле я кричала «Йе!»... то есть я имею в виду «Да!». Так что никто ничего не кричал... особенно с этой стороны... — Лисонька запнулась на полуслове и умолкла, испугавшись, что теперь всё окончательно запуталось. Она быстренько натянула летнюю шубу Медведя на голову и скрылась в ней, как в палатке, от глаз Волка.

— Странное дело, — протянул Волк, с сомнением качая головой. Как-то слишком много и бессвязно тут болтают. К тому же и этот гость казался до чёртиков знакомым... — Ты кто такой на самом-то деле? — спросил Волк, схватившись за голову: неожиданно он совсем изнемог от усталости.

— Я — Медведь! — заявила Лисонька своим слабым, детским голоском. Все кругом так и покатались со смеху. Волк тоже слегка приободрился, потому что это уже было похоже на порядочный праздник: народ веселится, радуется... И какое же удовольствие будет — положить веселью конец...

— Ах да, да, — подтвердил он, потирая лапы, — ты же Медведь... Это яснее ясного... Маленькая барышня мило шутит со старым дядей Волком... — И Волк многозначительно ухмыльнулся: это ведь настоящий карнавал! И решил, что ему пора дать празднику надлежащее направление. — Браги! — рявкнул он так грозно, что синицы и прочая мелюзга так и посыпались с веток. Отхлебнув из ковшика порядочный глоток, Волк обратился к гостям: — *Прошло времечко смеяться — наступает час бояться...* — продекламировал он свой любимый стишок и самодовольно ухмыльнулся: вот теперь-то народец Зелёновой Рощи почувствует на своей шкуре, что значит нарушать порядок! Человечий щенок в тюрьме, Медведь — тоже, и ключ от его смелости лежит у Волка в кармане... Никаких преград больше нет: вся власть переходит к волкам...

«Хотя зачем множественное число, когда я только один, — думал Волк. — Вся власть, стало быть, переходит к Великому Волку...»

Он откашлялся и заговорил медленно и торжественно:

— Вы, верно, удивляетесь, для чего я пригласил вас сюда... Конечно, карнавал... Но у

меня, между прочим, есть ко всем вам небольшое дело. А именно: сейчас последует Волкоторжественное заявление, первое чтение. Объявляю и довожу до вашего сведения дополнительные листочки Lex Lupus, на языке простонародья — Волчьего Закона. И это заявление, и дополнения вступают в силу сразу же после прочтения!

В зале начались разговоры и шёпот, звери беспокойно зашевелились.

— Молчать! — заревел Волк, уже не на шутку озлившись. — Кто ещё раз подаст голос — будет болтаться на ёлке! Слушайте, что вам читают, и запоминайте своими тупыми мозгами каждое слово! Потому что всё вступает в силу немедленно!

Волк махнул лапой, и бравый глашатай выступил вперёд, гордый своей шляпой с перьями и своей ролью. Настал самый волнующий момент его коротенькой жизни. Он развернул бумагу и принялся нараспев читать:

— Дополнительные листы к Lex Lupus — Волчьему Закону, или Волкоторжественное заявление: «Я, Великий Волк, запрещаю кому-либо из обитателей Зелёновой Рощи

разговаривать, в случае если я соизволю от-
дать такой приказ».

В толпе зверей начались шёпот и движение, потому что было трудно понять: запрещалось ли им разговаривать сейчас или когда-нибудь потом, после специального распоряжения Волка?

Великий Волк угрожающе зарычал, и сразу всё стихло. Он кивнул глашатаю.

— Второй параграфин... — читал по складам глашатай, смутно догадываясь, что тут не все буквы оказались на своих местах. — «Я, Великий Волк, запрещаю кому-либо из обитателей Зелёновой Рощи передвигаться откуда-нибудь куда-нибудь, в случае если я соизволю отдать такой приказ».

Никто не проронил ни звука, но толпа закачалась, как берёзовая роща на ветру. Что же Волк в самом деле имеет в виду? Им что, теперь так и стоять до окончания дней... или как себя вести прикажете?

Лесовик сначала пытался обдумывать услышанное, но вскоре бросил, тем более что чтение, кажется, не кончилось, — глашатай всё ещё стоял на помосте. Великий Волк снова кивнул, и глашатай зарычал:

— Третий параграф! — Он выдержал маленькую паузу и смерил гостей презрительным взглядом. — «Я, Великий Волк, запрещаю кому-либо из обитателей Зелёновой Рощи видеть и слышать что-либо, в случае если я соизволю отдать такой приказ». — И глашатай, решив побыстрее закончить выступление, потому что осталось всего несколько строчек,

продолжал на одном дыхании, скороговоркой: — Четвертый, и последний, параграф! «Я, Великий Волк, впредь могу приказывать что угодно, каждый приказ вступает в силу незамедлительно и автоматически становится дополнением к Волчьему Закону. Высшей судебной инстанцией в спорных вопросах является Великий Волк, высшей исполнительной властью тоже является Великий Волк. Всей властью во всех вопросах пользуется Великий Волк. Отныне всё в Зелёновой Роще принадлежит Великому Волку».

Глашатай, запыхавшись, свернул бумагу и осклабился: важное задание выполнено с честью... Он стащил с головы шляпу, утёр пот со лба и, весело выкрикнув:

— Всё! Вы слушали заявление Великого Волка! — удалился бодрым шагом в направлении кухни.

«Ну вот: сказано — сделано, — думал счастливый Волк, садясь в своё кресло. — Дельце обтяпали — будьте-нате...» Он ухмылялся и окидывал хозяйским взором свой народ... подданных... которые принадлежали теперь ему... все до единого... Ему хотелось смеяться. Подлинный закон и право будут

вечно царить в Зелёновой Роще! Какое бы развлечение придумать теперь?

Волк снова ухмыльнулся и поглядел на молчаливую толпу.

— Стало быть, приказы уже вступили в силу! — напомнил он. — Кто ослушается — может сразу проглотить свой язык с Огненной Горчицей! Вопросы есть?

Фраза повисла в воздухе. Что тут можно было ответить — Волк же запретил разговаривать и двигаться, и слышать тоже запретил. Народ стоял и молча смотрел. И Волка начало нервировать это безмолвие — оно просто давило на него!

— Музыки хочу! — рявкнул Волк, чтобы услышать в зале хоть какой-нибудь звук. — Смеха и песен! Радости и веселья! Сию же минуту!

Но тишина всё длилась; волкохраны и те не шевелились. Волк почувствовал, как на лбу вскипает пот: это пахнет бунтом... революцией... гражданским неповиновением... Его собственная охрана явно в заговоре с лесным народом!

Он подскочил с кресла и ринулся к ближайшему волкохрану:

— Живо за дело, болван, не то тебе конец! Почему не смеёшься? Почему не поёшь? Где музыка? — Но поскольку волкохран, выпучив глаза и оцепенев от страха, продолжал молчать, Волк завопил: — Отвечай, такой-сякой, ветровяленный! Я приказываю!

— Слушаюсь, о Великий! — проскулил волкохран. — Ты же приказал нам не разговаривать, не слышать, не видеть и не двигать-ся... я не хотел нарушать закон... — И он захныкал.

Волк рухнул в кресло и осоловело уставился перед собой, качая головой. Мысли в ней снова закружились колесом: что бы он ни сделал, что бы ни приказал — вечно опростоволосится!

«Этому надо положить конец, — пожаловался он сам себе, — ведь объявлено, что я могу отдавать какие угодно приказы!» И Волк что было силы завопил:

— Я приказываю отменить предыдущие приказы! Это последнее дополнение к Закону, и оно вступает в силу сию же минуту! Музыка сейчас же, радость и веселье! — рычал он. — И браги! Да поживей... У моего терпения тоже есть границы!

Великий Волк даже удивился, потому что на этот раз его приказы начали выполняться сразу же. Кто-то сбегал в комнаты: вскоре из проигрывателя полилась дребезжащая музыка. Повеселевшие волкохраны непринуждённо расхаживали вдоль помоста, а жители Зелёновой Рощи, распрямляя одеревеневшие ноги, задвигались по двору туда-сюда. Кто знает — что ещё Великому Волку взбредёт в голову... но это будет потом, а пока всё обошлось. Заяц с Зайчихой даже пошли танцевать: праздник всё-таки! Карнавал! Для того ведь их сюда и пригласили!

Волк наблюдал, как веселится лесной народ: звери начинали вести себя как дома, совсем перестали бояться — будто его тут и не было! Но он так переутомился, что не мог больше напрягать голову размышлениями...

— Ладно, пускай, — проворчал он, шаря ковшиком в поисках браги, — я потом обдумаю *Lex Lupus* заново... Чтобы ещё суровее... Если бы только найти подходящее время... на ясную голову... — И Волк тяжело вздохнул. Управление и ответственность — это очень-очень трудные и сложные вещи. Обыкновенные граждане в них ничегошеньки не понимают.

Волк медленно поднялся, стараясь выглядеть повнушительней.

«Я — властелин этого леса!» — в который раз напомнил он себе, потом поднял ковшик и просипел:

— Приказываю всем присоединиться к моему тосту! Этот тост мы подымаем за меня! Да здравствует Великий Волк! Да здравствует Великий Волк — друг всех зверей! Да здравствует Волкозелёновая Роща! Ура! Ура!

Но в ответ ему из зала раздались совсем другие выкрики:

— Роща наша... волков — в болото... да здравствуем мы! — и прочие, такие же ошеломляющие.

Волк здорово струхнул. Это что же, его больше совсем не боятся?

Вон и волкохраны разбрелись по двору, мирно беседуют с лесным народцем... Неве- роятно... бунт... и он кинулся на край помоста с воем:

— Волкохраны! Ко мне! Копья на изготовку! Приказ!

Когда волкохраны послушно столпились вокруг него, Великий Волк слегка успокоился: власть была ещё в руках волков, а точ-

нее — в его собственных лапах! И тут его взгляд упал на тюремные каморки. Теперь, когда гости не толпились у стен, ничто больше не скрывало суровой правды: все каморки, за исключением одной, были пусты... Волку показалось, что сердце у него под мундиром перевернулось вверх тормашками.

— Владыко Волченебесный! — забормотал он. — Этого не может быть! Я, верно, выпил лишку горячей браги... надо скорее заказать номерок к главному... ой!.. — И Волк стремглав кинулся к каморкам и обследовал их. Но всё было именно так, зрение его не обманывало — каморки оказались пустёхоньки.

Только из одной уныло уставился на Великого Волка лежавший там волкохран. А Волк в свою очередь уставился на него: это, что ли, человеческий детёныш? Ох ты, синица побери! Волкохран уже скинул Пеккину пижаму и выглядел волчье любого волка. Сердце Великого Волка сделало двойной кульбит и потом ещё один: в каморке не было ни следа человека! Вместо него там лежал неподдельный, настоящий, типичный, грустный, жалкий волк!

— С брагой что-то не то, с глазами что-то не то, — забубнил Великий Волк, — со всем что-то не то... Как же мне теперь быть, что будет-то?

Волк почувствовал, как холодная рука страха сжимает ему горло.

— Волкохраны! — зарычал он в панике. — Волкохраны, сюда! Пленные сбежали! Поймать сейчас же!

В голове у Волка забурлило. «Что же это такое творилось со мной недавно в зале? — припоминал он. — Там был медведь, который не был медведем, и лиса, которая была вовсе не лиса... а... один был — другой, а другой — опять же тот... тот или другой... и тот и другой... По крайней мере оба выглядели очень знакомо».

Он взмахнул лапой, раздвигая строй волкохранов перед помостом. Так и есть: это Медведь с Лисонькой, облокотившись на крепостную стену, как ни в чём не бывало беседуют с каким-то крохотным старичком — на груди у него табличка, а в руке — фонарик. Конечно... Лесовик... Это же всё пленники... почти все... недостаёт только Филина и чело-вечьего щенка, но трое по крайней мере на

месте! Разговаривают себе и ни капельки не боятся — на глазах у Великого Волка! Какая наглость!

— Эй! — рявкнул он волкохранам, указывая на Медведя, Лисоньку и Лесовика. — Арестуйте вон тех немедленно! Это же беглые заключённые!

Слова Волка, по-видимому, обладали прежней силой, потому что Медведь стал под его взглядом съёживаться и уменьшаться — даже шкура на нем обвисла. Волк узнал их! Как же это возможно? Теперь их опять ждут тюремные каморки! Как же это случилось, как... Медведь совсем упал духом. Ведь они так старались замаскироваться, столько возились с костюмами...

Волкохраны двинулись всей шеренгой на беглецов; Волк тоже сделал пару осторожных шагов в ту сторону, чтобы лично проследить за операцией: ведь он всё-таки маршал! Но вдруг остановился как вкопанный, потому что из глубины замка раздался страшный, режущий уши визг. Волкохраны тоже остановились, оглядываясь — откуда это? В тот же миг на середину двора, освещённую факелами, выскочили два ужасных белых привидения...

Волк, едва дыша, кинулся обратно к помосту и забился поглубже в кресло. Призраки... настоящие призраки...

Волк оказался отнюдь не единственным, кто чуть не рехнулся со страху: лесные жители в панике разбегались в стороны. А волкохраны ухватились за свои копыя, даже и не пытаясь сдвинуться с места. Правда, это было ни к чему: вновь раздался душераздирающий визг и одно из привидений заметно приподнялось над землёй. У Волка потемнело в глазах, и он решил, что лучше всего прямо сейчас упасть в обморок. Ничего страшнее он за всю свою долгую волчью жизнь не видал.

Глава четырнадцатая

Но Великому Волку не удалось упасть в обморок; сбежать тоже было невозможно. Приходилось сидеть и в ужасе смотреть, как приближаются привидения. Сейчас он очень хотел вернуться в детство, к бабушке, забраться в свою кровать, поесть горячего черничного киселя с сухариками или ещё чего-нибудь — ведь бабушка так вкусно готовила... Он бы лучше книжку почитал вместо этого! Что угодно — лишь бы этот кошмар кончился!

— Что я сделал плохого? И за что мне такое наказание? — заскулил он и позвал слабым голосом: — Волкохраны... на помощь... схватить... этих... тысяча волкоденег тому, кто арестует... ПОМОГИТЕ! СПАСИИИТЕЕЕ!!!

Волкохраны, дрожа до кончиков хвостов и держась для храбрости друг за дружку, медленно двинулись к нему.

— За тысячу волкоденег мы продадим даже собственную матушку, о Великий, — заверили они, но вид их совсем не соответствовал словам. Волкохраны ступали осторожными шажками — шириной примерно в сантиметр; добравшись таким образом до кресла Великого Волка, они заняли круговую оборону, выставив вперёд копыя. Привидения тоже остановились, а то из них, которое летало, спустилось вниз.

Волк вначале ещё пытался отдавать команды волкохранам:

— В тюрьму... на помощь... бежать... домой... — а потом вместо слов у него стало выходить только шипение, как у проткнутой велосипедной камеры. И в конце концов Волк стал пустым и немым. Бессловесным, вроде рыбы в аквариуме.

Второе привидение, подхватив спадавшую простыню и поплотнее завернувшись в неё, понемножку приближалось к Медведю: тот от страха затрясся, как припадочный. Время от времени привидение оглядывалось на Великого Волка.

— Я твой злой дух, о Великий Волк! — провыло привидение страшным голосом. —

Меня прислали сюда владыки Обитатели Зла — передать, что они недовольны твоим поведением! Ты был слишком добр к жителям Зелёновой Рощи! Теперь тебя накажут — да так сурово, как тебе и не снилось!!!

Волк всхлипнул и ещё глубже забился в кресло.

— Слишком добр... и вправду, — огорчился он. — А лесные жители совершенно не ценят моей мягкости... наоборот... Но сегодня-то... я же из всех сил... так хотел... так старался быть по-настоящему злым... — И Великий Волк горько разрыдался. — Дайте мне попытаться ещё раз! — хныкал он сквозь слёзы. — Я сумею стать ещё ужаснее, если только получу добавочное время! Честное слово!

Второе привидение тем временем подобралось к Медведю. Обитатели Зелёновой Рощи со страху разбежались кто куда, только Медведь был не в силах двинуться с места. Он лишь съёжился, как мог, и прикрыл глаза лапами.

— Тсс... — зашептало привидение. — Послушай, Медведь, это ведь я. — Привидение ткнуло Медведя в бок. — Это я, Пекка... Да открой же глаза!

Но Медведь, казалось, и не собирался выполнять его просьбу. Пекка всполошился: хотя Волк и поддался панике, скоро он догадается, в чём дело.

— Медведь, друг! — сказал Пекка уже громче и толкнул Медведя что было силы. — Ну вставай, пожалуйста! Времени у нас немного... — Голос Пекки прерывался от волнения. — Смотри... Вот у меня ключ от твоей смелости!

Медведь приоткрыл один глаз и недоверчиво уставился им на привидение.

— Этого не может быть, — пробормотал он, — ключ у Волка. Не верю я рассказам привидений. — И Медведь опять зажмурился.

Пекка почувствовал, как страх сжимает горло, и, хотя он быстренько сглотнул слюну, страх не исчез у него в желудке, как раньше. Времени совсем не было! Уголком глаза он заметил, что Волк подозрительно уставился на них. Конечно, вспомнил Пекка, прежний слух-то у Волка остался! Волк слышал Пеккины слова и, несмотря на то что был страшно напуган, наверняка сейчас что-то заподозрил.

Хотя Филин снова поднялся в воздух и бесшумно полетел к Волку, угрожающе пошевеливая простынёй, тот, похоже, уже пришёл

в себя. Он встал с кресла и, буркнув что-то, взвыл — как бы пробуя голос. А потом устремил грозный взгляд на Пекку:

— Ну и привидение! Может, я слышался?! Или наше привиденьице действительно назвалось Пеккой? Здорово, видали, ребята? — обратился он к волкохранам. И к тем понемногу тоже стала возвращаться бывая уверенность. В самом деле... разве у привидений бывают человеческие имена?

— Медведь, послушай, поверь мне! Ведь у нас ужасно мало времени... Возьми же ключ и открой скорей шкатулку, — просил Пекка, чуть не плача, и толкал Медведя. Ну почему он такой невозможно медлительный!

Волк был уже совершенно не тот, что минуто назад: настороженно и внимательно он прислушивался к тому, что говорит Пекка, и ощупывал свой карман. Сначала, обнаружив, что ключа там больше нет, он перепугался до потери сознания. Но поскольку Медведь по-прежнему не шевелился, Волк сообразил, что ещё не всё потеряно. Пускай у «привидения» и был ключ — до тех пор, пока Медведь этим ключом не воспользуется, у него не прибавится ни капельки смелости и отваги.

— Гляди-ка! — зарычал Волк. — Это что же тут происходит?.. — Он в бешенстве повернулся к волкохранам. — Остолопы! — заорал он. — Взять копыя наперевес! — И, понизив голос, стал им что-то втолковывать, указывая на Пекку и Медведя.

— Ой, ну посмотри же на меня, Медведь, миленький! Ну возьми же ключ! — умолял Пекка. — Это ведь я! — И, сбросив простыню, он предстал перед Медведем прежним, похожим на себя Пеккой.

Медведь приоткрыл глаза, робко взглянул — и наконец сообразил, кто перед ним стоит. И держит в руке нечто ещё более знакомое — маленький золотой ключ!

Медведь медленно протянул лапу, взял ключ и тут же почувствовал, как в нём просыпается что-то новое. «Мой ключ, — думал Медведь, — он опять со мной, мой маленький ключик!» Он нежно погладил ключ и вдруг вспомнил, для чего, собственно, его получил. Медведь достал из кармана шкатулку и принялся вставлять ключ в замок. Пекка даже кулаки сжал — так сильно, что костяшки побелели. Хоть бы Медведь успел... Ох, и почему он такой неуклюжий!

— Стой! — закричал Волк. — Ни с места! Приказываю! Здесь распоряжаюсь я! Всем оставаться на местах! — И приказал волкохранам: — Взять Медведя! И человеческого щенка тоже! Мигом! У вас есть копыя, и зубы, и когти! Вы ведь волки, синица вас поberi, — марш!

При звуке волчьего голоса лапа у Медведя задрожала, и ключ угодил мимо отверстия.

— Скорей! — крикнул Пекка почти в слезах и, не успев опомниться, выхватил у Медведя ключ, вставил в замок шкатулки, повернул... Раздался еле слышный щелчок, и крышка откинулась.

Уже одно это остановило Волка и его охранников. Они застыли на месте — кто знает, что там в шкатулке: может, привидения, или злые духи, или кошмары... На Лесовика и Лисоньку открытая шкатулка подействовала иначе: они кинулись смотреть — и теперь стояли поражённые.

— Фу, — проворчала Лисонька, — никакой смелости там нет... просто бумажка.

Ей хотелось плакать. И Медведю тоже. Но Лесовик решил всё-таки посмотреть, что это за бумажка.

— Погодите-ка! Там же что-то написано, — сказал он, достал её из шкатулки и протянул Медведю. Тут и Пекка увидел на ней какие-то буквы.

— Прочти! — закричал он. — Ну читай же! Медведь взял бумажку и всхлипнул.

— Я не вижу... — застыдившись, прошептал он, — мои очки... — И бумажка, как осинový листок, затрепетала в его лапе. Лисонька правду говорит: ну какая смелость может быть в бумажном листочке с несколькими словами?

Как только Волк убедился, что из шкатулки не вылетело ничего похожего на могучего

джинна, что там только клочок бумаги, он моментально оживился.

— Волкохраны, хватайте их, живо! — зарычал он зверским голосом. — Если вам дорога собственная шкура!

Шкура, конечно, была им дорога, поэтому волкохраны сомкнутым строем пошли на Пекку и его друзей, направив на них копыя. Лесовик присел на камень.

«Тут не требуется особого дара ясновидения, — думал он. — Теперь почти наверняка мне предстоят довольно паршивые сто или двести лет».

Но Пекка всё ещё не сдавался, хотя положение казалось совсем безнадёжным. Он выхватил у Медведя бумажку и начал очень громко читать её вслух. Бумага была старая, потрёпанная, буквы во многих местах стёрлись, и шрифт был старинный, непонятный, но каким-то чудом Пекке удалось разобрать:

***Всегда помни, что именно ты,
Медведь, — самый храбрый, сильный
и отважный из всех лесных зверей!!!***

— Я... я... я... — твердил Медведь, озираясь: нет, не может быть! Волков слишком много, и копыта у них, и Великий Волк рычит и скалится так страшно. На бумажке просто слова, и ничего больше.

— Повтори эти слова, Медведь! — крикнул Пекка в отчаянии. — Скажи это сам! Быстрей!

Волкохраны тем временем цепью окружили их со всех сторон. Бежать было невозможно.

— Помни всегда, что именно ты, Медведь, — самый храбрый, сильный и отважный из всех лесных зверей, — забормотал Медведь.

Он взглянул на Пекку и замотал головой, но в Пекином взгляде сквозила такая настойчивость, что Медведю пришлось повторить всё ещё раз.

И тут в мозгах его что-то зашевелилось: он вдруг вспомнил многие вещи, о которых здесь говорилось, — ведь так оно и есть! Медведи среди всех зверей — самые храбрые! Кто сильнее всех? Медведь, а кто же ещё?! Волки — они же только волки, чуть побольше собаки... А ведь он сам — огромный! Огромный и могучий... Медведь внезапно

поднялся во весь рост и стал таким гигантом, что Пекка от неожиданности даже отпрянул.

— Гляди-ка... Это что же тут происходит? — зарычал Медведь, как бы передразнивая Волка. Совсем как прежде Волк, он лениво потянулся и шагнул к волкохранам. Те попятнулись, неуверенно переглядываясь: план, который только что казался блестящим, ухудшался просто на глазах... Попросить, что ли, новых указаний у Великого Волка?..

Но времени на это уже не осталось: Медведь навис над ними — высокий, как каменный дом. Хоп! — махнула медвежья лапа, и первый волкохран, как мяч, покатился в другой конец двора. Хоп! — и второй волкохран отправился следом. Остальные не стали дожидаться своей очереди. Побросав копья, они кинулись удирать во все лопатки, спрятались за тронным креслом Великого Волка и теперь выглядывали оттуда, ополоумев от страха: Медведь совсем не соблюдал правил благородного боя!

Волк закрыл глаза и снова открыл, поражаясь, с какой скоростью меняется весь мир вокруг.

— Ой! Бедненький я, маленький Волченька! — запричитал он. — Мне так хочется отправиться в дальнее странствие... — И уже высматривал, в какую сторону бежать: надо сказать, что при необходимости он становился весьма быстролапым.

Но бежать было некуда: Медведь уже стоял рядом с креслом и тянулся к Волку. Тот взвизгнул и быстренько хлопнулся на пол. Он лежал на спине, сучил ногами в воздухе и бил хвостом по полу.

— Пощади, Медведь, дорогой! — канючил Волк. — Это всё была игра, шутка. Завтра мы собирались уйти и оставить лес тебе.

Просто в праздничной спешке я забыл тебе рассказать.

Медведь расхохотался:

— Просто игра?! И *Lex Lupus* — тоже игра?

Он оглянулся на жителей Зелёновой Рощи, которые, осмелев, приближались к Волку с видом, не предвещавшим ничего хорошего. *Lex Lupus*, видимо, произвёл на них совсем не шуточное впечатление.

— Его же отменили! — завопил Волк в отчаянии. — Все параграфы до единого! — И он завилял хвостом. — И дополнительные листки упразднили... Это же были просто осенние листочки... — Тут Волк заплакал навзрыд, очень жалобно. Всё, что было ему дорого, рушилось...

— Скажи это погромче, чтобы все слышали! — загремел Медведь. — Кому принадлежит Зелёновая Роща? — И он ещё раз оглядел всех зверей, тесным кольцом толпившихся вокруг Волка. — Отвечай сейчас же!

— Вам, конечно, — простонал Волк, уминая со стыда за свои слова, — всему лесному народу, который всегда тут жил. Вышла ошибка.

— Лес принадлежит Лесовикам! — твердо заявил Лесовик, крепко-накрепко сжимая фонарик в руке. — Лесовики больше знают, и к тому же они старше всех.

— Ух, ух! — раздалось за его спиной. — И вовсе не им, а филинам! — И Филин сделал изящный, плавный пируэт. — Тем, у кого хорошие манеры...

— Лисам! — с обворожительной улыбкой проворковала Лисонька. — Лисы самые умные — это всем известно.

Медведь хлопнул в ладоши, и все замолчали. Тогда Медведь тихо и внятно сказал:

— Этот лес принадлежит всем нам. Мы всегда жили здесь в мире и согласии — мелкие ссоры не идут в счёт... Но владыка в Зелёновой Роще всё же я. Потому что я самый храбрый и сильный из всех зверей! — И Медведь с вызовом посмотрел на всех.

Никто ему не возразил. Медведь — царь леса, ясное дело. И звери тут же отправились по домам, оживлённо обсуждая события дня.

Медведь покосился на волков: от одного этого взгляда волкохраны поджали хвосты. Филин ходил от одной каморки к другой, за-

ботливо запирая двери. Наконец остался один Великий Волк.

Он всё ещё пытался изображать собаку, притворяясь, что он не такой уж плохой.

— Я собачка, — улыбался он, — ручная... — И прибавил тоненьким голоском: — Медведь, дружок, видишь, какой я безобидный? Отпусти меня... обещаю, что никогда больше не вернусь в этот лес. Честное слово! — Волк заискивающе заглянул Медведю в глаза. — Клянусь тебе — я до конца своих дней буду самым добрым на свете волком!

— Убирайся с глаз долой! — заревел Медведь. — Кыш! В тюрьму!

Великий Волк, скуля от ужаса, опрометью кинулся в камеру. А когда Филин закрыл дверь и щёлкнул замком, Волк разразился горькими рыданиями.

— Это несправедливо! — жаловался он. — У бывших руководителей государства в тюрьме всегда бывают привилегии! Я требую личного секретаря и телевизор... переносной... — И зарыдал ещё отчаяннее.

Но на Медведя это совершенно не произвело впечатления — он даже не слышал восклицаний Волка. Его одолевала зевота: он так

устал! Ну конечно, ведь уже поздняя осень, скоро снег выпадет, зима наступит. Пора искать удобную, уютную берлогу, где можно спокойно перезимовать. Медведь зевал и поглядывал на Волчий Замок: слишком велик, да и сквозняки тут. Лучше поискать место для зимовки где-нибудь в родной Лапландии. Правда, на одну ночь и замок сгодится, решил Медведь. Он прилёг на топчан Волка и сразу же крепко заснул. И все наши друзья не долго думая последовали его примеру — как и надлежит верным и послушным подданным.

Глава пятнадцатая

Великий Волк разинул пасть и жутко оскалился на Пекку, а тот не знал, куда спастись. Хотя он пытался бежать изо всех сил, ноги совсем не двигались... Волк зловеще захохотал и выпустил длинные когтищи, острые, как перочинные ножики... «На помощь! — кричал Пекка. — Медведь, помоги! Волк удрал!» Но его губы не издавали ни звука. А Волк всё скалил зубы. И его смех всё страшнее отдавался эхом в каменных стенах.

Пекка напряг последние силы, сел — и открыл глаза. Всё вокруг было совершенно спокойно: светлеющий утренний сумрак и притихший Волчий Замок. Слышался только храп Медведя и совсем близко чьё-то лёгкое дыхание. Приглядевшись, он увидел, что Филин и Лесовик спят рядышком, укрывшись одеялами, одолженными у волков.

Пекка быстро взглянул на тюремные камеры и сразу успокоился: волки безучастно валялись там на своих подстилках, и Великий Волк тоже, причём теперь он совсем не казался страшным. Это был сон, догадался Пекка, кошмарный сон, а не явь, к счастью. Он осторожно ступил на пол. Медведь тотчас перестал храпеть и приподнял голову, подозрительно озираясь. Увидев Пекку, Медведь слегка смутился.

— Я думал... — сказал он с улыбкой, — думал, что...

Пекка улыбнулся ему в ответ: теперь в лесу больше нечего бояться! Медведю пора бы и самому помнить об этом.

А Медведь помнил. Конечно же! Он — властелин Зелёновой Роши — поднялся и с достоинством посмотрел по сторонам. Остальные ещё спали; Медведь одобрительно кивнул — ну что ж, всё спокойно: волки сидят под арестом и будут дальше сидеть; опасности нет ни малейшей. И обернулся к Пекке: не забыл ли он поблагодарить его? Была такая суета...

Медведь наклонился и шепнул Пекке на ухо:

— По правде, я должен был сказать тебе это ещё вчера... но обстановка была не слишком подходящая. Гм... того... Спасибо тебе, Бесстрашный Пекка. Без тебя мы бы вряд ли оказались здесь. Хотя... Поскольку я теперь владыка Зелёновой Рощи, было как-то неуместно говорить про это при всех. Ты же понимаешь. Вот и всё!

Медведь опять привстал на задние лапы и окинул мир оценивающим взглядом. Без сомнения, произошла огромная перемена. Приятно чувствовать себя царём: есть в этом что-то великое.

«Как раз по мне, — думал он. — Дааа... Некоторым эта должность подходит лучше, чем другим».

— Да что там, ерунда, — ответил ему Пекка, немного стесняясь. — Это твоя храбрость нас спасла.

«Пекка говорит весьма разумные вещи!» — подумал Медведь. Но Пекка продолжал:

— И все помогали — Филин, Лесовик, даже Лисонька... Без них мы не нашли бы ключ смелости!

— Ключ смелости... — смутился Медведь. — Совершенно верно, тот маленький

золотой ключик... Да, он чуть-чуть помог... — Медведь кашлянул и отвернулся, стараясь забыть про ключ. Он больше ни к чему... теперь. Волки в тюрьме, и впредь будут там же, а сам он теперь такой смелый и отважный, что ключ ему совсем не нужен — пусть остаётся просто на память, думал Медведь.

Пекка, глядя на величавые повадки Медведя, невольно улыбнулся: ещё вчера тот выглядел совсем по-другому...

«Но похоже, что жизнь такая штука, — размышлял Пекка, — что вчерашнее тут же забывается и каждый день — другой, новый. Как быстро всё произошло! А теперь спешить некуда».

Медленно светало, свежий осенний ветер шуршал в деревьях; какая-то птичка встревоженно пицала в ельнике. А потом над краем леса взошло солнце. Утро на мгновение замерло: мир прислушивался к чему-то, затаив дыхание, но скоро повсюду разлился свет, и синим чистым воздухом распахнулся день, наполняясь проснувшейся работой и движением.

Барышня Лисонька появилась из внутренних покоев замка и побежала к ручейку —

привести себя в порядок. Лесовик же долго озирался, хлопая глазами на солнце, а затем подковылял к Пекке.

— О-хо-хонюшки, ну и яркий же свет! — сказал Лесовик. — Усталость одолела... А тут опять день! Оно, конечно, и дни тоже нужны. Днём даже фонарика не требуется. — И Лесовик основательно зевнул. Он прислонился к стене и, похоже, погрузился в воспоминания. — Я могу продремать по крайней мере лет двадцать, — пробормотал он, закрывая глаза. И — к большому изумлению Пекки — в самом деле тут же заснул.

Лисонька тем временем умылась, почистила шубку и платье и заметно приободрилась.

— А чем мы теперь займёмся? — спросила она с воодушевлением. — Погода сегодня — лучше не придумаешь... и мне, честно говоря, ужасно есть хочется. — Глаза Лисоньки заблестели. — Наверняка где-то в замке ещё осталась земляника!

По возгласам Филина было ясно, что ему понравилась Лисонькина мысль.

— Да уж... — протянул Медведь. — Я бы тоже с удовольствием что-нибудь пожевал. —

И, уже повелительным тоном, объявил: — Желаю, например, мёду! И кукурузных хлопьев! Я их больше всего люблю!

Пекке не слишком хотелось отправляться на кухню. И поскольку Лисонька с Филином смотрели то в пол, то друг на друга и тоже явно без восторга отнеслись к такой перспективе, Пекка задумался: как же всё-таки исполнить приказ Медведя? Раньше в замке прислуживали волки, и в общем неплохо... во всяком случае у них есть опыт. Но ведь сейчас они находятся под арестом — все до единого. Пекка взглянул на волков, потом на Медведя.

— Я бы тоже охотно позавтракал, — сказал он. — Не помогут ли нам волки? Всё равно нужно придумывать, как с ними поступить. Как-то глупо держать их всю жизнь в тюрьме. Опять-таки — их тоже кто-то должен кормить.

— Дело говоришь, Пекка Бесстрашный! — воскликнул Медведь, несколько изумлённый, потому что ему ничего подобного даже в голову не пришло. — Волки знают, где здесь еда, умеют стряпать и накрывать на стол. Но...

Лисонька вдруг радостно взвизгнула и запрыгала, захлопала в ладоши.

— Ура! — закричала она. — У меня замечательная идея — я знаю, чем мы сейчас займёмся! Здесь такой хороший большой двор, правда сначала его нужно как следует убрать...

— Да, двор чудесный! — подтвердил Филин. — Особенно для праздников. Для танцев, показательных легкоатлетических выступлений и тому подобных вещей.

— Помещение действительно неплохое, — перебил их Медведь, — но прошу заметить, что речь идёт о моём тронном зале... — Он многозначительно кашлянул. — Так что следовало бы сначала спросить у меня, что здесь будет.

Но Лисонька и не думала обращать внимание на слова Медведя — он, по всему видно, решил окончательно превратиться в ворчуна.

— Ой, нет, я хочу сказать, — тараторила Лисонька, — я собиралась предложить, чтобы мы открыли здесь настоящую собственную столовую! Кафе-столовую! Чтобы здесь всегда была еда! И все голодные приходили в нашу столовую поесть!

Лесовик тотчас же проснулся — Лисонькина речь каким-то удивительным образом дошла до него сквозь сон. Он тоже был голоден!

— Но холодную свежую воду и чёрный хлеб обязательно надо включить в меню, — с упрёком обратился он к ней, — иначе я не согласен!

Пекка присел на краешек топчана и задумался. И чем дольше он думал, тем больше нравилась ему Лисонькина мысль. Почему бы и нет... Столовая станет местом, куда смогут приходить все лесные жители. Прекратятся наконец вечные распри — где кому питаться, чьи ягоды и грибы растут там-то и там-то... всё будет общее, всё будут доставлять сюда, готовить и есть... Но нет — не так-то всё просто, вспомнил Пекка.

— А какими деньгами мы будем платить за продукты? — спросил он. — Бесплатно ведь ничего не получишь, нужны деньги. Без них столовая и дня не продержится!

Медведь с изумлением воззрился на Пекку. По крайней мере, на этот счёт у него было твёрдое и определённое мнение.

— Как так — на какие деньги? — воскликнул он. — На медведеньги, разумеется! Одно

блюдо в столовой будет стоять одну медведе-нежку. Два блюда — две... Очень просто! — Медведь ухмыльнулся, очень гордый собой. Первым делом он прикажет изъять из обращения волкоденьги и вместо них наделать побольше медведенег. И все трудности в лесу кончатся... «Сейчас же закажу образец у паука-крестовика, пусть сплетёт что-нибудь эдакое, особенное, что трудно подделать... а в центре — мои благородные черты...»

«Ну вот, — размышлял тем временем Пекка, — как у них тут всё образуется — уже не моя забота. Откуда возьмутся деньги, кто их будет хранить, кто будет выдавать зарплату и доставлять продукты... Это всё их собственное дело — жителей Зелёной Рощи. Но может быть, здесь всё пойдёт легче, чем в мире людей? Еды в лесу пока хватает, и звери вроде бы кажутся покладистыми и работающими. А из Волчьего Замка наверняка выйдет отличная столовая! Может, и я буду иногда заглядывать туда — на чернично-молочный коктейль».

Филин был особенно доволен.

— Я мог бы организовать развлекательную программу и тому подобное, — щебетал

он. — И одновременно могу быть метрдотелем: у меня есть собственный фрак, а это большая редкость... и к тому же этикет я знаю лучше других...

Лисонька счастливо вздохнула:

— Ах да, конечно! — и добавила ласковым шёпотом — ведь ее мечта сбывалась прямо на глазах: — Из тебя выйдет великолепный метрдотель! А я могла бы по хозяйственной части... бухгалтером... как-никак, я лисьей породы.

— Как начальник этого замка, я тоже могу кое-что сказать, — недовольно заметил Лисоньке Медведь. — Предлагаю назначить бухгалтером Бобра! У него деньги наверняка будут в сохранности, и он не перепутает свои купюры с чужими. А из тебя, Лисонька, получится замечательный оформитель — потому что у тебя есть художественный вкус! Ты будешь заниматься украшением двора, сервировкой, уборкой...

Лисонька сначала не совсем поняла, следует ей обидеться на Медведя или не стоит, но довольно быстро остановилась на втором. Медведь, в конце концов, прав: она одевается лучше всех барышень Зелёновой Рощи...

Сначала здесь нужно хорошенько убрать, потом она развесит повсюду восхитительные ткани, чтобы прикрыть грубые стены... На пол — плотные мягкие хвойные ковры... на небо — звёздочки, луну... Она чудно всё устроит!

Лесовик тоже захотел принять участие в беседе.

— Я могу работать здесь ночным сторожем... не спать, когда столовая закрыта, и наоборот, — сонно пробормотал Лесовик и снова задремал. Он выбрал себе на редкость подходящую должность.

— Здрóрово! — воскликнул Пекка: эта затея со столовой нравилась ему всё больше и больше. — Но где нам взять персонал? А волки, что с ними делать?

— И в самом деле... — Медведь почесал в затылке, — это мы ещё не решили.

Какой-то волкохран услышал, что разговор идёт о них, и жалобно заскулил в своей каморке. Пекка взглянул на волков. Они бродили из угла в угол, поджав хвосты, жалкие и беспомощные... Те самые волки, которые ещё вчера были такими жестокими и страшными! Если бы они остались такими же ти-

хонями, как сейчас, то с ними бы не было никаких хлопот... Если бы только не обижали других зверей...

И тут взгляд Пекки случайно упал на фонарик Лесовика. Пекка даже рассмеялся: дело в шляпе! Он так обрадовался, что принялся насвистывать песенку — единственную, которую знал, — «Пусть бегут неуклюже», из мультика про Чебурашку. А потом закричал:

— Поставим волков обслуживать столовую! Сделаем из них официантов, поваров, уборщиков, гардеробщиков. Они ведь именно этим занимались на службе у Великого Волка.

— Нет-нет! — в ужасе застонал Медведь, он ещё слишком хорошо помнил вчерашние события. — Они опять начнут вытворять всякие гадости...

— У нас же есть Лесовик со своим волшебным фонариком! — с жаром воскликнул Пекка. — Лесовик заколдует волков — и всё! Они тут же станут хорошими. Увидишь, как это просто!

— Я против! — заявил моментально проснувшийся Лесовик. — Никогда в жизни больше этого не сделаю! С меня хватит и

одного помешанного на поэзии волкохрана! Мне от волков жизни не будет. А их вон сколько!

— Что ты, не волнуйся, Лесовик! — принялся горячо уговаривать Пекка. — Ты колдуй вполсилы, или можно как-нибудь уменьшить воздействие фонарика. Например, накроем его Лисонькиным шарфиком, а? Свет сразу будет слабее. И волки выйдут наполовину хорошие, а наполовину — плохие, как и все мы. Тогда мы с ними справимся сами. Даже если Медведь когда-нибудь отправится в свою Лапландию. Ну, как ты считаешь?

Лесовик теребил бороду. Не очень ему это всё нравилось, но ничего другого не придумаешь. Можно, по крайней мере, попробовать. Он кивнул и нехотя щёлкнул кнопкой выключателя. Шарфиком Лисоньки обмотали фонарик, и всё было готово. Лесовик поднялся и на негнущихся ногах заковылял к волкохранам.

А Пекка во всю глотку завопил:

— Внимание-внимание! Сейчас начнётся повторное выступление прославленного мэтра поэзии Лесовика! По просьбе публики! Он прочтёт свою знаменитую оду! Из сборника

«Грёзы Лесовика»... Важнейшее лесокультурное мероприятие!

Лесовик ходил от одной каморки к другой, направлял луч фонарика на морду волка, бормотал заклинание... и ждал самого худшего! Но шарфик, похоже, помогал. Волки даже не думали кидаться к Лесовику с распростёртыми объятиями. Когда Медведь открыл двери каморок, они вышли во двор — смирные и степенные, точно всегда такими были. Когда очередь наконец дошла до Великого Волка, тот выступил на свет, такой пристыженный и виноватый, что Лесовик не мог не усмехнуться про себя.

«Странный и чудной мир, — думал он, — только что Великий Волк был таким страшным, насквозь пропитанным злобой, а сейчас он вроде примерного ученика воскресной школы... Но и его всё-таки нужно заколдовать — на всякий случай!»

И Лесовик в последний раз включил фонарик, осветил Великого Волка и медленно произнёс привычные слова заклинания:

*Даже чёрное белеет,
лишь его коснётся свет:
там, где луч волшебный реет,
темнотищи больше нет!*

Когда фонарик погас, Великий Волк застыл на месте, вроде бы ничуть не изменившись, разве что выражение глаз стало помягче. Он взглянул на Лесовика, потом на Медведя, на Пекку и Филина тоже, но ничего не сказал, а скользнул к остальным волкам. И уже вскоре первым, как самый старательный сержант, выносил под началом Лисоньки из замка всякий хлам. Потому что Лисонька решила сразу же начать ремонт и заранее предвкушала результат своих трудов. Эта кошмарная пещера превратится в уютное и приятное место.

Пекка не верил своим глазам: работа вдруг пошла с необычайной скоростью, причём всё быстрее и быстрее. Замок очищался от мусора, стайки птиц уже несли занавеси и коврики, пауки заделывали отверстия в стенах, еноты-полоскуны надраивали полы, а волки им помогали. А потом они принялись таскать столы. Как по волшебству, появились скамейки и табуретки, а волки оказались одетыми в фартуки и поварские колпаки. Великого Волка назначили швейцаром: он стоял в дверях, в своём мундире с галунами и военной фуражке, и следил, чтобы лесные жители,

валом валившие в столовую, вели себя прилично и не забывали сдавать шубы в гардероб.

За столами уже ждали посетители, из кухни несли еду и напитки, звери вовсю работали ложками, ножами и вилками — все были предовольны.

Филин во фраке расхаживал взад-вперёд по залу, принимал заказы, провожал на места опоздавших, раскланивался, слушал, помогал клиентам выбрать сок. И глаза у него от счастья были как блюдца.

Барышня Лисонька разбрасывала серпантин: скоро вся столовая была им усыпана. В это время подросли музыканты: Кукушка, Чёрный Дрозд и Жаворонок. Настроив инструменты, они заиграли, запели, и вскоре к ним присоединился весь лесной народ:

*Теперь столовая в лесу
под кроной старых елей!
Мы кормим зайца и лису,
сюда провизию несут —
чтоб звери дружно ели!*

Всё больше и больше зверей входило в столовую, и Великому Волку приходилось быть

начеку: он остановил буянившую росомаху и приказал ей прийти в другой раз — когда научится вести себя пристойно. Можно было подумать, что Волк всю жизнь состоял в этой должности! Объявилась в столовой и Бабушка Зайчиха: робко улыбаясь, она понесла грибы — в новой корзинке — прямо на кухню.

Пекка смотрел и слушал, всё происходящее мелькало и кружилось у него перед глазами.

«До чего же я устал, — подумал он, — надо отдохнуть...» Пекка прилёг на бывший топчан Великого Волка и удивился — совершенно непонятным образом рядом с диваном оказалась его мама.

— Вставай, Пекка Бесстрашный, — сказала мама и слегка потормошила Пекку, но он повернулся на другой бок, решив, что ни за что не проснётся, — он никогда ещё так не уставал!

— Я же только что лёг, — пробормотал Пекка, зарываясь головой в подушку.

Со всех сторон к замку летели птицы, садились на ветки деревьев и на крепостную стену над столовой; птиц становилось всё больше,

и все вокруг запели чудесную песню, — Пекке
казалось, что деревья тоже поют. А песня зву-
чала всё громче и громче:

Открыли мы столовую — сосновую, еловую!

Над нею солнце по утрам встаёт!

Мы жизнь устроим новую,

весёлую, здоровую —

и солнце будет с нами круглый год!

Скорее к нам — в столовую,

сосновую и новую, —

лесной народ

от радости

поёт!

Содержание

О повести Ханну Мякеля. Э. Успенский.	5
---	---

БЕССТРАШНЫЙ ПЕККА

Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	42
Глава четвертая	56
Глава пятая	76
Глава шестая	96
Глава седьмая	107
Глава восьмая	119
Глава девятая	131
Глава десятая	141
Глава одиннадцатая	153
Глава двенадцатая	170
Глава тринадцатая	182
Глава четырнадцатая	211
Глава пятнадцатая	227

Литературно-художественное издание

**ХАННУ МЯКЕЛЯ
БЕССТРАШНЫЙ ПЕККА**

Редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Ирина Каряева
Корректоры Татьяна Виноградова, Ирина Киселева
Верстка Алексея Положенцева

ИД № 03647 от 25.12.2000.

Подписано в печать 11.11.2001. Формат издания 76×108^{1/32}.
Печать высокая. Гарнитура «Букман». Тираж 7000 экз.
Усл. печ. л. 11,2. Изд. № 78. Заказ № 2490.

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука» представляет

Серия «Наследие»

Новая серия знакомит читателей
с литературным наследием
знаменитых мастеров живописи

Вышли в свет

А. ДЮПЕР. Трактаты.
Дневники. Письма

А. МАТИСС. Заметки живописца

С. ПАРАДЖАНОВ. Исповедь

К. ПЕТРОВ-ВОДКИН.
Пространство Эвклида

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.
Суждения о науке и искусстве

В. КАНДИНСКИЙ.
Точка и линия на плоскости
К. МАЛЕВИЧ. Черный квадрат

П. ФИЛОНОВ. Дневники

М. ШАГАЛ. Моя жизнь
ЭЖЕН ДЕЛАКРУА. Письма

Готовится к выходу
ПОЛЬ ГОГЕН. Ноа Ноа

Издательство «Азбука» представляет

Серия «Азбука-Классика» (pocket-book)

В сентябре-октябре 2001 года в серии вышли

ГЕНРИ МИЛЛЕР. Колосс Маруссийский
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ. Старик и море
ИОСИФ БРОДСКИЙ. Поклониться тени
СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ. Чемодан
МАЦУО БАСЁ. По тропинкам Севера
ВЛАДИМИР НАБОКОВ. Король, дама, балет
ДЖОН БАРТ. Плавающая опера
РИЧАРД БАХ. Чайка по имени Джонатан Ливингстон
ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ. Скотское хозяйство
МИЛАН КУНДЕРА. Смешные любви
ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ. Некрополь

Новые книги серии

ДЗЮНЬИТИРО ТАНИДЗАКИ. Похвала тени
УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ. Пирамида
НИКОЛАЙ ФРОБЕНИУС. Лакей маркиза de Saga
АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ. Фламандская госка
ГЕРМАН ГЕССЕ. Сон о флейте
СОМЕРСЕТ МОЭМ. Тогда и теперь
ИВАН БУНИН. Жизнь Арсеньева
ТРУМЕН КАПОТЕ. Завтрак у Тиффани
ХУЛИО КОРТАСАР. Слону дьявола

КНИГА — ПОЧТОЙ

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«АЗБУКА» МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ
ВАС СПОСОБОМ:**

- ПО ТЕЛЕФОНУ: (812) 3270455
- ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ: AREAL@SPBPOST.RU
- НА СЕРВЕРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»: WWW.AZBOOKA.RU
- ПО ПОЧТЕ: 192236 САНКТ-ПЕТЕРБУРГ А/Я 300 ЗАО «АРЕАЛ»

**Вы можете выбрать
удобный для вас способ заказа:**

- Наложным платежом с оплатой заказа при получении бандероли в ближайшем почтовом отделении. Обратите внимание, что цены на издания приведены без учета стоимости пересылки вашего заказа по почте.
- По предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте. Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книги из типографии.

При оформлении заказа укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
 - почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
 - название издательства, имя автора, название книги, номер тома, количество заказываемых экземпляров.
-

Серия «Планета людей»

Очень хочется верить в то, что книги будут сопутствовать нашим детям всегда и помогут им вовремя повзрослеть, представить свое место в новом, «взрослом» мире. В серии «Планета людей» выходят увлекательные книги, написанные мудрыми взрослыми, не забывшими, что они когда-то были детьми.

Антуан де Сент-Экзюпери. МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

В детстве Антуан де Сент-Экзюпери мечтал о дальних странах, рисовал, сочинял стихи, учился играть на скрипке. В двенадцать лет Антуан впервые оказался в кабине самолета, поднялся над землей. Это определило его дальнейшую судьбу — он стал летчиком. 31 июля 1944 года Сент-Экзюпери отправился в свой последний полет — его самолет исчез в небе где-то над Атлантикой. Годом раньше была напечатана его философская сказка «Маленький принц». Теперь, в начале XXI века она переведена на 118 языков. Уверяют, что это самая читаемая книга после Библии. В приложении к настоящему изданию рассказывается о том, как создавалась эта сказка, впервые в России публикуются рисунки автора, не вошедшие в основной текст.

176 с. 12х20,5 см
переплет

Цена 60 руб.

Лот № 344

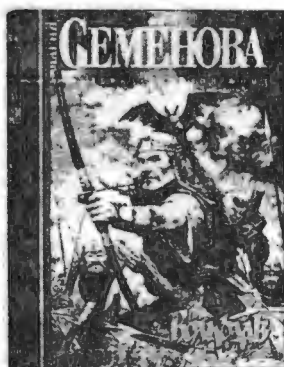
цены указаны без учета почтовых расходов

Серия «Золотой фонд»

Серия «Золотой фонд» — это подарочные издания лучших мастеров российского «fantasy».

Мария Семёнова. ВОЛКОДАВ

610 с. 14х22 см,
переплет, супербложка

Цена 110 руб.

Лот № 334

Вышедший впервые из печати в конце 1995 года «Волкодав» Марии Семёновой стал событием в литературной жизни России, открыв, по сути, новый жанр — «славянское fantasy». Сегодня книгу смело можно назвать «национальным бестселлером» — пять лет она не покидает верхние строчки хит-парадов, а количество продающихся ежегодно экземпляров измеряется сотнями тысяч. В 2000 году вокруг «Волкодава» и его продолжения «Волкодав. Право на поединок» сложился большой мультимедийный проект «Мир Волкодава», включающий помимо книг настольные игры, комиксы и игрушки.

цены указаны без учета почтовых расходов

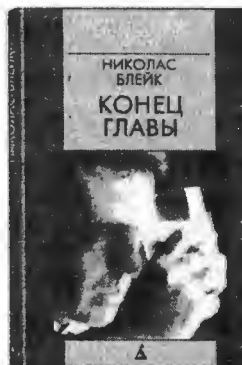
Серия «Седьмой круг»

Серия «Библиотека классического детектива "Седьмой круг"» — собрание лучших интеллектуальных, психологических детективов, написанных в Англии, США, Франции, Германии и других странах, — была составлена и опубликована за рубежом одним из самых известных писателей XX века Хорхе Луисом Борхесом.

Николас Блейк. КОНЕЦ ГЛАВЫ

Николас Блейк, поэт и романист, является в то же время одним из мэтров английского детектива.

В романе «Конец главы» в солидном лондонском издательстве происходит жестокое убийство. Его жертва — известная писательница. Преступник разработал хитроумный план, чтобы пустить полицию сразу по нескольким неверным следам. Но за дело берется криминалист-любитель Найджел Стретинджер.

388 с. 76х90/32,
переплет

Цена 55 руб.

Лот № 329

цены указаны без учета почтовых расходов

**«Книжный Клуб СНАРК»
представляет**

*Самый широкий ассортимент книг
издательства «Азбука»*

**телефон 050
пейджер 053 абонент «СНАРК»**

В.О. Большой пр., 68 м «Василеостровская»

Загородный пр., 21 м «Владимирская»

Вестибюль ст. м «Лизовский проспект»

Старо-Петергофский пр., 54 м «Нарвская»

Невский пр., 87/2 м «Площадь Восстания»

Ивановская ул., 6 м «Ломоносовская»

Новочеркасский пр., 28/19 м «Новочеркасская»

пр. Просвещения, 74 м «Проспект Просвещения»

пр. Энгельса, 113/А м «Озерки»

пр. Обуховской Обороны, 105 м «Елизаровская»

пр. Чернышевского, 17 м «Чернышевская»

Лермонтовский пр., 55 м «Балтийская»

Книги издательства «Азбука»
в Интернет-магазине

Уважаемые читатели!

Если Вы являетесь пользователями сети Интернет,
то у Вас есть возможность познакомиться
с новинками нашего издательства и сделать заказ,
не отходя от компьютера.

Предусмотрены выбор книг по аннотированному
каталогу с цветными обложками и возможность
удобной для вас формы оплаты.

Книги высылаются почтой.

Ждем вас круглосуточно по адресам:

<http://www.top-kniga.ru/>

<http://www.esterum.com/>

<http://www.ozon.ru/>

<http://www.bolero.ru>

www.azbooka.ru

Уважаемые читатели!

Приглашаем Вас посетить интернет-сайт
издательства "АЗБУКА" по адресу

www.azbooka.ru

На нашем сайте Вы найдете каталог книг
издательства, информацию о новинках
и планах на будущее, отрывки из новых книг
и многое другое.

Здесь можно задать интересующие Вас вопросы
и высказать свои пожелания.

На сайте Вы также найдете ссылки
на интернет-магазины, торгующие книгами
издательства "Азбука".

Ждем вас круглосуточно, каждый день!

По вопросам приобретения книг издательства «Азбука» обращаться

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
издательство «Азбука»
тел. (812) 327-04-55, факс 327-01-60

В МОСКВЕ:
представительство издательства «Азбука»
тел. (095) 911-99-74

ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
тел. (095) 265-81-93

книготорговое объединение «Оникс»
тел. (095) 150-52-11, (095) 110-02-50

В ЧЕЛЯБИНСКЕ:
ЗАО «Корвет», тел. (3512) 36-75-10

В НОВОСИБИРСКЕ:
ООО «Топ-книга», тел. (3832) 36-10-28

В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:
ООО «Фэнтон-Пресс», тел. (8632) 65-61-64

В ИРКУТСКЕ:
издательство «Востсибкнига», тел. (3952) 34-42-95

В ВОЛГОГРАДЕ:
ООО «Эзон», тел. (8442) 37-25-19

Все вы, наверное, читали книгу «Дядюшка Ау» или видели такой мультфильм. Может быть, вам попадалась книжка «Пяйве Пяйвевич Пяйвев» или вы видели кукольную пьесу с таким названием. Обе эти повести написал известный финский писатель Ханну Мякеля. Он вообще-то написал очень много книг, просто именно эти были переведены на русский язык и понравились русским ребятам.

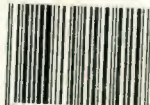
Теперь у вас в руках его новая сказка — «Бесстрашный Пекка». Это удивительное произведение. На моей памяти это первая попытка рассказать юным читателям историю о борьбе с диктаторской командой, о противоборстве Добра и Зла.

Открывайте книгу и начинайте читать. Только не читайте на уроке — учитель отберет книгу и будет читать сам.

Эдуард Успенский

"ДОМ КНИГИ"

95.00

0 078329 190429

Мякеля
Х. Бесс
страшный
Пекка:
Сказ...

ISBN 5-352-00128-8

9 785352 001288